

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (59) — 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (59) — 2011

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State University),
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

The issues may be sent by the preliminary request

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ

ББК 60.561.1

Е. В. Базуева

ВЛАСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Гендерная экономика как направление экономической науки начала формироваться в течение двух-трех последних десятилетий. Она исследует с помощью инструментария экономической теории динамику гендерных процессов и явлений, изменяющихся под воздействием системы формальных и неформальных правил, регулирующих принятие решений, деятельность и взаимодействие экономических агентов и распределение результатов экономической деятельности между ними, анализирует издержки воспроизводства гендерной асимметрии на всех уровнях экономики, значительно снижающие эффективность ее функционирования, и определяет траектории оптимизации действующего институционального механизма обеспечения гендерного равенства.

В настоящее время наиболее разработаны с учетом гендерной методологии положения марксистского и неоклассического направлений фундаментальной экономической теории, однако практически не используются достижения институциональной экономики, особенно такого ее направления, как экономика власти. Между тем категория власти всегда рассматривалась в качестве ключевой в феминистских исследованиях, которые стали базисом для формирования методологии гендерной экономики. В них она озвучивается в терминах патриархата, под которым понимается господство мужчин над женщинами, т. е. система гендерных отношений, в которой мужчина является субъектом власти, а женщина — объектом [1, с. 170—171]. Данная трактовка гендерной власти традиционна и выступает следствием политической теории развития нашего общества в период XVII — начала XX в. При этом заметим, что у представителей разных направлений феминизма ракурс изучения отношений власти был различен (см. подробнее: [2]). Так, например, представители либерального феминизма считали, что внедрение института формального равенства через систему государственных институтов власти способно устранить гендерно иерархизированное устройство общества. Социал-феминисты акцентировали внимание только на анализе экономических предпосылок возникновения властных отношений. Представители психоаналитического феминизма концентрировали внимание на внутренней динамике психики и психосексуальной обуслов-

ленности гендерной власти. Радикальные феминистки подчеркивали значимость биологических различий мужчин и женщин в системе гендерной власти. И наконец, направление постмодернистского феминизма (постфеминизма) определяет власть как практику телесной нормализации субъективности.

Однако, во-первых, власть мужчин теоретиками феминистских исследований рассматривалась только как внешнее воздействие, не имеющее внутренних форм проявления.

Во-вторых, причины, обозначенные представителями феминизма, вторичны и воспроизводят уже закрепленную систему властных отношений. Говоря на языке экономической теории, речь идет об институтах гендерной власти, которые ограничивают рамки гендерного поведения индивидов. Следовательно, ни одно из направлений феминизма не изучает генезис формирования властных отношений в сфере гендерной экономики, а констатирует уже сформировавшиеся гендерные формы властного воздействия.

В-третьих, ни одним из направлений феминизма не были проработаны связанные с властными отношениями издержки у женщин и выгоды у мужчин, их влияние на эффективность функционирования экономики и общества.

В-четвертых, механизмы оптимизации системы гендерного неравенства, предложенные представителями различных школ феминизма, не выходят за рамки патриархатной методологии исследования.

В-пятых, представители разных направлений феминизма не рассматривают комплексно предпосылки, причины и формы оптимизации гендерно властного воздействия.

В целом можно констатировать, что концептуальные дискуссии о системе гендерной власти находятся за пределами основной проблематики теоретиков феминизма. Кроме того, они не могут дать ответа на следующие вопросы: почему именно женщины подвергаются властным воздействиям? в чем первопричина гендерной несправедливости в распределении властных ресурсов? можно ли ее каким-то образом гендерно оптимизировать?

На наш взгляд, ответить на поставленные выше вопросы можно, учитывая накопленный в экономической теории опыт и инструментарий исследования отношений экономической власти. Для этого представляется целесообразным использовать поведенческую модель теории власти, разработанную В. В. Дементьевым. Для начала напомним ее исходные постулаты.

— агенты экономической системы (стороны взаимодействия) рассматриваются с позиции стандартной неоклассической теории, т. е. основой их поведения является рациональный выбор, направленный на максимизацию индивидуальной полезности в рамках заданных ограничений;

— экономическая среда, в которой действуют рациональные агенты, характеризуется следующими особенностями: а) взаимодействующих агентов множество; б) все ресурсы, используемые агентами, ограничены; в) каждый из агентов обладает определенными ресурсами для воздействия на максимизацию индивидуальной полезности другого; г) природные, естественные или технологические препятствия, ограничивающие доступ каждого из членов множества к любому из ресурсов, отсутствуют;

— экономические агенты, вступающие во взаимодействие, не равны между собой по тем или иным параметрам, которые используются для максимизации собственной индивидуальной выгоды.

При наличии таких предпосылок, уточняет В. В. Дементьев, степень реализации индивидуальной функции полезности каждого экономического агента зависит от того, каким образом используются ресурсы, принадлежащие другим экономическим агентам нашего множества. Эта зависимость имеет две стороны: ресурсы, которыми обладают экономические агенты, могут выступать по отношению друг к другу источником выгоды или являться причиной ущерба (потери полезности), т. е. оказывать как положительное, так и отрицательное влияние [6, с. 75]. В связи с этим возникает ряд вопросов. Каким образом доминирующий агент (в нашем случае мужчина) подчиняет себе поведение другого агента (в нашем случае женщины)? Почему именно женщины выступают в роли объекта власти, а мужчины — в роли субъекта власти?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо в неоинституциональную модель поведения экономических агентов к трансформационным и трансакционным издержкам добавить издержки, связанные с наличием элементов власти в трансакциях между ними. В. В. Дементьев выделяет два вида таких издержек: подчинения и отказа [6, с. 76—80].

Под первыми понимаются издержки, которые несет управляемый агент при подчинении его ресурсов субъекту власти, их результатом является создание полезности для другого агента. Издержки подчинения могут быть двух видов: 1) явные, которые несет объект власти при использовании своих ресурсов для максимизации функции полезности субъекта власти; 2) скрытые (т. е. вмененные издержки), представляющие собой упущенную объектом власти выгоду вследствие отказа от альтернативных подчинению действий и отвлечения собственных ресурсов на внешние цели. Издержки подчинения имеют аспекты количественный (выражающийся в величине прямых или скрытых издержек, которые несет объект власти) и качественный (характеризующийся тем, в какой целесообразной форме данные издержки выступают).

Возникает вопрос: почему рациональный агент, выступающий в роли объекта власти (в нашем исследовании им является женщина), соглашается нести издержки в пользу другого агента? Исходя из предпосылок рациональности поведения агентов, использование своих ресурсов в пользу субъекта власти и наличие издержек подчинения должны максимизировать собственную выгоду объекта власти. Следовательно, чтобы подчинить агента, субъект власти должен изменить для него соотношение издержек и выгод альтернативных вариантов поведения (подчинения или отказа от подчинения). Для этого субъект власти должен создать для объекта власти дополнительные издержки, которых не существовало «до» власти и которые он вынужден будет нести в случае отказа от подчинения ему своих ресурсов или вследствие использования управляемым агентом собственных ресурсов в ущерб управляющему агенту. Данный вид издержек В. В. Дементьев обозначает как издержки отказа. Создание издержек отказа для контрагента возможно двумя способами: 1) в форме упущенной полезности (выгоды) вследствие отсутствия доступа к ресурсам субъекта власти; 2) в виде прямых издержек (потерь) в форме изъятий ресурсов управляемого

агента (ущерба для него) или ограничений доступа к их использованию. Таким образом, в результате формирования издержек отказа независимая от субъекта власти деятельность становится неэффективной, поскольку при отказе от подчинения величина издержек единицы полезности возрастает для управляемого агента настолько, что превышает величину издержек, необходимую для присвоения единицы полезности при подчинении субъекту власти.

Заметим, что в данном случае «речь идет не об издержках, необходимых для производства единицы блага, а об издержках, необходимых для присвоения единицы полезности (блага, дохода). В отличие от издержек производства, величина которых, в конечном счете, определяется законами природы и уровнем развития технологии, данные издержки имеют социальную природу в том смысле, что их величина определяется социальными силами — характером взаимодействия между людьми. Так, например, можно присваивать блага, вообще не неся никаких издержек по их производству. Принятие предпосылок неравенства и ограниченной добровольности (принудительности) в обмене имеет следствием признание принципиального отклонения величины издержек, необходимых для присвоения блага, от величины издержек по его производству» [6, с. 77].

Таким образом, для создания возможности властных воздействий субъект власти (в нашем случае мужчина) должен создать издержки отказа для объекта власти (в нашем случае женщина), которые формируют издержки подчинения, связанные с созданием полезности для управляющего агента при использовании ресурсов контрагента. Если бы, отмечает В. В. Дементьев, «следование целям и интересам внешнего субъекта не предполагало бы для объекта власти никаких издержек, то проблемы власти (а значит, и гендерной асимметрии) не существовало бы, как не существовало бы проблемы подчинения одного человека другим». Это является внешним признаком власти: «человека заставляют делать то, чему индивид сопротивляется, чего не желает делать». Такие изменения в содержании и результатах поведения экономических агентов при наличии власти по сравнению с ее отсутствием выражаются в следующем [6, с. 87—88]:

1) изменении соотношения издержек и выгод альтернативных вариантов экономического поведения, т. е. происходит «сдвиг издержек»;

2) изменении мотивации экономического агента к альтернативным вариантам поведения, т. к. одни виды экономического поведения становятся «выгодными» для объекта или субъекта власти, а другие перестают быть эффективными с точки зрения максимизации функции полезности;

3) изменении распределения ресурсов между сторонами властного отношения, т. е. ресурсы, находящиеся под контролем объекта власти, переходят под контроль ее субъекта, объект власти, в свою очередь, может получать доступ к ресурсам ее субъекта;

4) изменении целей, на достижение которых направлена деятельность экономических агентов;

5) несбалансированном производстве благ (перепроизводстве одних и недопроизводстве других).

Таким образом, результатом проявления властных воздействий выступает наличие гендерной асимметрии во всех сферах жизнедеятельности мужчин и женщин, которая изменяет их функции полезности следующим образом: женщины за доступ к ресурсам, которые контролируются мужчинами, несут издержки и предоставляют в обмен мужчинам собственные ресурсы. В итоге субъект власти (мужчина) получает в обмен на свои ресурсы больше, чем они «стоят» в условиях отсутствия властных воздействий, т. е. меньше, чем предельные издержки на их создание (ренту власти). В свою очередь, объект власти (женщина) получает меньше, чем «стоят» его ресурсы в условиях совершенной конкуренции, т. е. меньше стоимости (цены) предельного продукта, созданного этими ресурсами.

Почему стало возможным возникновение данного вида неэквивалентного обмена ресурсами между мужчинами и женщинами? Что является основой возникновения властных воздействий, а значит, предпосылкой формирования издержек по отношению к объекту власти? В. В. Дементьев, так же как и теоретики феминизма, считает первопричиной возникновения власти асимметрию (неравенство) в распределении ресурсов между взаимодействующими агентами (табл. 1).

Таблица подтверждает, что все формы неравенства в распределении ресурсов проявляются в гендерном взаимодействии агентов, причем каждая из них способствует дальнейшему воспроизводству гендерной власти. Почему ресурсы мужчин стали ресурсами власти для женщин? Напомним, что ранее у объекта власти (женщин) отсутствовали возможности получить интересующие их ресурсы иначе, чем вне обмена и подчинения данному субъекту (мужу). Только через мужа женщина могла удовлетворять свои потребности в различных видах ресурсов общества, т. к. другие экономические агенты, обладающие равнозначным ресурсом, отсутствовали. В обмен на доступ к ресурсам общества через посредников женщина могла предоставить только один ресурс, который у нее был в наличии, — свое тело. По этому поводу Ш. П. Гилман писала, что «женщина, подобно животному, ориентирована лишь на сексуальные отношения, поскольку они были для нее одновременно и экономическими — исключение ее из производства подразумевало возможность выживания за счет ее способности привлечь супруга» (см.: [4, с. 119]). Заметим, что российскими гендерологами данный ресурс женщин даже рассматривается в качестве их властного потенциала в современном обществе («власть слабых») [7]. Однако с позиции теории экономической власти данный вид обмена не проявление властных воздействий, т. к., во-первых, женщины предоставляют свои ресурсы в обмен на доступ к ресурсам, который для них как объектов власти ограничен; во-вторых, значимость властных потенциалов ресурсов женщин и мужчин для экономических агентов существенно различается. Более того, согласимся с А. А. Темкиной и Е. А. Здравомысловой, данное разделение видов властных воздействий мужчин и женщин будет и далее воспроизводить патриархатную систему взаимодействия между ними. Поэтому «для достижения идеала гендерного равенства» речь должна идти, по нашему мнению, не о «разрушении скрытой власти женщин» и не «о росте публичной власти женщин» [7], а о перераспределении издержек подчинения и ренты власти между мужчинами и женщинами.

Гендерные аспекты экономики

Таблица 1

Гендерная асимметрия в распределении экономических ресурсов

Формы неравенства между агентами экономической системы	Гендерная характеристика форм неравенства между агентами экономической системы
Неравенство в степени монополизации собственности на данное благо	Все ресурсы общества до XX в. были монополизированы мужчинами. В результате приватизации в России собственность на средства производства была сосредоточена в руках мужчин
Неравная эластичность спроса на ресурсы, которыми обладают стороны властного отношения	Рентабельность капитала образования у мужчин значительно выше, чем у женщин. Наличие заболевания снижает заработную плату на 27,7 % для мужчин и 42% для женщин
Неравная значимость ресурсов, которыми обладают стороны обмена	Значимость ресурсов мужчин обществом всегда оценивалась значительно выше, чем ресурсов женщин
Неравная величина издержек для сторон обмена, связанных с «выходом» из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников блага	Женщины более зависимы от мужчин и семьи, следовательно, величина издержек, связанная с поиском альтернативных источников блага, у них значительно выше
Неравновесие между спросом и предложением на конкурентном рынке	Неравные позиции мужчин и женщин на брачном рынке приводят к тому, что женщины изначально выбирают мужчин «более низкого качества», т. к. считают, что лучшие партнеры для них недоступны [3, с. 381—398]
Асимметричный характер в распределении специфических ресурсов*	Согласно неоклассической теории, женщины должны специализироваться на накоплении специфического семейного капитала, а мужчины — рыночного. В дальнейшем это приведет к тому, что перебросить инвестиции на накопление рыночного капитала для женщин станет практически невозможно, т. к. их конкурентоспособность на рынке труда будет значительно ниже, чем у мужчин
Асимметрия покупательной способности экономических агентов	Доходы женщин в среднем на 36 % ниже, чем мужчин, следовательно, ниже и уровень их покупательной способности
Неравнозначный доступ к ресурсам принуждения или насилия (государственным или частным)	Представительство женщин в органах государственной власти составляет менее 10 %, среди руководителей крупных предприятий женщин не более 5 %

* Специфические ресурсы — это ресурсы, которые «будучи раз задействованы <...> уже не могут без потери в своей ценности быть переброшены на альтернативные варианты использования» [14, с. 186].

При этом заметим, что, конечно, представленная иерархия властных потенциалов подвижна и отражает общее состояние условий производства. Изменение этих условий влечет за собой изменение роли и значения различных ресурсов власти. «Власть в экономике, — пишет Дж. К. Гэлбрейт, — некогда была основана на владении землей, затем она перешла к капиталу, и наконец, в наше время источником власти служит тот сплав знаний и опыта, который представляет техноструктура» [5, с. 186]. Исходя из этого, в процессе исторического развития изменялись и формы властного воздействия мужчин на женщин. Известно, что вплоть до XX в. основной формой воздействия мужчин на женщин была власть, основанная на насилии. Об этом свидетельствуют разнообразные источники: пословицы и поговорки, рукописи, дневники, произведения художественной литературы, труды ученых и др. К объекту власти при властном воздействии, основанном на насилии, могут быть применены формы как физического принуждения, так и психологического, на основе возможностей проявления которых формируются издержки отказа для объекта власти. В результате, чтобы не быть «наказанным» (подвергнутым физическим страданиям), объект власти вынужден подчиняться субъекту властных отношений, т. е. «власть представляет собой уже не добровольный обмен ресурсами, а принудительное (под угрозой насилия) перераспределение ресурсов объекта власти в пользу ее субъекта» [6, с. 102]. Подчеркнем, что данный вид власти, как отмечает Э. Гоффлер, является самым низкокачественным. «Насилие порождает сопротивление. Жертвы и уцелевшие ждут первого удобного случая, чтобы нанести ответный удар. Главная слабость грубой силы кроется в ее абсолютной негибкости. Поэтому насилие может быть использовано лишь для наказания» [13, с. 37].

Неслучайно в процессе общественного развития возникают другие виды властного воздействия на объект власти (женщин). Я. Ханмер подчеркивает: «То, что многие мужья не избивают своих жен <...> доказывает не то, что избивание жены и другие виды насилия являются нерегулярной, несистематической практикой <...> но просто то, что необязательно делать это, чтобы обеспечить привилегии вышестоящей группы» (см.: [4, с. 226]). Х. Арендт замечает, что «власть либо держится на согласии, либо насаждается насильственно» (см.: [8, с. 35]). Власть, которая «держится на согласии», в соответствии с теорией власти В. В. Дементьева обозначим как власть, основанную на обмене. Как в первом виде власти (основанной на насилии), так и во втором, уточняет В. В. Дементьев, добровольность обмена не предполагается. Во власти, основанной на обмене, «отношение власти внешне принимает форму добровольного и взаимовыгодного обмена между объектом и субъектом власти, однако за внешней видимостью добровольности и равенства обмена скрываются неравенство позиций и принуждение к обмену». Как отмечалось выше, «суть принуждения заключается в том, что отказ от обмена (в той форме и на тех условиях, которые устраивают субъекта власти), как и отказ от подчинения, влечет за собой такие издержки (потери) для объекта власти, которых он не может избежать, выбрав альтернативный вариант получения значимого блага (т. е. альтернативный вариант обмена — вне подчинения). Таким образом, объект власти вынужден совершать обмен на условиях субъекта» [6, с. 96].

Таблица 2

Сущностная характеристика видов гендерной власти*

Виды гендерной власти	Характер гендерной власти	Формы ограничения свободы выбора	Приоритетные формы проявления власти	Санкции для объекта власти (издержки отказа) в случае нарушения диспозиции власти	Экстерналии гендерной власти для ее субъекта (мужчин)
Власть, основанная на насилии	Принудительное перераспределение ресурсов	Явная — физическое насилие	Контроль над использованием ресурсов	Отчуждение ресурсов (благ). Потеря части доходов или имущества в результате изъятий со стороны субъекта власти	Преднамеренные — получение прямой ренты власти, т. е. разницы между издержками субъекта власти на применение насилия по отношению к ее объекту и «ценой» последствий его применения для объекта власти, а также «ценой» (т. е. величиной издержек подчинения), которую готов «заплатить» этот объект, чтобы избежать насилия
		Скрытая — психологическое принуждение	Контроль над поведением (принятием решений)	Выполнение объектом власти действий или соблюдение им норм поведения, представляющих интерес для ее субъекта. Подавление мотивации к действиям, альтернативным подчинению субъекту власти	Непреднамеренные — получение дополнительного полезного (доминирующего) эффекта в виде модификации результатов деятельности объекта власти
Власть, основанная на обмене	Внешне добровольный обмен ресурсами	Явная — адресные команды	Контроль над экономическими процессами при определенном использовании ресурсов экономическими агентами	Ограничение доступа к благам. Использование собственных ресурсов для создания благ, представляющих интерес для субъекта власти	Преднамеренные — получение ренты власти, возможности выхода за ограниченные рамки собственных ресурсов, трансформации состава и структуры реальных целей, к достижению которых стремится субъект, максимизирующий собственную выгоду
		Скрытая — наличие издержек	Контроль над интересами и мотивацией	Изменение условий выбора (величины издержек альтернативных вариантов поведения)	Непреднамеренные — получение дополнительного полезного (доминирующего) эффекта в виде модификации структуры целей и мотивации объекта власти

* Сост. по: [6, с. 93—141].

Сущностная характеристика двух видов властного воздействия представлена в табл. 2. Указанные формы власти 1) дополняют друг друга; 2) в зависимости от исторических и экономических условий обладают своего рода сравнительными преимуществами; 3) являются своеобразными субститутами власти. Современному периоду развития общества наиболее адекватен второй вид гендерной власти. Хотя, как показывают качественные исследования социологов, власть, основанная на насилии, продолжает воспроизводиться в регионах России. Причем в некоторых из них, например Чеченской республике, в крайних формах.

Кроме того, независимо от вида и форм (явные и скрытые) издержек отказа, все они направлены на ограничение свободы и возникновение зависимости экономического агента, являющегося объектом власти (в нашем случае это женщина), от ее субъекта (мужчины). Таким образом, оба вида гендерной власти выступают в качестве прямой противоположности свободы, т. е. как факторы, ограничивающие самостоятельность выбора женщин. Неслучайно лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г. А. Сен в качестве одного из восьми ограничителей свободы выделил повсеместную недооценку и угнетение женщин и обозначил преодоление данной и других форм несвободы в качестве основной цели процесса современного развития общества [12, с. 15—16].

И наконец, экстерналии власти биполярны: у мужчин они имеют положительный внешний эффект, а у женщин — отрицательный, который проявляется в применении к ним санкций в случае отказа от подчинения. Следовательно, при выборе вариантов поведения женщины должны учитывать и сопоставлять издержки, связанные с подчинением собственных ресурсов интересам внешнего экономического агента (т. е. субъекта власти), и альтернативные издержки, возникающие при неподчинении.

Подчеркнем далее, что для возникновения определенной формы власти одного экономического агента над другим только асимметрии ресурсов недостаточно. В. В. Дементьев пишет, что еще необходима система правил (институциональная среда), в рамках которой, используя асимметрию, можно установить власть над контрагентом. Именно «институциональная среда определяет границы, в которых становятся возможными и осуществляются единичные отношения власти» [6, с. 165]. Исходя из этого, для того чтобы установить гендерно асимметричные отношения, было недостаточно создания неравного обмена ресурсами между мужчиной и женщиной в семье, нужно было закрепить соответствующие институциональные роли в «действующем коллективном институте» через систему законодательных актов, контрактов и неформальных правил, регулирующих взаимоотношения между агентами экономической системы.

На современном этапе развития общества действует разветвленная система принуждения к соблюдению «гендерной субординации», которая традиционно основана на внешних формах контроля со стороны одного экономического агента (мужчины), социальных групп, организаций и государства. Например, мужчины посредством системы неформальных соглашений продолжают контролировать такие области жизнедеятельности, как разделение труда в домохозяйстве, тип семьи, сфера профессиональной деятельности, применяя в случае несоответствия действий женщин диспозиции власти санкции в виде отчуждения ресурсов (благ), потери части доходов или имущества в результате

изъятий со стороны мужчин, подавления мотивации к действиям, альтернативным подчинению мужчинам, изменения условий выбора (величины издержек альтернативных вариантов поведения) и др. Социальной группой воспроизводятся моральные и этические нормы, принятые в ней так называемые гендерные стереотипы поведения, в случае несоответствия которым члены группы могут применять санкции в виде общественного осуждения. Внутренние правила организации в виде неформальных соглашений и норм гендерного поведения закрепляют вертикальную и профессиональную сегрегации по признаку пола, гендерный разрыв в оплате труда. Государство при помощи системы государственного принуждения воспроизводит систему только формального гендерного равенства. Так, одной из основных целей подпрограммы «Материнский капитал» является поддержка женщины, принявшей решение родить второго ребенка. Как подчеркивал В. В. Путин в Послании Федеральному собранию в 2006 г., заинтересованное в повышении рождаемости государство «должно предоставить в ее распоряжение, так сказать, первичный, базовый, “материнский капитал”, который *реально повысил бы ее социальный статус* (выделено нами. — Е. Б.), помог бы решать будущие проблемы» [11]. Данное высказывание еще раз акцентирует позицию Правительства РФ в области гендерной политики. В результате такие меры, с одной стороны, обеспечивают компенсационное повышение рождаемости, с другой — дополнительно в условиях экономического кризиса снижают напряженность российского рынка труда, поскольку женщины при этом освобождают рабочие места для мужчин. Неслучайно многие гендерологи констатируют ренессанс патриархата в современной России.

Кроме того, воспроизводство традиционного типа гендерной власти на протяжении всех этапов развития цивилизации сформировало предпосылки для осуществления внутренней власти путем воздействия на социальные потребности, ценности и внутренние нормы поведения женщин, создав у них внутреннюю потребность в образе действий, соответствующих гендерной диспозиции власти. В этом случае механизмом за соблюдением правил является самоконтроль, т. е. встроенность гендерных правил поведения в самоидентичность женщины.

Институциональная среда четко закрепляет, какие институциональные роли должны при этом «играть» современные мужчины и женщины: мужчина — кормилец семьи, женщина — работающая мать. Отметим, что они продолжают воспроизводить дихотомию гендерного разделения сфер экономики на продуктивную и репродуктивную, которая была закреплена еще в доиндустриальной экономике. И если в этот период развития общества данное разделение трудовой занятости мужчин и женщин обеспечивало наибольший социально-экономический эффект для семей и общества, то в настоящее время сохранение институциональной среды, поддерживающей воспроизводство гендерной асимметрии, действующей на основаниях доиндустриальной экономики, — «экономическое зло», т. к. оно «увеличивает величину издержек (трансформационных и транзакционных), необходимых для получения единицы дохода (богатства, полезности, выгоды), при социально-продуктивной деятельности экономического агента» [6, с. 189]. Как показывают исследования, можно выделить следующие антиэффекты действующего в России института гендерной власти:

1) *на микроуровне экономики:*

— низкую рентабельность человеческого капитала женщин в результате существующей гендерной дискриминации в общественном и репродуктивном секторах региональной экономики;

— недоиспользование человеческого капитала мужчин в результате низкой продолжительности жизни и сверхсмертности в трудоспособном возрасте;

— неустойчивость института брака, которая «ведет к разрушению социальных основ общества и нормального воспроизводства населения, что, в свою очередь, сужает базу демографических процессов, приводя к депопуляции и деградации генофонда» [10, с. 19];

2) *на макроуровне экономики:*

— усиление социального неравенства, в том числе за счет перекладывания издержек по воспроизводству и поддержанию рабочей силы с работодателей на сектор домохозяйств, прежде всего на женщин;

— сокращение результативности мер фискальной политики [9];

— ограничение темпов развития экономики.

Следовательно, дальнейшее развитие категории власти как предмета гендерной экономики позволит не только восполнить пробелы в анализе данной фундаментальной категории, но и значительно обогатит инструментарий экономики власти с учетом современных тенденций мирового развития. Заметим, что мы показали только некоторые области приложения методологии экономики власти к исследованию гендерных проблем общественного развития. Следующим этапом в ее развитии является рассмотрение таких вопросов, как генезис института гендерной власти, система ее институтов, анализ возможности перераспределения издержек подчинения и ренты власти между мужчинами и женщинами, определение траектории оптимизации издержек, связанных с воспроизводством гендерного неравенства в современной экономической системе, изучение которых, на наш взгляд, позволит комплексно исследовать систему воспроизводства «самой загадочной» власти в экономике. Тогда, возможно, процесс реформирования системы власти в России будет более эффективным.

Библиографический список

1. *Айвазова С. Г.* Патриархат // Слов. гендерных терминов. М.: Информация — XXI век, 2002. С. 169—171.
2. *Базуева Е. В.* Методологические подходы к исследованию категории власти в гендерной экономике // Актуальные проблемы современной гендерологии: материалы 54-й ежегодной научно-методической конф. «Университетская наука — региону». М.; Ставрополь: СГУ, 2009. Вып. 4. С. 15—25.
3. *Беккер Г.* Человеческое поведение: экономический подход: пер. с англ. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. 672 с.
4. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма: пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
5. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1976. 1200 с.
6. *Дементьев В. В.* Экономика как система власти / Министерство образования и науки Украины; Донецкий национальный технический университет. Донецк: Каштан, 2003. 404 с.

7. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Категория власти в гендерных исследованиях // Гендер как инструмент познания и преобразования общества : материалы Международной конф. «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество», Москва, 4—5 апр. 2005 г. / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М. : МЦГИ ; Солтекс, 2006. С. 104—115.
8. *Миллет К.* Теория сексуальной политики // Хрест. к курсу «Основы гендерных исследований» / под ред. О. А. Ворониной. М. : МЦГИ, 2000. С. 33—47.
9. *Ржаницына Л. С.* Гендерные бюджеты в России. URL: <http://www.owl.ru/rights/discussion2004/index.htm> (дата обращения: 28.11.2005).
10. *Римашевская Н. М.* Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Гендерные стереотипы в современной России / сост., общ. ред. И. Б. Назарова, Е. В. Лобза ; ГУ-ВШЭ. М. : Макс-Пресс, 2007. С. 7—23.
11. Российская газета. 2006. 10 мая. 32 с.
12. *Сен А.* Развитие как свобода / пер. с англ. ; под ред. Р. М. Нуреева. М. : Новое изд-во, 2004. 432 с.
13. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти : пер. с англ. М. : АСТ, 2001. 669 с.
14. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 408 с.

ББК 60.542.21

Д. С. Дронов

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТИЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ У РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН

На сегодняшний день в России формируются своеобразные стереотипы престижного потребления ювелирных изделий, которые связаны с различными стилями жизни. Такие особенности формирования стилей жизни объясняются тем, что Россия более двадцати лет идет очень сложным путем перестраивания рыночных и межличностных отношений. Это неизбежно сопряжено с многочисленными трудностями, которые по-разному решаются в различных социальных группах. Одна из таких проблем — увеличивающееся расслоение общества. Этому есть объективные причины. После распада СССР, где большинство людей имели более или менее равные статусные условия (если не равные, то это всеми силами скрывалось), основная масса населения столкнулась с новыми межличностными отношениями и условиями хозяйствования. В России с началом развития рыночных отношений большое количество государственных предприятий перешло в частное владение. Это выразилось в том, что множество людей превратились в наемных рабочих и служащих, которые работают на конкретного «хозяина». Вместе с тем у таких людей по инерции сохраняется стремление рассматривать свою деятельность в новых условиях как явление временное, незакономерное, связанное с превратностями индивидуальной судьбы. Естественно, что такой человек, становясь «работником хозяина», все еще будет

© Дронов Д. С., 2011

стараться выразить свою «внутреннюю непричастность» к миру наемного труда, выразить во всем, в том числе в предметах роскоши, которые он стремится приобрести. Как показали проведенные социологические исследования, потребление ювелирных украшений хотя бы отчасти является для такого человека компенсацией за утраченную им самостоятельность. Ювелирные изделия становятся в этих условиях символами, означающими, что человек продолжает причислять себя к более высокому социальному слою. Отсутствие доверия к институту семьи, к работодателям лишает потенциальный средний класс возможности строить долгосрочные стратегии роста благосостояния и переводит значительную часть накоплений в сферу престижного потребления. Покупка ювелирных украшений получает в этих условиях новые стимулы поддержки в качестве дежурного средства иллюзорного осуществления надежд нереализованного жизнеустройства, своеобразной формы «галлюцинаторного исполнения желаний» [1, с. 435] и построения «должного» образа жизни. Немаловажно при этом, что в сфере индивидуального потребления основная часть российских женщин (23 % среди опрошенных в возрасте от 27 до 43 лет) заимствуют образы для подражания из средств массовой информации и покупкой украшений стремятся реализовать свое понимание женского счастья. Внушенные средствами массовой информации стандарты поведения влияют на формирование новых стереотипов в потребительских предпочтениях при выборе ювелирных изделий. В ответах, полученных в ходе фокусированных интервью, в качестве основных причин, влияющих на покупку ювелирных изделий, называются нестабильность в межличностных отношениях, ненадежность постоянного трудоустройства и надежда на возможность разбогатеть в ближайшем будущем за счет «правильных знакомых». Причем самым эффективным и быстрым способом разбогатеть девушки и женщины считают удачное замужество. При этом 35 % опрошенных женщин верят, что хороший и богатый внешний вид, в частности золотые украшения, помогут им в осуществлении этой цели. Многочисленные изменения в повседневной практике российских женщин свидетельствуют о преемственности и прерывистости в культуре потребления, что обуславливает разноплановые тенденции поведения. Так, к примеру, в начале 1990 гг. средства массовой информации с помощью репортажей о «светской» жизни создали образ жены «нового русского». Внедрение в массовое сознание символа успеха, понимаемого как выверенное замужество, было подготовлено тем обстоятельством, что конфликт между домом и работой, семейными и профессиональными обязанностями являлся неотъемлемой чертой образа жизни советских женщин на протяжении десятилетий. Исследования 70-х гг. свидетельствуют, что для более чем половины опрошенных женщин проблема совмещения семейных и профессиональных ролей была трудноразрешимой [2]. Таким образом, жены «новых русских» — это не просто некая социальная группа со специфическим стилем жизни, ценностной системой и семейными установками, но и некий обобщенный образ жизненного успеха, который внедряется в сознание российских женщин и который некоторые из них пытаются реализовать. На наших глазах происходит существенная трансформация содержания расхожего выражения «удачно выйти замуж», все более коррелирующего с принадлежностью избранника к группе «новых русских». Симптоматичны статьи с названием типа: «Как выйти замуж за круто-

го?»), конкретные советы, конкретные попытки им следовать. Моделью жизненного успеха выступает образ женщины, от которой требуются в значительной мере таланты и навыки, реализующиеся во внутрисемейной сфере, а не вне ее: умение хорошо выглядеть, создавать уют в доме, соответствовать имиджу мужа и т. д. Наиболее популярными изданиями советского периода были журналы «Работница» и «Крестьянка», теперь набирают силу «Домашний очаг», «Женский клуб», «Домовой» и др. Формирование слоя состоятельных людей в России существенно отличается от аналогичных процессов во многих странах, и в частности в бывших странах социалистического лагеря (достаточное количество реальных субъектов предпринимательской активности, частная собственность, элементы демократии, чего не было в Советской России). Российские предприниматели с высокой степенью вероятности — выходцы из различных социальных групп общества. Они привнесли не социальные нормы и ценности какой-либо определенной социальной группы, а «смесь» социальных норм и ценностей разных групп общества. Как результат, предприниматели первой волны не представляли собой интегрированной части общества, несущей при посредстве механизма преемственности какие-либо доминирующие нормы и ценности. Этим порождена «мозаичность исходного материала» группы «новых русских» и их жен. Женщины с разным социальным прошлым, с разными ценностными ориентациями, с разным укладом и стилем жизни оказались помещены в единую социальную нишу в силу схожести результатов деятельности их мужей.

Идеологическое пестование определенной модели социально одобряемого поведения женщин включает в себя три обязательных элемента. Во-первых, акцентируется социальная узнаваемость образа; во-вторых, модулируется вера в то, что успех заключен в способности личности воспитать в себе демонстрируемые этим образом качества; в-третьих, рекламируется гарантированность обещанного вознаграждения. В общественном сознании середины 90-х наиболее притягательными женскими образами являются женщина-предприниматель и жена «нового русского».

Сложное взаимодействие возможностей современной женщины, ее знаний, норм, образа деятельности, ценностей проявляется в потребительском поведении — при выборе ювелирных украшений. Запросы современного покупателя радикально отличаются от нужд его предшественников. Поход за ювелирным украшением — гораздо больше, чем просто приобретение вещей. Современный потребитель покупает ювелирные украшения по причинам, которые с традиционной точки зрения могут показаться странными или необъяснимыми. Сейчас женщина делает покупки в основном с целью наградить себя, удовлетворить свои психологические потребности и почувствовать себя отличной от других [4].

По опросам социологов, все больше молодых женщин в крупных городах отправляются в ювелирные магазины, даже если не намерены ничего покупать. Им нравится ходить по красивым магазинам. Это повод одеться красиво. Это занимательно. Можно многое посмотреть и узнать много интересного, о чем потом рассказать подругам и знакомым. Как призналось большое количество опрошенных посетительниц ювелирных магазинов в возрасте от 25 до 38 лет, «приятно пофантазировать, представить, как исполняются неосуществимые желания». Исследования выявили, что схемы поведения покупателя в послед-

ние годы коренным образом изменились. Современная российская женщина не дает себе полного отчета в истоках собственной мотивации при покупке ювелирных изделий. В основе социализируемой модели лежит социально узнаваемый образ. «Я одна из вас!» — обязательный атрибут Золушки. Однако для массовости подражания необходима доказательность посильности и доступности предложенной поведенческой модели. В этом случае возможен не просто обывательский интерес к чудесному превращению, но как бы «примеривание» его на себя, попытка следовать предложенной схеме, желание достичь аналогичного результата. «Все зависит только от Вас!» — второй постулат «раскрутки» образа Золушки. Следование образу-примеру становится массовой потребностью только в случае возникновения в обществе атмосферы гарантированности обещанной награды. «Вас ждет то же!» — третий необходимый элемент подачи образа Золушки при выборе ею украшений.

Иногда за покупками ходят, чтобы пообщаться с другими людьми, например с продавцами-консультантами, или показать свою новую одежду. При этом такое времяпровождение постепенно становится болезненной зависимостью. Более 12 % опрошенных признались, что они часами слоняются по магазинам и ничего не покупают. Им просто нравится рассматривать ювелирные украшения, вертеть их в руках, примерять и воображать, что будет и как изменится к ним отношение подруг и знакомых, если они купят очень дорогую вещь (7 % опрошенных). Звуки музыки, цвета драгоценных камней и блеск золота очаровывают их, превращая поход за покупками в удивительное приключение (19 % опрошенных). Если сегодня не хватает денег, чтобы приобрести понравившееся украшение, 45 % опрошенных говорят себе: «Я этого достойна, просто не нашла сегодня ничего для себя интересного». Тем не менее, путешествуя по красивым магазинам, молодые женщины потихоньку привыкают к мысли, что украшения им просто необходимы, и как только появится материальная возможность, они уж точно «не допустят ошибку» («я просто настоящий ювелирный эксперт») (21 % опрошенных). Многие ювелирные магазины, особенно в крупных торговых центрах, всячески потворствуют им в этом стремлении, продают специализированную литературу, проводят консультации. Таких ювелирных магазинов в России становится все больше и больше. В настоящее время в ювелирных магазинах работает высококвалифицированный персонал. Кроме этого, практически все ювелирные магазины открыты семь дней в неделю, их рабочий день удлинен, а ассортимент украшений с драгоценными камнями сегодня велик как никогда, поэтому поход по ювелирным магазинам становится частью повседневной культуры. Это — торжественный ритуал, это — церемония, ставшая неотъемлемой составляющей повседневной жизни современной женщины (65 % всех покупок ювелирных украшений в России в 2010 г. женщины совершили самостоятельно, 12 % женщин покупали украшения в сопровождении мужчин, 12 % женщин советовались с подругой, 1 % приходили в магазин с родственниками).

Никогда раньше походу за ювелирными изделиями не уделялось столько внимания. Эмоциональные, психологические и познавательные аспекты превратили данный вид времяпровождения в своеобразный ритуал стиля жизни. Почему же акт покупки украшения с редким драгоценным камнем стал

настолько значимым сегодня? Что заставляет людей покупать редкие камни и проявлять возрастающий интерес к науке о драгоценных камнях?

Сегодня женщины и мужчины уже начали покупать ювелирные изделия с драгоценными камнями (необязательно бриллиантами, изумрудами и сапфирами) в целях самоактуализации — чтобы выразить себя, по Маслоу, на высшем уровне иерархии потребностей [3]. Современного покупателя можно понять, только если рассматривать его как человека, старающегося посредством покупок удовлетворить свои эмоциональные и познавательные потребности. Не зря все больше заказов в ювелирных магазинах принимается на изделия со шпинелью, аквамарином, турмалином, сподуменом, лунным камнем. Десять лет тому назад такими камнями никто в России не интересовался. Это связано с тем, что сегодня большинству людей, особенно в крупных городах, легко удовлетворить свои основные потребности. Вещи повседневного обихода доступны, и почти каждый имеет достаточно средств на их приобретение. Поскольку низший уровень иерархии потребностей давно достигнут, потребители переходят на более высокие уровни. Основными факторами становятся эмоции и личный интерес. Понятие «потребление напоказ» раньше относилось исключительно к очень богатым людям, но сегодня его можно применить ко всем слоям общества и ко всем возрастным группам. Сегодня представления о благосостоянии и самореализации стали гораздо сложнее и разнообразнее. Мы чувствуем себя комфортно, когда носим модную одежду, ездим на красивом автомобиле или обладаем редкими ювелирными изделиями с необычными драгоценными камнями. К примеру, удивить подругу можно только кольцом с редким аквамарином или турмалином, хотя десять лет назад кольцо с маленьким бриллиантом тоже казалось диковинкой, а три года назад престижным считалось иметь изделие «под Тиффани» или «под Картье». Такие изменения в предпочтениях объясняются массовым заполнением прилавков магазинов импортной контрафактной продукцией «под бренд».

На самом деле, разбираясь в редких драгоценных камнях, читая книги о драгоценных камнях, женщина возвышается в собственных глазах, подсознательно чувствует свое отличие от окружающих и уже по-другому смотрит на покупку ювелирного украшения. Лучшая награда самой себе за тяжелый день в офисе или за измену мужчины — поход в ювелирный магазин и покупка себе подарка. Она «покупает» (в порядке убывания) эмоциональный подъем, индивидуальность, награждает себя за хорошо выполненную работу или борется с обидой, остальные опрошенные не смогли сформулировать мотивы.

Общеизвестно, что реклама образа жизни приводит к увеличению объемов продаж, особенно товаров высшего уровня: ведь по телевизору показывают именно их. Люди верят, что таким образом они приобщаются к красивой жизни. Соответственно растут потребности высшего уровня, именно к ним относится ювелирная группа. Никогда еще телевидение и Интернет не имели такого влияния на людей: мы смотрим все больше программ и, следовательно, все больше рекламных роликов. Как показал опрос посетителей ювелирных магазинов в пике продаж (Новый год, День влюбленных, 8 Марта), важная часть психологии современных покупателей ювелирных украшений — выбор подарков. Часто продавцы роскоши забывают о том, что люди покупают по-

дарки прежде всего для самих себя. Опросы покупателей эксклюзивных украшений показывают, что основной причиной покупки подобного изделия является отличие владелицы от всех остальных женщин, т. е. желание подчеркнуть свою жизненную победу.

Одержимость идеей покупки необычных украшений подтверждается необычайным уровнем спроса на нее в последнее время на общем пониженном уровне спроса на ювелирные товары. При этом женщины бывают крайне непрактичны и упрямы. Им обязательно нужно купить что-то особенное и выделяющееся, необычное, но в определенном стиле. И они готовы обойти все магазины, объездить весь город — лишь бы в одном из ювелирных магазинов нашлось нечто похожее на предмет их вновь возникшего интереса к редкому камню. В данном случае совершенно ясно, что человек испытывает именно потребность в конкретном ювелирном украшении. Такова новая ситуация в сфере ювелирной торговли: не существует видимых, практических и рациональных причин, оправдывающих непомерно высокий спрос, который подогревается одними лишь психологическими соображениями, и удовлетворение от покупки редкого камня женщина получает тоже исключительно психологическое.

Исследования выявили, что большое влияние на формирование предпочтений в выборе ювелирных украшений оказывают факторы экономического, культурного, социального, личного и психологического порядка. В России самое большое влияние на принятие решения о покупке в настоящее время оказывает стабильное материальное положение потенциального покупателя, а также уровень цены на то или иное понравившееся ювелирное изделие. При этом 37 % опрошенных сообщили, что, прежде чем купить украшение, они изучают и оценивают не меньше, чем сто ювелирных изделий в различных ювелирных магазинах и торговых центрах. Свои заключения о стоимости российский покупатель основывает главным образом на стоимости тех ювелирных изделий, которые выставлены на открытую продажу в магазинах. Покупке ювелирных украшений через Интернет на 1 августа 2010 г. доверяли только 13 % опрошенных, причем в основном это девушки до 27 лет (прослеживается четкая тенденция повышения интереса к покупкам ювелирных изделий через Интернет).

Исследования объема и структуры доходов и сбережений населения, выполненные в ИСЭПН РАН, свидетельствуют, что за достаточно высокими показателями уровня сбережений населения скрыта колоссальная дифференциация, которая также влияет на формирование стереотипов поведения при выборе и покупке ювелирных изделий.

Библиографический список

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 435 с.
2. Ильин Е. П. Сущность и природа зависти. URL: <http://www.elitarium.ru> (дата обращения: 20.04.2011).
3. Маслоу А. Мотивация и личность. Самоактуализированные люди : исследование психологического здоровья. М. : Прогресс, 1999. 432 с.
4. Уайт Н. Fashion-бизнес: теория, практика, феномен. Минск : Гревцов Паблишер, 2008. 411 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

ББК 60.542.2

О. В. Рябов

«СОВЕТСКИЙ ВРАГ» В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

«Грета Гарбо выиграла выборы», — написала одна консервативная газета, комментируя поражение Итальянской коммунистической партии на парламентских выборах 1948 г. [27, р. 26], ставшее одним из поворотных пунктов Холодной войны. Организацией широкого показа в Италии фильма «Ниночка» («Ninotchka», 1939, реж. Э. Любич) с Гарбо в главной роли активно занималось ЦРУ, хотя, казалось бы, это всего-навсего история любви западного мужчины и советской женщины (которая в результате покидает Советский Союз и остается на Западе). Уже этот факт позволяет предположить, что гендерный дискурс на киноэкране выступал в качестве эффективного оружия Холодной войны.

Цель статьи заключается в исследовании способов использования американским кинематографом образов женственности, мужественности, семейных отношений для репрезентаций СССР, для проведения символических границ между Своими и Чужими, для продуцирования социальных иерархий, внешних и внутренних. Источниками исследования стали художественные и документальные фильмы США периода так называемых долгих пятидесятих (1946—1963), который часто обозначается как первая Холодная война.

Гендерный дискурс как оружие Холодной войны

Как в период Холодной войны создавался образ советского врага? Прежде всего, отмечу, что Враг может быть рассмотрен как социальный конструкт [6, р. 26]; его образ определяется не только реальными качествами соперничающей стороны, но и его функциями, среди которых, во-первых, поддержание идентичности социального субъекта за счет четкого отделения Чужих от Своих; во-вторых, обоснование собственного превосходства (военного, нравственного, эстетического), что призвано способствовать победе над Врагом; в-третьих, упрочение внутреннего порядка и проведение символических границ в собственном социуме.

Отмеченные функции этого образа обуславливают его свойства. Он должен порождать чувство опасности. Эффективно сконструированный образ врага, далее, вызывает убежденность в моральной правоте Своих и неправоте Чужих.

© Рябов О. В., 2011

Гнев, отвращение, безжалостность — еще один кластер чувств, которые должен вызывать данный образ; это предполагает использование такого приема, как де-гуманизация врага. Наконец, Враг должен быть изображен достаточно слабым и комичным, чтобы Своих не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна (напр.: [15, р. 182—185; 19; 17]). Эти черты Врага обеспечиваются различными способами, среди которых использование гендерного дискурса.

Анализируя историю Холодной войны, С. Энлоэ заметила, что послевоенная конфронтация представляла собой множество поединков за определение маскулинности и фемининности [14, р. 18—19]. Действительно, гендерный дискурс был полем жесткой борьбы, когда аудитории навязывались представления о том, какие модели мужского и женского поведения являются эталонными, а какие — девиантными.

Образы мужчин и женщин служат эффективными «символическими пограничниками», выступая в качестве маркеров включения и исключения, принимая участие в формировании коллективной идентичности, в отделении Своих от Чужих и в оценивании первых выше, чем вторых [30, р. 23].

Другим фактором, обуславливающим интерес военной пропаганды к гендерному дискурсу, служит его связь с отношениями власти и подчинения. Иерархические отношения между полами и внутри полов используются в качестве своеобразной матрицы, легитимирующей иные виды социального неравенства. Именно благодаря вовлечению гендерного дискурса во властные отношения он становится неотъемлемой частью военного конфликта и насилия в целом.

Характеризуя специфику восприятия СССР в период Холодной войны, отмечу, что разделение мира между двумя полюсами продуцировало манихейское мироощущение, в котором каждый для другого был Врагом № 1. Идентичность Америки с середины 1940-х гг. в значительной степени определялась ее ролью последнего оплота в борьбе с «мировым злом»: противостояние коммунистической России рассматривалось как главная историческая миссия [26, р. 73]. Конструкция тотальной инаковости коммунизма представляла собой одновременно создание идеализированного образа самих Соединенных Штатов [26, р. 29].

Пропаганда стремилась представить гендерный порядок Врага № 1, во-первых, как диаметрально противоположный собственному, во-вторых, как противный человеческой природе, в-третьих, как закономерное и неизбежное порождение противоестественного социально-политического порядка. Помимо критики социализма, американская пропаганда в репрезентациях СССР опиралась на традиции западного дискурса о России. Советскость при этом фактически отождествлялась с русскостью, а коммунизм портретировался как идеология, русская по самой своей сути [26, р. 134].

Голливуд в Холодной войне

Холодная война стала уникальным событием в мировой истории во многом благодаря огромной роли культуры. По оценке Р. Скотта, в мире риторики Холодной войны вся наука была военной и все искусство — пропагандой [25, р. 12]. Кино было «важнейшим из искусств» не только в СССР [20]: объединяя три вида пропаганды (производство образа, рассказа и звука), кинематограф становится эффективнейшим способом идеологической конфронтации и в

США. Как отмечает Т. Шоу, Голливуд, не будучи, конечно, правительственной организацией, не был и не зависимым от правительства. Эта зависимость проявлялась в том, что органы государственной пропаганды оказывали поддержку одним фильмам и лишали ее других, часто сотрудничая при этом с неправительственными организациями, такими как Администрация производственного кодекса (Production Code Administration). В иных случаях ФБР, ЦРУ и Информационное агентство США финансировали фильмы, продюсировали их и обеспечивали их распространение. Наконец, иногда государство просто использовало нужные фильмы, которые были сняты без его вмешательства — как произошло с «Ниночкой». В результате всех этих факторов американские фильмы и отражали, и распространяли идеологию Холодной войны, сознательно или бессознательно [27, р. 303].

В производство кинематографического образа «Империи Зла» были вовлечены ведущие режиссеры, актеры и сценаристы, достаточно упомянуть А. Хичкока и С. Кубрика, Б. Уайлдера и И. Бергман, К. Гранта и Ф. Синатру (подробнее см.: [28]). По оценке А. Федорова, Голливуд выпустил за исследуемый период около 90 фильмов, которые были непосредственно посвящены событиям Холодной войны и образу СССР [4]. Вклад в идеологическую конфронтацию вносили и картины других жанров. Например, огромный успех жанра вестернов в 1950-х был бы невозможен, если бы культивируемый им образ одинокого самодостаточного ковбоя не использовался в качестве символа американского индивидуализма, спасающего цивилизованный мир Запада от советской идеологии тоталитаризма... [27, р. 50].

Женственность

Женский вопрос занимал важное место в идеологической конфронтации Холодной войны. Те черты советского гендерного порядка, которые пропаганда СССР трактовала как проявление преимуществ социалистической системы, американские пропагандисты стремились представить в качестве пороков. Они утверждали, что равенство полов — это лишь лозунг советской пропаганды: «Советские женщины были вызволены из рабства у собственных мужей лишь затем, чтобы попасть в рабство к государству» [9, р. 121]. Такого рода «равенство» использовалось к тому же как свидетельство отсталости: «Информационное агентство США (ЮСИА) утверждало, что только женщины экономически отсталых наций ценят карьеру выше материнства» [8, р. 123]. Кроме того, тезис о противоестественности социализма, уничтожающего частную собственность, пропаганда иллюстрировала картинками деформации «естественных» отношений между полами, которые уничтожают «нормальные» женственность и мужественность.

Примером дефеминизации женщин служит статья 1954 г. из журнала «Лук» под названием «Женщины — граждане России второго сорта». Автор, журналистка Дж. Уитни, соглашается с тем, что многие русские женщины получают хорошее образование и становятся докторами, учителями, инженерами, учеными, партийными работниками [31, р. 115]. Иными словами, женщина в России может быть кем угодно — вот только женщиной она быть не может. Ни-

где в мире женская красота не ценится так низко; излишне и говорить, что не существует конкурса «Мисс СССР», сокрушается автор и продолжает: «Даже сегодня в относительно космополитичной Москве девушка, которая хорошо выглядит, прилично одевается и пользуется косметикой, для обычного русского означает одно из трех: либо иностранка, либо балерина, либо проститутка» (31, р. 116). Как же выглядит обычная русская женщина? Она среднего телосложения, темноволосая, круглолицая, коренастая. Автор уверяет читателей, что для большинства русских размеры тела женщины — индикатор социального положения ее мужа: чем его работа лучше, тем его жена упитаннее и дороднее.

В кинематографе тема деформации женственности в СССР стала центральной в репрезентациях женщин. Главная героиня фильма «Железная юбка» («The Iron Petticoat», 1956, реж. Р. Томас), летчица Винка Коваленко, является горячей сторонницей идеи женского равенства в советском стиле. «Она на 98 % русская и на 2 % женщина» — так характеризует ее майор американских ВВС Чарльз (Чак) Локвуд. Винка с легкостью опрокидывает одну рюмку водки за другой, поражая воображение американских военных (ил. 1).

Другим способом подчеркнуть мужеподобность советских женщин были репрезентации их телесности. Майор Локвуд, легко побеждающий в единоборствах советских агентов мужского пола, оказывается поверженным агентом-женщиной, что неудивительно, если принять во внимание ее богатырскую статью (ил. 2). Разумеется, голливудские звезды, играющие роли советских женщин (в числе которых Дж. Ли, К. Хепберн, С. Чаррис, Г. Гарбо), едва ли могли позволить себе выглядеть чрезмерно непривлекательными, поэтому в фильмах больше говорят о неженственных фигурах русских, чем показывают их. Советский чиновник из фильма «Один, два, три» («One, Two, Three», 1961, реж. Б. Уайлдер) признается, что не видит ничего странного в том, что американцы не интересуются русскими секретаршами: их внешность напоминает ему самовар.

Ил. 1—2. Сцены из фильма «Железная юбка» (1956)

Спортивные успехи советских женщин расцениваются как свидетельство утраты ими женственности; так, в фильме «13 напуганных девочек» («13 Frightened Girls», 1963, реж. У. Кастл) окарικатуриваются спортивные амбиции Наташи, юной дочери советского дипломата.

Примечателен диалог между Наташей и американкой Кэнди, главной героиней фильма:

Наташа. Я хочу поиграть с тобой в теннис.

Кэнди. А зачем? Ты же всегда выигрываешь!

Наташа. Ну и что? Это же тренировка! Советская женщина учится быть равной с мужчинами во всем!

Кэнди. В моей стране женщина всегда остается женщиной. Мужчины должны восхищаться нами.

Наташа. Американский юмор?

Излишне говорить, что образцом женской красоты считаются американки. К примеру, в статье 1956 г. повествуется о визите в Айову советских крестьян, которые, по заверениям автора рассказа, были поражены изобилием товаров в магазинах и красивыми грудями американок (см.: [26, p. 101]), — presupпозиции такого рода суждений очевидны. Неотразимость женщин «свободного мира» потрясает воображение и других советских мужчин. В фильме «Один, два, три» партийный функционер говорит: «Одно нужно признать за этими капиталистами: они умеют сделать женщину привлекательной».

Предметом насмешек становятся советская мода, косметика и особенно белье. «Ридерс Дайджест» оценивает женское белье в СССР как «грубое и скучное» (см.: [26, p. 119]). Притягательность же американского белья настолько велика, что, например, героини фильмов «Шелковые чулки» («*Silk Stockings*», 1957) и «Пилот реактивного самолета» («*Jet Pilot*», 1957, реж. Дж. фон Штернберг), Нина и Ольга, не могут устоять перед соблазном и быстренько забывают о своих коммунистических иллюзиях. Белье становится символом капиталистического изобилия (и, разумеется, свободы).

Несомненно, такого рода сюжеты выступали важным элементом гендерного дискурса в самих США, убеждая аудиторию, что женщина всегда остается женщиной, которая хочет быть сексуально привлекательной и ценит личное счастье выше идеологических принципов. И не вина, а беда русских женщин, что они не имеют возможности быть женственными; причина этого заключается в невысоком качестве не только товаров и услуг, но и советской маскулинности. Эталон маскулинности — это воин Холодной войны (*Cold warrior*), коммунизм же ассоциируется с феминизацией [11, p. 1—21; 29, p. 55]. Поскольку, как было отмечено, гендер используется для обозначения доминирования, постольку феминизация Врага и маскулинизация Своих — обычный прием военной пропаганды [12, 16]. Это получает отражение, в частности, в широком использовании сексуальных образов и метафор в дискурсе Холодной войны [21, p. 98; 3, p. 206—208].

В кинематографе и беллетристике способом символической феминизации Врага стали «лав сториз», в которых Он — достойный представитель «свободного мира», Она принадлежит к миру «красной угрозы». В данном случае акцентируется уже не асексуальность коммунистической женственности, а сексапильность русских женщин. Канон был создан в фильме «Ниночка», построенном на противопоставлении советской маскулинности и маскулинности западной, благодаря которой партийный функционер Нина Якушева смогла снова стать «нормальной женщиной» (заметим, что за несколько лет до этой картины вышел фильм Г. Александрова «Цирк» (1936), в котором также отдава-

лась дань этому желанию представить противника в облике прекрасной женщины). Успех «Ниночки» обеспечил дальнейший интерес Голливуда к подобным сюжетам. В 1940 г. появляется «Товарищ Икс» («Comrade X», реж. К. Видор), где, как и в «Ниночке», героиня покидает Советский Союз во имя любви к американскому журналисту, герою К. Гэйбла. М. Рогин, анализируя сюжеты голливудских картин, отметил, что в лентах периода Второй мировой войны (например, «Песня о России» («Song of Russia», 1943, реж. Г. Ратофф) сюжет претерпевает изменения. Русские женщины по-прежнему влюбляются в американцев, однако остаются в своей стране, что было призвано проиллюстрировать силу патриотических чувств союзника Соеди-

ненных Штатов [24, р. 246—248]. С началом Холодной войны кинематограф возвращается к прежнему сюжету в таких картинах, как «Не отпускай меня» («Never Let Me Go», 1953, реж. Д. Дэйвс) (ил. 3), «Шелковые чулки», «Железная юбка» и «Пилот реактивного самолета». Наконец, британский фильм «Из России с любовью» («From Russia with Love», 1963, реж. Т. Янг) стал, пожалуй, наиболее известным примером в этом ряду: ради любви Джеймса Бонда советский агент Татьяна Романова пренебрегает служебным долгом и бежит на Запад.

Ил. 3. Плакат фильма
«Не отпускай меня» (1953)

Мужественность

Очевидно, такой выбор героинь определялся не только преимуществами капиталистической системы над социалистической, но и превосходством западной маскулинности над советской. Это неудивительно: кровожадные комиссары, беспринципные и вороватые чиновники, безжалостные шпионы, туповатые военные, забитые обыватели — вот основные типы советских мужчин (ил. 4).

Ил. 4. Советские чиновники в фильме «Шелковые чулки» (1957)

Западные мужчины превосходят советских во всем: от умения драться до светских манер. К тому же они богаты... Неполноценность советской маскулинности обнаруживает себя и в сценах соперничества за сердце женщины. Так, в «Железной юбке» за любовь Винки соревнуются майор Локвуд и советский инженер Иван Кропоткин. Достоинство, мужество и обаяние первого противопоставлены низости, непривлекательности и трусости второго. Символическая демаскулинизация Ивана осуществляется при помощи различных приемов: его одевают в женскую ночную сорочку, он падает в обморок на колени любимой и т. д.

Демаскулинизация Врага была заметной, но не единственной тенденцией антикоммунистического дискурса. Многогранность образа врага, разнообразие выполняемых им функций обусловили вариативность приемов, избираемых для его репрезентаций. Он должен внушать страх — поэтому коммунизм изображался как смертельная угроза, в том числе при помощи гендерного дискурса. Враг наделяется гипермаскулинными чертами, будучи представленным, в частности, в качестве «сексуального агрессора» [13, р. 1310].

Ил. 5. Обложка книги К. Селлерс «Красное изнасилование» (1960)

Как известно, мобилизация нации, в первую очередь мужчин, при помощи создания картин страданий женщин, их унижения, бесчестья или сексуального насилия над ними представляет собой один из распространенных приемов военной пропаганды и дискурсивных стратегий конструирования Врага (см.: [2]). Фигура мужчины-насильника использовалась в комиксах и беллетристике (ил. 5) [7, р. 153, 159]. «Изнасилование» — популярная метафора для репрезентаций внешней политики коммунистического Другого в отношении, например, Польши и Чехословакии [26, р. 193; 22; 10]. Голливуд отдал дань этой теме в фильме «Вторжение в США» («Invasion, USA», 1952, реж. А. Грин), в котором показана полномасштабная агрессия коммунистического врага. Главная героиня предпочитает смерть перспективе быть изнасилованной пьяным солдатом (ил. 6).

Ил. 6. Сцена из фильма «Вторжение в США» (1952)

Семья

Как отмечают многие исследователи, в период Холодной войны мифологии семьи принадлежит особая роль в манифестации идеалов американизма [9, р. 7; 21, р. 11, 107; 29, р. 55]. Фильм «Красный кошмар» («Red Nightmare», 1962, реж. Дж. Вагнер), выпущенный Министерством обороны США, показывал «кошмар коммунистического порабощения Америки» сквозь призму жизни обычной американской семьи. Фильм начинается со сцен счастливого утра семьи Джерри Донована. Мистер Донован — законопослушный стопроцентный американец, не вполне, однако, понимающий, что борьба с коммунизмом — это долг всех граждан США и никто не имеет права оставаться в стороне. За это создатели фильма насылают на него страшный сон, в котором Америка оказывается под пятой коммунизма и все в ней, включая семью, изменяется по советскому образцу. Право на частную жизнь грубо попирается; спецслужбы контролируют даже телефонные разговоры между супругами. Государство беззастенчиво вторгается в неприкосновенное пространство дома, который более не является крепостью. Старшая дочь покидает дом и отправляется на сельхозработы, т. к. партия рассматривает

Ил. 7. Сцена из фильма
«Красный кошмар» (1962)

это в качестве эффективного средства борьбы с буржуазным влиянием семьи. Младшие дети, теперь юные пионеры, обвиняют отца в том, что он недостаточно воспитывал в них коллективизм, и обещают пожаловаться на него властям. Жена предаёт мужа во имя интересов государства (ил. 7). Возмущенный Донован пытается бороться с новой властью и приговаривается к расстрелу. Проснувшись, наш герой, естественно, становится совершенно другим человеком.

Семья, таким образом, представлена как основа демократии и американского образа жизни, с ценностями индивидуализма, свободы, религии, права на частную жизнь. Коммунизм же выступает как смертельная опасность для самого существования семьи: во-первых, потому, что в СССР преданность коммунистической партии и тоталитарному государству ценится гораздо выше семейных уз, во-вторых, тотальный контроль над сознанием приводит к тому, что у людей коммунистического строя отсутствует все человеческое, включая эмоции (подробнее см.: [1]). Заметим, что вера в способность «красных» контролировать сознание людей, превращать их в зомби, в роботов — важная составляющая демонологии Холодной войны, получившая отражение, например, в фильме «Кандидат от Маньчжурии» («The Manchurian Candidate», 1962, реж. Д. Франкенхаймер) (сравнение врага с машиной является широко распространенным приемом пропаганды, используемым для его дегуманизации [19, р. 24—26]).

Идея опасности разрушения семьи в коммунистическом обществе нашла выражение в таком любопытном феномене кинематографа Холодной войны, как научно-фантастические фильмы. Нашествие пришельцев из космоса («Захватчики с Марса» («Invaders from Mars», 1953, реж. У. Мэнзис), «Вторжение похитителей тел» («Invasion of the Body Snatchers», 1956, реж. Д. Сигел)) служит аллегорией захвата власти коммунистами. Лишенные человеческих чувств, они не могут ценить эмоциональные связи; один из пришельцев в картине «Вторжение похитителей тел» говорит: «В любви нет никакой необходимости... Любовь. Желание. Амбиции. Вера. Без них жить так просто, поверь мне».

Любовь

Действительно, «античеловечность» коммунизма находит отражение и в отношении к любви. Странности любви за «железным занавесом» изображаются при помощи различных приемов. Широко используются антиутопии, в которых показывается, как тоталитарное государство контролирует процесс выбора полового партнера — скажем, в экранизации романа Дж. Оруэлла «1984» (1956, реж. М. Андерсон). Утверждается, что в СССР ухаживание не может не выглядеть нелепостью и буржуазным предрассудком; Голливуд эксплуатирует старые представления в духе теории «стакана воды». Так, в фильме «Шелковые чулки» сообщается, что «если в России кто-то кого-то хочет, он просто говорит: “Ты! Иди сюда!”». Главная героиня фильма, Нина, с гордостью информирует ироничного американца: советская наука установила, что любовь — это романтические иллюзии; в основе любви лежат простейшие химические или электромагнитные процессы.

Ил. 8. Плакат фильма «Пилот реактивного самолета» (1957)

ответствующих образах женщин. В фильме «Пилот реактивного самолета» советская разведчица Ольга Орлиефф изображается настолько красивой и непреодолимо соблазнительной женщиной, да к тому же и великолепным летчиком, что

Инструментальное, утилитарное отношение к любви проявляется и в том, что партия относится к коммунисткам как к проституткам [27, р. 51]. В частности, представление о том, что коммунисты используют секс для вербовки новых сторонников, стало важной составляющей сюжета фильма «Красная угроза» («The Red Menace», 1949, реж. Р. Спрингстин).

Это представление обыгрывается и метафорически: коммунизм как искушение, как соблазн — весьма популярный мотив Холодной войны [18, р. 9], получающий выражение в соответствующих образах женщин.

В фильме «Пилот реактивного самолета» советская разведчица Ольга Орлиефф изображается настолько красивой и непреодолимо соблазнительной женщиной, да к тому же и великолепным летчиком, что

ей без труда удастся очаровать полковника Шеннона. И хотя, согласно канонам Голливуда, хэппи-энд неизбежен и главная героиня выбирает свободу и американца, следует, вероятно, согласиться с мнением С. Хэндершот: Ольга соблазняется не столько американской маскулинностью, сколько материальным изобилием общества потребления [18, р. 16—17]. Тот факт, что роль Шеннона исполняет Дж. Вэйн — кинематографическое воплощение стопроцентной американской мужественности и икона антикоммунистического дискурса — очевидно, был призван еще более усилить мифологизацию «красной угрозы».

Подводя итоги, отмечу, что гендерный дискурс был оружием Холодной войны, выполняющим важную функцию в процессе инаковизации СССР: девиация социальная была представлена и как девиация гендерная. Голливудские репрезентации советского гендерного порядка выступали элементом конструирования «красной угрозы». Вместе с тем они служили способом поддержания и корректировки не только политических, но гендерных отношений в самом американском обществе, будучи значимой составляющей дискурса «мистики женственности», описанного в бестселлере Б. Фридан [5]. Наконец, подчеркну, что многие сюжеты и образы американского кино были использованы в антикоммунистическом дискурсе перестройки с ее лозунгами «возвращения к нормальности», включая и «естественные отношения между мужчинами и женщинами» [23].

Библиографический список

1. *Рябов О. В.* «Красный кошмар»: репрезентации советской семьи в американском антикоммунизме периода «холодной войны» (1946—1963) // *Семья: между насилием и толерантностью* / под ред. М. А. Литовской, О. В. Шабуровой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 287—310.
2. *Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // *Женщина в российском обществе*. 2005. № 3/4. С. 19—28.
3. *Рябов О.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Штутгарт ; Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
4. *Федоров А. В.* Трансформации образа России на западном экране : от эпохи идеологической конфронтации (1946—1991) до современного этапа (1992—2010). М. : Информация для всех, 2010. 202 с. URL: <http://psyfactor.org/kinoprop/fedorov2-0.htm> (дата обращения: 01.04.2011).
5. *Фридан Б.* Загадка женственности. М. : Прогресс, 1994. 496 с.
6. *Aho J. A.* This Thing of Darkness : a Sociology of the Enemy. Seattle ; University of Washington Press, 1994. 224 p.
7. *Barson M., Heller S.* Red Scared! : the Commie Menace in Propaganda and Popular Culture. San Francisco : Chronicle Books, 2001. 160 p.
8. *Bellmonte L.* Selling the American Way U.S. Propaganda and the Cold War. University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
9. *Brennan M.* Wives, Mothers, and the Red Menace : Conservative Women and the Crusade Against Communism. University Press of Colorado, 2008. 197 p.
10. *Chapman C., Sayle M.* August 21st; the Rape of Czechoslovakia. Philadelphia ; N. Y. : J. B. Lippincott, 1968. 128 p.
11. *Clark S.* Cold Warriors : Manliness on Trial in the Rhetoric of the West. Carbondale : Southern Illinois University Press, 2000. 272 p.

12. *Cohn C.* Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // *Gendering War Talk* / M. Cooke, A. Woollacott (Eds.). Princeton : Princeton University Press, 1993. P. 227—246.
13. *Costigliola F.* «Unceasing Pressure for Penetration»: Gender, Pathology, and Emotion in George Kennan's Formation of the Cold War // *J. of American History*. Vol. 83 (1997). P. 1309—1339.
14. *Enloe C. H.* *The Morning After : Sexual Politics at the End of the Cold War*. Berkeley, etc. : University of California Press, 1993. 239 p.
15. *Frank J. D.* *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace*. N. Y. : Vintage Books, 1967. 331 p.
16. *Goldstein J. S.* *War and Gender : How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge University Press, 2001. 540 p.
17. *Harle V.* *The Enemy with a Thousand Faces : the Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport : Praeger Publishers, 2000. 232 p.
18. *Hendershot C.* *Anti-Communism and Popular Culture in Mid-Century America*. Gefferson (N. C.) : McFarland, 2003. 183 p.
19. *Keen S.* *Faces of the Enemy : Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco ; Harper & Row, 1986. 200 p.
20. *Kenez P.* *The Picture of the Enemy in Stalinist Films // Insiders and Outsiders in Russian Cinema* / S. M. Norris, Z. M. Torlone (Eds.). Indiana University Press, 2008. P. 96—112.
21. *May E. T.* *Homeward Bound : American Families in the Cold War Era*. N. Y. : Basic Books, 1988. 290 p.
22. *Mikolajczyk S.* *The Rape of Poland : Pattern of Soviet Aggression*. N. Y. ; Toronto : McGraw — Hill Book Company, 1948. 309 p.
23. *Riabova T., Riabov O.* «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // *State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development* / A. Markarov (Ed.). Iowa City : University of Iowa, 2002. P. 29—38.
24. *Rogin M. P.* «Ronald Reagan», the Movie, and Other Episodes in Political Demonology. Berkeley : University of California Press, 1987. 366 p.
25. *Scott R.* *Cold War and Rhetoric: Conceptually and Critically // Cold War Rhetoric : Strategy, Metaphor, and Ideology* / M. J. Medhurst, R. L. Ivie, P. Wander, R. L. Scott (Eds.). East Lansing : Michigan State University Press, 1997. P. 1—16.
26. *Sharp J. P.* *Condensing the Cold War : Reader's Digest and American Identity*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000. 240 p.
27. *Shaw T.* *Hollywood's Cold War*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. 336 p.
28. *Schwartz R. A.* *Cold War Culture : Media and the Arts, 1945—1990*. N. Y. : Facts on File, 1998. 376 p.
29. *Tickner J. A.* *Gendering World Politics : Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. N. Y. : Columbia University Press, 2001. 272 p.
30. *Yuval-Davis N.* *Gender and Nation*. L. : Thousand Oaks, 1997. 168 p.
31. *Whitney J.* *Women: Russia's Seconds Class Citizens // Look*. 1954. Nov., 30. 1954. P. 115—116.

ББК 60.542.21

Е. О. Цалко

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ (По материалам интервью)

Проблема национальной идентичности русских все чаще становится предметом дискуссий в академическом дискурсе. Однако если ранее фокус обсуждений был направлен на поиск «русской идеи» как основы новой национальной идентичности, то сейчас полемика разворачивается преимущественно вокруг вопроса о русскости и российскости. Известный российский этнолог В. Тишков, активно выступающий за формирование новой идентичности России как гражданского проекта «нации наций», считает невозможным признание в России государствообразующей русскую нацию и возвращение дореволюционного, широкого понимания русских. Престижность русскости и статус русских, по его мнению, нужно утверждать не отрицанием российскости, а через утверждение двойной идентичности — русской и российской [22]. Вслед за этой темой активно стали изучаться вопросы, связанные с определением самой русскости: что должна представлять собой русская национальная идентичность, что значит быть русским для самих русских, чем русские отличаются от других, с помощью чего «воображается» русскость.

Мы полагаем, что неотъемлемой частью национальной идентичности любой нации являются национальные образы мужчин и женщин, поскольку они представляют собой структурный элемент национальной идентичности и входят в «Мы-образ».

Цель данной статьи — анализ того, как гендерные образы участвуют в формировании национальной идентичности русских на примере образа женщины.

Вначале обозначим нашу методологическую позицию и определим основные понятия. Национальная идентичность — это вид коллективной идентичности, свойство группы или человека, связанное с ощущением принадлежности к какой-либо нации; это «формирующееся на основе этнического и политического единства состояние групповой солидарности, включающее коллективный (осознание и переживание нацией своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к нации) уровни» [15, с. 33]. О. В. Рябов и Н. А. Курнаева предложили различать две парадигмы в исследовании коллективной идентичности: атрибутивную, когда идентичность рассматривается как свойство, и реляционную, когда идентичность рассматривается как отношение [11]. Идея о том, что образы Своих и Чужих в коллективной идентичности взаимообусловлены, восходит к работам выдающегося английского психолога Г. Тэджфела

(см., напр.: [28]). Значительный импульс ее развитие получило в трудах норвежского антрополога Ф. Барта (см., напр.: [24]).

Ключевой момент в формировании национальной идентичности — это проведение границ между Своей нацией и Чужой. Границы проводятся с помощью особых маркеров, элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.) [24]. Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать и гендерные идентификаторы, что было исследовано в монографии Н. Ювал-Дэвис [23]. Мы понимаем под гендерными идентификаторами совокупность гендерных образов и представлений, стереотипов, символики, используемых в определении границ Своей национальной (этнической) общности и репрезентации ее членов. К числу важнейших гендерных идентификаторов относятся образы Своих и Чужих мужчин и женщин, которые создает каждая нация.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. При этом, как показал Г. Тэджфел, оценки Своим и Чужим даются по принципу ингруппового фаворитизма. Согласно ему, в результате сравнения Своей группы с Чужой, аутгруппам атрибутируются по преимуществу негативные качества, в то время как ингруппам — позитивные. В случае использования гендерных идентификаторов соответственно гендерный порядок Своих репрезентируется, как правило, в качестве нормы (Свои мужчины — самые мужественные, Свои женщины — самые женственные), в то время как гендерный порядок Чужих — в качестве девиации [15, с. 21].

Эмпирической базой для анализа послужили материалы индивидуальных интервью, проведенных нами зимой 2011 г. в г. Иванове (N = 18)*.

Анализ образа русской женщины как гендерного идентификатора, определяющего границы нации, включает в себя следующие направления: изучение содержания этого образа (основных качеств, присущих русской женщине); того, как образ русской женщины коррелирует с образом русских вообще; как образ русской женщины используется в проведении границ между русскими и другими национальностями, между Россией и другими нациями.

Содержание образа русской женщины, качества, которыми она традиционно наделялась, являются объектом изучения в различных социальных науках. В начале 90-х гг. в работах Н. Ювал-Дэвис [23], А. Мак-Клинтон [25] и других начинает активно исследоваться роль мужчин и женщин в национализме. В отечественной науке впервые эта тема была поставлена О. В. Рябовым, который проанализировал роль русской женщины в формировании национальной идентичности на материалах отечественной и западной историософии [18, 17]. Содержание образа русской женщины на языковом материале исследовали

* Объект исследования — жители г. Иванова от 18 до 77 лет. Выборка — квотная (квотируемый признак — пол и возраст респондентов). В интервью участвовали только русские респонденты. Вид интервью — полужурналистское. Для его проведения был разработан бланк вопросов, форма вопроса — открытый. Среднее затраченное на одно интервью время составило 35 мин.

лингвисты А. В. Кирилина и Е. И. Горошко [6, 9]. Е. Гапова показала, как используются образы мужчин и женщин в формировании национальных государств на постсоветском пространстве [3, 4]. Социологическими методами содержание стереотипов «русская женщина», «русский мужчина» проверялось Т. Б. Рябовой [19], чье исследование было посвящено влиянию этнического фактора на гендерную стереотипизацию. Отметим, что современный образ русской женщины активно изучается на примере российских масс-медиа, в частности на материалах рекламы (см., напр.: [1, 2, 7]).

В своей работе мы хотим сделать акцент на изучении того, как образ женщины и его основные составляющие участвуют в построении границ между различными нациями, как этот образ используется в определении того, кто является Своим, а кто Чужим.

Для того чтобы проанализировать, как образ русской женщины включается в идентификационные процессы, следует понять, какое содержание в него вкладывается. В связи с этим один из блоков вопросов в нашем интервью был направлен на изучение содержания образа русской женщины. Результаты исследования показали, что образ русской женщины содержит в себе качества, которые традиционно относят к стереотипно женским, — хозяйственность, красота, а также качества, которые И. Броверман с соавторами определили как экспрессивные, — доброта, верность, заботливость (см. об этом: [19, 20, 27]). Помимо этого, участники интервью приписывали русской женщине такие характеристики, как гостеприимство, простодушие, самоотверженность, сила духа, выносливость, — качества, которые входят в авто- и гетеростереотипы русских. В связи с этим мы можем сказать, что образ русской женщины содержит в себе и традиционно женские, и традиционно русские качества. Данный факт в целом может подтверждать тезис о том, что образы России и русских совпадают с образом русской женщины, в то время как в других нациях образ нации совпадает с образом мужчины, т. е. национальный стереотип «англичанин вообще», «немец вообще» и т. д. базируется на мужском стереотипе соответствующей нации, а в России стереотип «русский вообще» — на женском [16]. Однако часть названных информантами характеристик русских может быть отнесена и к стереотипно мужским — смелость, суровость, изобретательность.

В целом отметим, что полученные нами данные, касающиеся содержания образа русской женщины, совпадают с результатами лингвистических исследований А. В. Кирилиной, которые показали, что образ русской женщины ассоциируют с терпением, добротой, трудолюбием, красотой, любовью (в первую очередь материнской) и самоотверженностью. Участники лингвистических экспериментов русской женщине приписывали также активность, решительность, энергичность, целеустремленность, хозяйственность, верность, отзывчивость, способность к сочувствию, эмоциональную теплоту [9, с. 156—157].

В ходе исследования в наши задачи входило не просто раскрыть содержание образа русской женщины, но и посмотреть, как формируется этот образ в сравнении с другими национальностями, кто выбирается в качестве Чужих. Образы мужественности и женственности Чужих играют важную роль: они оказывают влияние на содержание и оценку гендерных моделей собственной

культуры (именно поэтому гендерные характеристики внешних и внутренних Чужих нередко оказываются схожими) [16, с. 46].

В ответ на вопрос, какие качества отличают русскую женщину от женщин других национальностей, большая часть информантов подчеркивали положительные качества русских женщин в противовес скорее отрицательным характеристикам других женщин:

По сравнению с другими женщинами русская больше в семье, она не карьеристка (Юлия, 31 г.); Наши более мягкие, уступчивые (Светлана Николаевна, 43 г.); Русская женщина может работать за всех. Она не пропадет (Наталья, 35 лет).

Более позитивные оценки Своих, русских женщин можно объяснить действием описанного нами выше принципа ингруппового фаворитизма, основанного на тенденции благоприятствовать своей группе (ингруппе) в ущерб другой (аутгруппе). Негативные оценки качеств русской женщины встречались в тех ответах респондентов, где русскую сравнивали не с абстрактной Чужой, а с представителями той или иной национальности:

Американки более ответственные, например в вопросах, связанных с рождением ребенка. Западные более политически активны. Больше уделяют времени себе (Валентина Ивановна, 57 лет); Наша более заботливая по отношению к детям, чем француженка, но менее, чем немка (Михаил, 32 г.); К семье, детям и мужу у нее ответственное отношение, более ответственное, чем на Западе, например (там у женщин на первом месте работа). Работа у русской женщины на втором месте (Елена Львовна, 46 лет).

Далее нас интересовало, как содержание образа Своей женщины будет корректироваться содержанием образа Чужой, иными словами, мы хотели посмотреть, как при описании различных качеств информанты проводили границу между русской женщиной и женщиной другой национальности.

Часто можно встретить мнение, что русская женщина особенно красива, поэтому первое, о чем мы спросили, действительно ли русская женщина обладает особой красотой. Практически все информанты, независимо от пола, согласились с этим. Но, когда мы просили сравнить красоту русской женщины и женщин других национальностей, оценки получились не столь однозначными. Три человека указали, что женщины любой национальности обладают своей красотой, шармом, а мнения остальных можно разделить на группы: одни полагают, что русские, несомненно, красивее всех, даже французенок, традиционно воплощающих нормативную женственность («По сравнению с американкой наша всегда в форме, одета прилично, улыбается. Француженки тоже не красивее наших» — Светлана Николаевна, 43 г.); другие считают, что русские однозначно красивее американок, но наравне с француженками; третьи отмечают, что русские красивее шведок и немок, а также англичанок.

В исследовательской литературе указывается и такая особенность, как атрибутирование русской женщине не только многочисленных достоинств западных и восточных женщин, но также качеств, которые в западных культурах включаются скорее в стереотип маскулинности: ума, силы, трудолюбия [15].

Данные нашего интервью подтверждают, что русская женщина представляется особенно сильной; многие информанты для подчеркивания силы русской женщины вспоминали известную цитату из поэмы Н. А. Некрасова. При этом важно отметить, что, говоря о силе русской женщины, опрашиваемые делали акцент на моральной силе, силе духа. Большинство интервьюируемых женщин указывали на то, что сила русской женщины в ее *«умении переживать тяготы условий русской жизни и, сжав зубы, переносить все ее лишения, не отступить от своих целей и принципов», «тянуть на себе все, решать проблемы мужей».*

Что касается сравнения с другими национальностями, то здесь все информанты, независимо от пола, посчитали русскую сильнее прочих, и прежде всего американок. Отметим, что практически всегда американок оценивают негативнее женщин других национальностей, что можно объяснить, скорее всего, высоким уровнем антиамериканизма у русских:

Американка продумает все пути, но сама никогда не возьмет на себя всю работу. Она не бесшабашна. Она прокручивает и делает как ей удобно! (Наталья, 35 лет); «В горящую избу войти», на мой взгляд, может только русская женщина или женщина-азиатка. Американка сначала повопит о своих конституционных правах, затем обделается от страха, ну а потом напишет очередной бестселлер (Михаил, 25 лет).

Среди национальностей, женщин которых все же можно назвать сильными, указывались китайки, один из информантов отметил также вьетнамок.

Далее мы хотели выяснить, приписывают ли русской женщине такие качества, как выносливость и терпеливость. Мы сочли важным проанализировать их, поскольку они могут быть интерпретированы двояко: с одной стороны, терпеливость и выносливость русской женщины могут оцениваться положительно и рассматриваться как способность выносить все тяготы жизни, но, с другой стороны, их можно расценивать как некое раболепство, зависимость от других. Абсолютное большинство информантов рассматривали выносливость и терпеливость русской женщины скорее как положительное качество (особенно в бытовом плане, как способность выполнять тяжелую работу), и только один из участников интервью «расшифровал» негативный смысл этих качеств в русской: *«Ее терпению переносить пьянство и побои мужа, унижения на работе, воспитание детей практически в одиночку, изнасилования и прочее может позавидовать кто угодно» (Михаил, 25 лет).* В рамках этого же вопроса мы уточняли, можно ли назвать русскую покорной и бессловесной. Практически никто из информантов не посчитал ее таковой. Маркер покорности русской женщины появляется в сравнении ее с женщинами других национальностей: русские оценивались как более покорные, чем западные женщины, и менее, чем восточные. Заметим, что на наше предложение сравнить русскую женщину, например, с татаркой или чеченкой многие отвечали, что сделать этого не могут, поскольку женщины этих наций, по мнению опрошенных, живут совершенно в других условиях, у них «другой склад души»: *«мусульманская женщина — это совсем другая история, даже и сравнивать нечего».*

Значимой характеристикой русских женщин и русских в целом является трудолюбие. Большая часть интервьюируемых согласилась с тем, что русские

женщины трудолюбивы. Трудолюбие русской, на их взгляд, выражается прежде всего в том, что женщина трудится и на работе, и дома. Активнее информанты высказывались, когда мы попросили сравнить русскую женщину и русского мужчину. Все опрошенные женщины отмечали, что русские женщины трудолюбивее русских мужчин. Приведем несколько суждений участников интервью, из которых видно, какие доводы приводят женщины, объясняя нелюбовь к работе русских мужчин:

Наша женщина и жнец, и на дуде игрец, после работы опять работает по дому, с детьми, а муж отдыхает (Тамара Николаевна, 77 лет); *Мужчин меньше, чем женщин, большинство женщин жалеют мужчин, взваливая на себя обязанности мужчин, а большинство мужчин этим пользуются* (Елена, 25 лет); *И у женщин и у мужчин есть работа, но плюс к этому женщины приходят после работы домой и начинают готовить, убираться, стирать... в то время как мужчина считает, что после работы он не обязан ничего делать* (Екатерина, 24 г.); *Трудоголички — и на работе и дома. И часто мужскую работу на себя берут. Это пошло после войны: мужчин не хватало, женщины все сами поднимали* (Юлия, 31 г.).

Мужчины были более сдержанны в оценках трудолюбия русских женщин. В целом они не отрицают наличия такого качества у последних, но с тем, что они трудолюбивее русских мужчин, не всегда согласны. Например, Алексей, 21 г., считает, что *«сейчас в современном мире женщины становятся более ленивыми»*; Олег Владимирович, 47 лет, заявил, что *«и среди мужчин трудоголиков хватает»*.

Как оказалось, оценивая трудолюбие русских женщин, информанты проводили границу не только между русской женщиной и русским мужчиной, но и между русской и женщинами других национальностей. Более половины участников интервью оценили русских женщин как самых трудолюбивых, несколько человек отметили, что китайки и немки трудолюбивее русских женщин. К числу не очень трудолюбивых отнесли американок, которые *«не такие трудоспособные, поскольку у них мужчины больше берут на себя, помогают женщинам»*, *«они живут и работают с целью удовлетворить себя, а русские женщины — других, например мужа или детей»*.

Индивидуальной фаворитизм русских проявляется и в оценке роли русской женщины как матери и хранительницы домашнего очага. Уже в начале интервью информанты подчеркивали особую значимость социальной роли матери и жены для русской женщины, наделяя ее качествами, которые традиционно относят к материнскому архетипу, — заботой, жалостью, жертвенностью. На вопрос, могут ли женщины других национальностей играть такую же особую роль матери, бабушки в семье, как русские, ответы разделились на две группы: одни считают, что только русские являются настоящими хранительницами дома, они прекрасные матери, жены и никто в мире с ними в этом не сравнится. Причем эти положительные характеристики русской женщины сопровождаются негативными оценками роли женщины в семье в других нациях. Например, немки и американки описывают как карьеристок, зацекленных на себе и на работе (*«они отпускают рано детей от себя, не помогают им»*, *«карьера впер-*

ди у западных женщин, они любят себя»). Другая группа объединяет мнения, согласно которым женщины любой национальности играют особую роль в семье, поскольку женщины вообще изначально для этого предназначены.

Таким образом, проанализировав содержание образа русской женщины, мы можем сказать, что для самих русских русские женщины воплощают нормативную женственность — включая и силу, которая очень важна для мифологизации национальной женственности в России. Своих, русских женщин информанты описывают как в категориях экспрессивных качеств, традиционно считающихся неотъемлемой чертой стереотипа женщины, — теплоты, заботы, открытости, доброты, так и в категориях качеств, традиционно приписываемых русским, — гостеприимства, душевности, жертвенности, терпеливости. В свете ценностей русской культуры подобный образ русской женщины позитивен, а образ женщин других (обозначенных в ходе интервью) национальностей скорее негативен, что можно объяснить действием принципа внутригруппового фаворитизма. Даже указывая негативные качества русской женщины (грубость, упрямство, гордыня, излишнее самопожертвование, неуверенность в себе, сварливость, жадность и жалость к себе, зависть), респонденты посчитали, что русская женщина ничем не уступает женщинам других национальностей. И на вопрос, можете ли Вы сказать, что женщинам какой-то другой национальности Вы симпатизируете больше, чем русским, все информанты, кроме одного, ответили «нет, никому».

Значимым компонентом в структуре национальной идентичности русских является советское прошлое (см., напр.: [5]). Отдельный блок нашего интервью мы посвятили образу советской женщины, что обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, если сразу после распада СССР идентичность русских строилась исключительно на отрицании всего советского, то сейчас наметилась тенденция выстраивания новой русской идентичности, содержащей фрагменты имперской, советской, этнической и других идентичностей. Во-вторых, образ советской женщины играет значительную роль в формировании стандартов современной русской женственности.

По мнению Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, эмансипация в СССР создала специфический социально-антропологический тип, гегемонный тип суперженщины — «работающей матери» [8]. Образ советской женщины нес в себе сильный мобилизующий потенциал в СССР (общество требовало быть не просто «женственной женщиной», но «советской женщиной»), при этом он активно использовался в определении внутренних и внешних Чужих (женщин тех национальностей, которые не соответствовали стандартам «советской женственности») [14].

В период Великой Отечественной войны на первый план выступают нормативные образцы, подчеркивающие супружескую верность, самоотверженность. Возникает новый образ — боевая подруга, защитница Отечества, а также производственница, перевыполняющая план [13]. Позднее начали активно складываться новые идеалы женщины-работницы и общественницы.

В нашем исследовании при описании качеств, характерных для советской женщины, информанты указывали те же качества, которые они приписывали в начале интервью русской женщине. Это самоотверженность, доброта, заботли-

вость, верность. Однако значительную часть описаний составляют характеристики, которые традиционно входят в стереотип «советский человек». Так, советскую женщину описывали как ответственного работника, способного трудиться и «в мужских профессиях (на станках)»; она «стремилась быть сильной и работать наравне с мужчинами», но при этом была «любящей семьянишкой». По отношению к государству — «верила в идеалы, коммунизм, была верна партии».

Значимым маркером образа советской женщины и всего советского были идея об извращенности советского гендерного порядка, сомнения в наличии в СССР нормальной сексуальности, отраженные в известной фразе «У нас секса нет» [26]. Участники нашего интервью согласились с тем, что советская женщина была женственной, но не сексуальной, и объясняли это прежде всего отсутствием возможности красиво одеваться из-за ограничений в выборе одежды: *«много трудилась, и в цеху и в колхозе — не до сексуальности в фартуке и резиновых сапогах, в СССР не было секса»*. Отсутствие сексуальности информанты подчеркивали и во внешнем виде советской женщины:

В коричневом женском пиджаке, серой юбке, со значком ударника труда, в берете, в туфлях на толстых каблуках. Улыбчивая (Михаил, 32 г.); Цветастое платье или серая юбка, смотря кем работала. Старалась быть женственной, но сексуальными были только продавщицы магазина (Наталья, 35 лет); Крепкая, массивная, тучная, с улыбкой на лице (Елена, 25 лет).

Для нас было важно проследить, как изменилась русская женщина с советских времен, какие черты она унаследовала от советской женщины, какие утратила, как эти процессы сказались на восприятии образа русской женщины самими русскими.

О том, что образ советской женщины является частью обобщенного образа русской женщины, может свидетельствовать тот факт, что на вопрос, женщину какой национальности Вы представляете при выражении «советская женщина», подавляющее большинство информантов указали, что русскую, а меньшинство видят в образе советской женщины женщин всех союзных республик, входящих в СССР.

Часть интервьюируемых посчитали, что русская женщина ни в чем не изменилась со времен СССР, но большинство отметили, что современная женщина, по сравнению с советской, стала более индивидуальной, независимой (и от мужа, и от государства), менее скромной, стала больше думать о себе. По отношению к мужчинам женщины стали «раскованнее, смотрят свысока на мужчин, меньше стали дорожить ими», «женщины меньше боятся растить детей в одиночку, меньше боятся общественного мнения». Причем объяснения этим переменам находят не только в политических, социально-экономических трансформациях, произошедших со страной, но в том числе и в поведении самих мужчин. Показательно в этом плане высказывание одной из участниц интервью: *«Мужики сами виноваты. Они не стали с женщинами наравне, а стали им уподобляться. Меньше инициативы. Раньше как? [Позвали]: едешь со мной на БАМ? И женщины ехали, в неизвестность, а сейчас и не позовет никто!»* Подобные высказывания о слабости и безынициативности русских мужчин нередко встречались в ходе нашего интервью, и это может свидетельство-

вать, на наш взгляд, о тенденции, ранее описанной в отечественной науке, дополнять образ русской женщины образом слабого мужчины [15].

Среди качеств, которые современная русская женщина унаследовала от советской, назывались стойкость, способность быть лидером и в семье и на работе. В определенной степени, по мнению опрошенных, современная русская женщина утратила патриотизм советских женщин, она стала менее самоотверженной.

Таким образом, с точки зрения информантов, современную русскую женщину от советской отличает большая независимость, индивидуальность, открытость. Но в целом их наделяют традиционными во все времена для русской женщины качествами — добротой, заботой, самоотверженностью, терпеливостью. Показателен в этом плане тот факт, что в качестве прототипа настоящей русской женщины часто называли Л. Федосееву-Шукшину, Н. Гундареву, Н. Мордюкову, М. Ладынину и В. Терешкову — известных женщин именно советской эпохи, но воплощающих традиционную русскую женственность. Среди наших современников в качестве настоящей русской женщины называли Н. Бабкину, В. Матвиенко, Т. Навку, С. Хоркину, М. Шарапову, Н. Кадышеву, Э. Панфилову. Часть интервьюируемых полагали, что невозможно выделить какой-то один определенный тип настоящей русской женщины и рисовали портреты женщин, прошедших Великую Отечественную войну, или «женщин лет 40 — 50, которым присущи качества русской женщины».

В своем исследовании мы также акцентировали внимание на образе русской женщины как гендерном идентификаторе, обозначающем различия между Россией и Западом. Россия сохраняет свою традиционную роль Другого для Европы [21] (подробнее об этом см.: [12]), и женские образы активно рекрутируются в политиках идентичности. Например, Б. Крамвиг и К. Стиен, проанализировав образ русской женщины в сознании жителей Норвегии после распада СССР, выделили различные дискурсы, формирующие представление о России как Враге. Один из этих дискурсов — русская проституция в Норвегии, «торговля сексуальными услугами, осуществляемая женщинами супердержавы» [10]. Отметим, что представления Чужих о Нас также являются важным компонентом Мы-образа, поскольку отрицание или принятие оценок со стороны может влиять как на содержание образа Своих, так и на процесс формирования идентичности в целом. Поэтому мы спросили информантов, какой, на их взгляд, представляют русскую женщину на Западе и какой ее образ нужно формировать и поддерживать (и нужно ли это). Более половины участников отметили, что на Западе русскую женщину видят как красивую, «кровь с молоком», трудолюбивую, хорошую хозяйку, не карьеристку. Дважды высказывалось мнение, что до сих пор русские женщины на Западе ассоциируются с советской женщиной, один раз — что представления о русских женщинах складываются в зависимости от того, кто из русских там живет (*«если много русских проституток, то и образ соответствующий»*). На вопрос о том, нужно ли формировать образ русской женщины на Западе и каким он должен быть, часть информантов ответили, что нужно создавать положительный образ русской — деловой, активной, успешной и самостоятельной, чтобы поднять статус русских и России на мировой арене. Заметим, что перечисленные характеристики можно отнести скорее к группе инструментальных качеств, которые тра-

диционно ассоциируются с мужчиной. Некоторые высказались, что ничего в этом направлении делать не нужно, «*пусть останемся стереотипными для них, все равно будут думать, что все у нас “Наташи” или “домашние девочки”*», «*ничего не надо, глубоко плевать, как они там о нас думают*».

В заключение мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, национальные образы мужчин и женщин являются важным идентификатором, с помощью которого проводится граница между нациями, определяется, кто Свой, а кто Чужой, и, следовательно, поддерживается национальная идентичность. Во-вторых, образ русской женщины — часть представлений о русскости в целом. Он включает в себя как качества, которые традиционно относят к стереотипу женщины, так и те, которые считаются характерными только для русских. В-третьих, приписывание русской женщине тех или иных качеств, наделение особыми свойствами характера используется для подчеркивания отличий не просто русской женщины от иных женщин, но и в целом русских вообще от других наций.

Библиографический список

1. *Альчук А. А.* Метаморфозы образа женщины в русской рекламе // Гендерные исследования. 1998. № 1. С. 255—261.
2. *Воронина О. А.* Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. 1999. № 2. С. 165—175.
3. *Гапова Е.* Гендер и постсоветские нации: личное как политическое // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 309—328.
4. *Гапова Е.* Гендерные политики в национальном дискурсе // Гендерные исследования. 1999. № 2. С. 24—36.
5. *Гудков Л.* Структура и характер национальной идентичности в России // Негативная идентичность. М. : Новое лит. обозрение, 2004. С. 121—168.
6. *Горошко Е. И.* Образы мужчины и женщины в языковом сознании. URL: http://asiagender.info/obrazi_mujchini_i_jenshini_v_yazikovom_soзнanii.htm (дата обращения: 15.01.2011).
7. *Грошев И. В.* Рекламные технологии гендера // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 172—187.
8. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже[н]ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—451.
9. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.
10. *Крамwig Б., Стиен К.* Русские женщины — новый образ старого врага. URL: <http://gender.ru/russian/digest/2002-01/research.shtml> (дата обращения: 26.12.2010).
11. *Курнаева Н. А., Рябов О. В.* «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Гендер : язык, культура, коммуникации : материалы Третьей Междунар. конф., 27—28 нояб. 2003 г. М. : РЕМА, 2006. С. 239—246. (Вестн. МГЛУ ; вып. 518 ; сер.: Лингвистика).
12. *Нойманн И.* Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова ; предисл. А. И. Миллера. М. : Новое изд-во, 2004. 336 с.

13. *Нуманов Т.* Как менялся образ женственности в советских журналах: мать, труженица, домохозяйка. URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-32439> (дата обращения: 12.01.2011).
14. *Рябов О. В.* «Красный кошмар»: репрезентации советской семьи в американском антикоммунизме периода «холодной войны» (1946—1963) // *Семья: между насилием и толерантностью* / под ред. М. А. Литовской, О. В. Шабуровой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 287—310.
15. *Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М. : Ладомир, 2001. 202 с.
16. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер, война в России XX века. Штутгарт ; Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
17. *Рябов О. В.* Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // *Филос. науки.* 2000. № 3. С. 79—86.
18. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново : Юнона, 1999. 359 с.
19. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
20. *Рябова Т. Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Т. 5, вып.1/2. С. 120—139.
21. *Тимофеев И. Н.* Эволюция внешнеполитической идентичности России: конец постсоветского периода? // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исслед. М. : МГИМО-Университет, 2007. Т. 2 : Идентичность и суверенитет : новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 34—56.*
22. *Тишков В.* О российском народе и национальной идентичности в России // *Бюл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* № 72 (2007).
23. *Ювал-Дэвис Н.* Гендер и нация / пер. И. Новиковой. М. : Елра, 2001. 171 с.
24. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference : Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23d to 26th Febr. 1967 / F. Barth (Ed.).* L. ; Bergen : Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.
25. *McClintock A.* Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Conquest. N. Y. : Routledge, 1995. 449 p.
26. *Riabova T., Riabov O.* «U nas seksa net»: Gender, Identity and Anticommunist Discourses in Russia // *State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development / A. A. Markarov (Ed.).* Iowa City : Center for Russian, East European, and Eurasian Studies, the University of Iowa, 2002. P. 29—38.
27. Sex Role Stereotype: a Current Appraisal / I. K. Broverman, S. R. Vogel, D. M. Broverman, F. E. Clarkson, P. S. Rosenkrantz // *J. of Social Issues.* 1972. Vol. 28, № 2. P. 59—78.
28. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press ; P. : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982. 528 p.

ПРАВА ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ББК 63.3(4Фра)53-284.3

Т. В. Королева

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ

На тему «Женщины и Первая мировая война» написано уже немало. Различные исследования анализируют отдельные ее аспекты: как война изменила положение женщин в обществе и имела ли она «освободительный эффект» (см., напр.: [27, 18, 14]), как трансформировались гендерные стереотипы и гендерные роли [28], изменилось ли отношение к женскому труду [21], семье, браку, материнству [19]. В целом все эти исследования пытаются ответить на глобальный вопрос: какова была роль этой войны на долгом пути к женской эмансипации?

Важным фактором получения женщинами самостоятельности и равноправия до войны было женское движение, которое впервые поставило эту задачу на повестку дня и осуществляло активные действия по завоеванию прав в различных отраслях. Представляется интересным проследить, каковы были успехи женского движения накануне войны, какие трансформации произошли с ним во время Первой мировой войны и как они повлияли на дальнейшее развитие движения и решение женского вопроса.

Накануне Первой мировой войны женское движение во Франции по сравнению с другими странами имело ряд отличительных черт.

Либеральное женское движение носило умеренный характер, отвергая наиболее передовые требования о необходимости полного гражданского и политического равноправия полов. Эта специфика определялась следующими причинами:

1) организованное женское движение во Франции возникло в 60-х гг. XIX в., до этого оно развивалось как циклическое, постоянно возникая в период революций. Практика прямого подавления женского движения со стороны правительства в первый период его развития предопределила умеренный характер развития движения во второй период в рамках ограниченных требований с оглядкой на реакцию общественности;

2) требования равноправия полов постоянно вступали во Франции в конфликт с традиционными буржуазными ценностями и широко популярной католической доктриной. Поэтому большинство феминисток старались совмещать идеи женского равноправия с господствующими в обществе нормами и ценностями и стремились ограничить «женское бунтарство» лишь некоторыми сфе-

© Королева Т. В., 2011

рами, необходимость реформирования которых была столь явной, что нельзя было их игнорировать [8];

3) лидирующие позиции в женском либеральном движении занимало умеренное, близкое к консервативному движение социального феминизма, а не суфражизм, как в других странах. Представители этого течения приоритетным считали движение за реформу общественной морали, филантропию, борьбу с проституцией, алкоголизмом, табакокурением и порнографией. Завоевание прав рассматривалось ими как способ улучшения качества жизни женщин в рамках существующих гендерных конвенций. Цели и задачи социального феминизма максимально соответствовали идеалам французского общества, поэтому он смог провести наиболее успешную мобилизацию ресурсов, объединив разнохарактерные католические, протестантские, феминистские и суфражистские женские общества. По количеству членов Национальный совет французских женщин (НСФЖ) (Conceil National des femmes francaises) был одним из крупнейших женских объединений во Франции начала XX в. [17, p. 84]. Являясь одной из наиболее влиятельных сил в женском движении, Совет определял его отношение к тем или иным проблемам общественной жизни и умеренный характер развития;

4) суфражистское движение было развито во Франции значительно слабее, чем в других европейских странах. Главной причиной слабого влияния суфражистских идей было широко распространенное в обществе опасение, что предоставление избирательных прав женщинам, в большинстве своем ориентированным на католическую церковь, вызовет усиление правых и приведет к краху республики и демократии. Требования о женском суфражизме официально не были включены в программу ни одной политической партии, за исключением социалистов [13].

По этой причине массовое суфражистское движение во Франции стало формироваться гораздо позднее, чем в других странах Европы. К началу Первой мировой войны движение смогло преодолеть большинство трудностей. Значительная часть образованного городского населения стала поддерживать идеи суфражизма во многом благодаря тому, что движение для привлечения к себе симпатий населения занималось социальными вопросами и выдвигало очень умеренное требование «завоевания ограниченного избирательного (муниципального) права на том же основании, на каком оно предоставлено мужчинам» [11, p. 91]. Движение создало разветвленную структуру с многочисленными региональными объединениями: Французский суфражистский союз женщин (ФССЖ) (Union Française pour le Suffrage des Femmes) насчитывал к 1914 г. 12 000 сторонников и 22 региональные секции [23, p. 110]. Суфражистское движение стало использовать в своих интересах другие массовые общественные движения, поэтому в потенциале имело неплохие шансы на успех.

Социалистическое женское движение во Франции, как и движения в других странах, приняло марксистскую концепцию решения женского вопроса, которая утверждала, что освобождение женщины невозможно без ликвидации частной собственности и революционного преобразования общества. Остальные теории женского равноправия социалисты отнесли к «буржуазным» на том основании, что они признавали существующий строй и предполагали добиться

эмансипации женщин традиционным путем парламентских реформ. Поставив знак равенства между понятиями «феминизм» и «буржуазный», они повели с феминизмом борьбу как с одним из проявлений капиталистической системы, запретив социалисткам участвовать в феминистских акциях и организациях, после чего сотрудничество с феминистским направлением стало частной инициативой отдельных представительниц социалистического движения, таких как М. Пелльтье, К. Кауфман, Э. Брион [24].

Однако если в других странах социалистические партии активно привлекали женщин в свои ряды, то политика французской секции 2-го Интернационала (СФИО) (*La Section française de l'Internationale ouvrière*), в которую в 1905 г. объединились все социалистические группы и партии, по отношению к женщинам была двойственной. С одной стороны, декларативно она выступала за решение женского вопроса, но с другой — всячески ограничивала доступ женщин в партию. Вот как описывала эту ситуацию социалистка-феминистка М. Пелльтье: «Социал-демократы занимают по отношению к феминизму положение враждебной инерции. При вступлении в партию женщина, если она является без сопровождения своего мужа, встречается враждебно. И если есть предложение не принять ее, то им не забывают воспользоваться. Что касается женских требований, то о них нет и речи. Рабочие видят в женщине только самку и служанку» [2, с. 7—8].

СФИО никогда не имела сильного женского представительства. К 1914 г. в ней насчитывалось менее 1000 женщин, что составляло менее 1 % от общего числа членов партии, по сравнению с 16 % женщин в социалистической партии Германии и 20 % в Финляндии [7, р. 39]. Мужское руководство было безразлично к привлечению женских ресурсов, поскольку главной своей задачей оно считало участие в выборах и парламентской политике, где женщины никакой роли не играли, поэтому к 1914 г. широкого социалистического женского движения во Франции не существовало.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война привела к «священному единению» французской нации, все силы были брошены на победу и все другие проблемы стали решаться исходя из приоритетов военного времени. Все политические партии и общественные движения (в том числе и женское) выступили с поддержкой политики правительства и практически отказались от активных действий по реализации своих интересов.

Феминистки разделяли всеобщий энтузиазм служения нации. На какое-то время они сняли свои требования и посвятили себя ревностному исполнению своего женского долга. Ж. Мизм, редактор «*La Française*», одного из самых влиятельных изданий НСФЖ, выразила суть этой позиции в первом же выпуске журнала военного периода: «Пока наша страна претерпевает страдания, никому не позволено говорить о правах. Сейчас у нас — только обязанности» (цит. по: [26, р. 21]).

Феминизм до 1914 г. был движением международным, что было обусловлено общностью интересов женщин: борьбой женщин за право голоса, растущим интересом к вопросам материнства и частыми контактами феминисток различных стран. В 1888 г. по инициативе американских женщин был организован Международный женский совет, возглавляемый леди И. Абердин из Ан-

глии, который насчитывал около 15 млн членов в 25 национальных союзах-филиалах. Задолго до 1914 г. международное женское движение, членом которого являлась и Франция, провозгласило свою преданность делу мира: крупные марши мира состоялись в 1899 и 1907 гг. Часто провозглашалось, что если бы женщины имели право голоса, они бы положили конец войне. Однако война разрушила женские союзы интернационалистов. Французские феминистки, отложившие в сторону свои требования ради единства нации в военное время, точно так же отказывались и от своих международных альянсов в пользу национал-феминизма, призывавшего женщин служить нации.

С 28 апреля до 1 мая 1915 г. в Гааге радикальными феминистками Д. Адамс из США и А. Якобс из Нидерландов была организована работа Международного конгресса за будущий мир. Среди 1200 женщин, главным образом голландок, были представительницы еще 9 стран, в том числе Германии. Французская делегация отсутствовала, что выражало принципиальную позицию лидеров феминистского движения того периода. Основные феминистские организации во Франции издали декларации, в которых отвергали возможность контактов с феминистскими организациями из вражеских стран, т. к. они считали их страны военными преступниками, и с международными женскими организациями, т. к. их позиция противоречила национальным идеям французов [7, р. 124, 128].

Следуя этой позиции и идее поддержки правительства и гражданского мира, большая часть феминистских обществ, в том числе и суфражистские, отказались от продолжения борьбы и проведения активных кампаний и занялись благотворительностью. Эта переориентация не вызвала больших затруднений, поскольку, с одной стороны, благотворительность и до войны являлась одним из направлений деятельности самых крупных феминистских организаций, таких как НСФЖ и ФССЖ, а с другой — среди руководителей большинства феминистских обществ преобладали обеспеченные женщины средних классов, которые имели не только желание, но и реальные возможности финансировать благотворительные проекты. Они софинансировали работу госпиталей, рекрутировали женщин для работы медсестрами, помогали женщинам-работницам, организовывали горячее питание для нуждающихся и др.

Исключением была позиция Г. Дюшен, которая возглавляла в НСФЖ секцию женского труда. Она попыталась на следующий день после завершения работы Гаагского конгресса основать французскую секцию Международного конгресса за будущий мир, за что была отстранена от деятельности в Национальном совете французских женщин [15].

В других странах большую роль в распространении пацифистских настроений сыграли социалистические партии. Однако СФИО и Всеобщая конфедерация труда (ВКТ; крупнейшее объединение профсоюзов во Франции), несмотря на принятое в начале XX в. решение поддерживать 2-й Интернационал, осуждать милитаризм и голосовать против военных кредитов, также после начала войны поддержали правительство. Во имя сохранения гражданского мира ВКТ обещала воздерживаться от забастовок. 4 августа 1914 г. депутаты СФИО в парламенте проголосовали за военные кредиты, а французское правительство возглавил «независимый социалист» Р. Вивиани. Самый известный

лидер СФИО Ж. Гед и в прошлом непримиримый «антимилитарист» А. Тома заняли посты министров [3, с. 66].

По этой причине пацифистское женское социалистическое движение, которое уже с конца 1914 г. стало развиваться в Германии и других странах, практически не получило развития во Франции. Подавляющее большинство женщин-социалисток вслед за СФИО приняли политику не интернациональных, а национальных объединений. Меньшинство же столкнулось с огромными трудностями, поскольку их точку зрения никто не хотел слышать. В 1914 г. только М. Пелльтье и Н. Руссель осудили войну как инструмент мужской власти над женщинами, заявили, что правительства воюющих стран обманывают свои народы относительно справедливости причин начала вооруженного конфликта, и призвали к борьбе за мир [22]. Однако их выступление было резко осуждено как членами социалистической партии, так и феминистскими организациями, и они были вынуждены прекратить пропаганду. М. Пелльтье вернулась в университет преподавать химию, а Н. Руссель не публиковала своих пацифистских статей вплоть до 1919 г.

К. Цеткин — лидер международного социалистического движения — попыталась организовать пацифистское движение работниц и обратилась к женщинам-социалисткам с призывом принять участие в международной конференции, состоявшейся в швейцарском Берне 26—28 марта 1915 г. На ней присутствовало 70 женщин из 8 европейских стран. Конференция приняла резолюцию, которая по содержанию не была ни феминистской, ни пораженческой: в ней осуждалась война как капиталистическая и прозвучал призыв к пролетарским женщинам — матерям, женам, подругам погибших и раненых — спасти человечество. Официальной французской делегации на конгрессе не было, однако три социалистки: Э. Брион, М. Верне и Л. Сомоно — посетили его по своей собственной инициативе [27, р. 44].

На примере деятельности Э. Брион можно проследить отношение французского общества к пацифизму и пацифисткам. Элен Брион — учительница, феминистка, синдикалистка, социалистка. После Бернского конгресса она стала активно выступать за возрождение международной солидарности трудящихся. Элен вела пацифистскую пропаганду, принимала участие в многочисленных собраниях, в распространении листовок, запрещенных публикаций. 17 ноября 1917 г. ее арестовали и заключили в тюрьму для женщин Сен-Лазар. С 25 по 31 марта 1918 г. ее дело разбиралось на Военном совете. Ее обвинили в пораженьстве, в том, что она германская шпионка. Поскольку доказательства этого отсутствовали, ее объявили сумасшедшей и предложили провести психиатрическую экспертизу. В ответ на это Э. Брион использовала свое заключительное слово для пропаганды идей пацифизма и феминизма: «Я враг войны, потому что я феминистка. Война — триумф резкой силы, феминизм может торжествовать только силой духа и интеллектуальной ценностью» (цит. по: [5]). Ее приговорили к трем годам условного тюремного заключения и запретили заниматься пропагандой.

Таким образом, пацифистская кампания во время войны потерпела поражение. Француженки не смогли отойти от узко национальных интересов и объединиться с другими пацифистскими организациями, никакие другие направ-

ления женского движения в период войны не развивались, не проводилось ни феминистских, ни социалистических женских кампаний и выступлений.

В то же время война способствовала широкому вовлечению женщин в публичную сферу, поскольку началось массовое привлечение женщин в общественное производство и на административные должности взамен ушедших на фронт мужчин. 3 июля 1915 г. был принят чрезвычайный закон, разрешавший женщинам, чьи мужья были мобилизованы на фронт, распоряжаться отцовской властью и всеми средствами семьи. Циркуляры 1915 г. А. Тома, министра промышленности, разрешали задействовать в работе на любых предприятиях женщин. В марте 1915 г. палатой депутатов было принято решение начать широкое использование ручного женского труда [4, р. 92].

Однако это не привело к глобальным изменениям в общественном сознании, каких можно было бы ожидать. Произошла замена противопоставления «частное — публичное» на более глобальное «фронт — тыл». Мужчина по-прежнему занимал активную позицию на фронте, а женщина продолжала играть пассивную роль домашней хозяйки, в данном случае — хозяйки страны. Взаимопроникновения частного (пассивного) и публичного (активного) не произошло.

Уже к 1915 г. стало ясно, что надежды на быстрое окончание войны не оправдались. В войну вступало все больше стран, возникали новые фронты, в сражениях гибли миллионы людей. Франция несла значительные человеческие потери, а с учетом предвоенного демографического кризиса это означало демографическую катастрофу. Поэтому, несмотря на ту активную социальную позицию, которую заняли женщины во время войны, становилось понятно, что основной задачей замужних женщин после войны будет не работа, а рождение детей.

Показателем этих настроений стала конференция «Социальная роль женщины в обществе после войны», которую в апреле 1915 г. провел ФССЖ. На конференции генеральный секретарь Союза С. Брауншвейг выступила с программной речью, в которой заявила: «После войны многие женщины вынуждены будут стать единственными кормильцами семьи, поэтому наша организация предлагает новый лозунг: “Женщина-кормилица не является конкурентом мужчине за равные способности, равные права и равные зарплаты”. Но при этом не надо забывать, что экономическая роль женщины не может и не должна противостоять их социальным ролям в семье, среди которых наиболее важными будут роли по восстановлению популяции населения и уход за детьми младенческого возраста» [16, р. 309].

В 1917 г. женщины составили 60 % всех работающих. Потребности военного времени значительно увеличили спрос общества на квалифицированную женскую рабочую силу. Некоторая часть женщин получила рабочие места в банках, бизнесе, управлении, заменив мужчин на чиновничьих и секретарских местах и даже в муниципальных советах.

Большая часть женщин, вовлеченных в общественное производство в период войны, пополнила контингент фабрик и военных заводов (в 1915 г. на военных заводах трудились 15 тыс. женщин, в 1917 г. — 684 тыс. [12, р. 104]) и попала в очень тяжелые условия труда, получая за свой неквалифицированный труд мизерные зарплаты. Поэтому их движение за изменение условий труда,

повышение зарплат и доступ к профессиональному образованию приняло форму забастовок, в которых они участвовали наравне с мужчинами. В 1915—1918 гг. 160 тыс. рабочих и работниц приняли участие в 200 забастовках. В 1916 г. женщины составляли 70 % бастующих [4, p. 93]. Несколько организаций поддержали требования женщин-работниц: Союз синдикатов Сены, Межсиндикальный комитет против эксплуатации женщин.

Но к концу войны в рабочей среде все громче становятся протесты против женского труда. В ответ на это требование и для того чтобы лучше контролировать и регулировать женское забастовочное движение в 1917 г., правительство создает школу «руководительниц социального обеспечения», целью которой было следить за нравственностью работающих женщин, пропагандировать среди них идеи о возвращении к домашнему очагу. Эта инициатива, которую финансировал А. Тома, принадлежала С. Брауншвейг.

Казалось бы, война должна была привести к социально-экономическим и политическим изменениям в положении женщин во французском обществе, однако победа досталась Франции «слишком дорогой ценой». Свыше 1,3 млн французских солдат и офицеров погибли, 2,8 млн были ранены, 600 тыс. остались инвалидами. Эти потери почти в два раза превышали потери Англии и более чем в 12 раз потери США. Для Франции с ее низкой рождаемостью огромные людские потери явились тяжелым ударом, от которого страна долго не могла оправиться. Даже после возвращения Эльзас-Лотарингии, где проживали 4,8 млн человек, численность населения Франции оказалась на 1 млн человек ниже, чем до войны [3, с. 72].

После подписания перемирия и демобилизации армии началась общественная кампания за возвращение женщин в семью (в ходе войны эти настроения усиливались и к моменту подписания Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. стали преобладающими во французском обществе). Уровень рождаемости был в 1918—1919 гг. серьезным аргументом против изменения положения женщин. Противники женской эмансипации выдвинули лозунг: «Судьба Франции, ее существование зависит от семьи!» [12, p. 110].

Однако во время войны многие женщины потеряли мужей и были вынуждены остаться на рабочих местах, чтобы прокормить себя и своих детей. Поэтому отношение общества к работающим женщинам было двойственным: замужние женщины должны были вернуться к выполнению традиционной роли матери и домашней хозяйки, а вдовы и одинокие заменить на рабочих местах погибших мужей.

В 1919 г. была опубликована статья М. Тамина, ректора Академии г. Бордо, в которой эта тенденция была очень четко обозначена: «В ходе демобилизации армии 40 000 мужчин вернутся домой и будут претендовать на свои рабочие места, и их жены должны будут их освободить. Однако огромные человеческие потери Франции сделают труд для множества вдов и молодых девушек-сирот реальностью. Для них необходимы глобальные изменения в нравах, морали и законах общества. Необходимо, чтобы любая женская работа имела правовую регламентацию и была обеспечена соответствующей образовательной подготовкой» [25, vol. 53, livr. 2, p. 516].

Исходя из этой ситуации, Р. Вивиани предложил провести реформу женского образования и разделить курсы средней школы на два направления. Для тех, кто в силу обстоятельств (одинокие и вдовы) ориентирован на карьеру, должна быть введена подготовка к бакалавриату, а для девушек, осознающих потребности государства и желающих реализовывать традиционную роль женщины (жены и матери), следует оставить старую программу обучения.

Эту кампанию поддержали две самые влиятельные феминистские организации во Франции: НСФЖ и Феминистская федерация преподавателей [9, р. 57—58]. Они стали добиваться реформы системы женского бакалавриата, причем заняли довольно умеренную позицию, постоянно апеллируя к нормам и ценностям, распространенным в обществе. Они выступили против идеи введения совместного среднего образования по эквивалентным программам и поддержали проект реформ, предложенных правительством, — организовать новую систему среднего образования преимущественно для одиноких женщин, чтобы они могли, получив степень бакалавра, поступить в вузы и разрешить потребность общества в квалифицированных специалистах.

Проблема депопуляции предопределила то, что после войны женщины-социалистки и рабочее движение, как и до 1914 г., оказались неспособными сотрудничать друг с другом. В официальных заявлениях лидеров социалистической партии проблема привлечения женских ресурсов вообще не затрагивалась. В культуре рабочего класса после войны возобладали традиционные гендерные стереотипы: мужчины стали идентифицироваться с квалифицированным трудом, а женщины — с домом и рождением детей даже в большей степени, чем это было до 1914 г. [27, р. 37].

Попытку мобилизовать женщин-работниц в свои ряды предприняла только Французская коммунистическая партия (ФКП). Следуя директивам 3-го Интернационала и Коминтерна, ФКП поощряла учреждение женских комиссий внутри профсоюзов и своих региональных объединений. Однако самостоятельность и влияние женщин в этих организациях, так же как раньше в СФИО, были минимальными. Включение женщин в партию стало следствием идеологических установок, а не желания решить женский вопрос и поэтому носило формальный характер. Следуя марксистской доктрине и практике решения женского вопроса в СССР, ФКП считала, что положение женщин в обществе изменится только после перехода к социализму.

Позиция СФИО, ФКП, ВКТ и феминистского движения, которые в целом одобряли политику государства по возвращению женщины в семью, привела к расколу женского социалистического движения. Радикальные социалистки, такие как М. Пелльтье и Ж. Умбер, следуя неомальтузианским идеям, стали бороться за ограничение рождаемости (при помощи контрацептивов) и разрешение абортов. М. Пелльтье по этому поводу писала: «Для большинства мужчин женщина не является человеком, который может иметь те же права. Женщина — это машина, которая бесперебойно должна производить новых людей. Идея, что женщина может от этого отказаться, не приходит в головы большей части мужчин. Мальтузианство — это средство быть женщиной, а не самкой. Ограничивая материнство, оно позволяет женщине сохранить ее разум, прожить жизнь индивида и оставаться дольше молодой» [20]. Однако

подобная агитация оказалась слишком радикальной для послевоенного французского общества и не была поддержана ни одной политической силой, а сами радикальные социалистки воспринимались как и отклонение от общественной нормы.

В ноябре 1919 г. правые силы, горевшие желанием бороться с большевизмом, объединились в Национальный блок, который одержал победу на выборах. Политика Национального блока в женском вопросе имела ярко выраженный патриархальный характер. 1 июля 1920 г. был принят закон, который запрещал аборт и использование контрацептивных средств, при этом наказание налагалось не только за аборт или намерение сделать его, но и за агитацию в его пользу. Был создан Высший совет рождаемости, который должен был проводить и регулировать демографическую политику. По его рекомендации правительство стало выплачивать как денежные компенсации тем женщинам, которые оставляли свои рабочие места в пользу мужчин, вернувшихся с фронта, так и семейные пособия на детей для некоторых бедных семей. Это привело к резкому сокращению количества женщин, занятых в общественном производстве [10].

Согласно переписи 1921 г., в общественном производстве Франции были заняты 8,6 млн женщин. По сравнению с 1911 г., когда эта цифра составляла 7,7 млн, число работающих женщин после войны увеличилось лишь на 0,9 млн (т. е. в общественное производство оказалось вовлечено ровно столько женщин, сколько было необходимо, чтобы заменить погибших на фронте мужчин). Но и это число сократилось к 1926 г. и в процентном соотношении стало даже меньше числа женщин, занятых в общественном производстве в 1911 г. Особенно незначительным был рост женского труда в либеральных профессиях. К 1921 г. количество женщин, занятых в них, выросло по сравнению с довоенным только на 3,1 % и составило 10,6 % всех работающих женщин [1, с. 303].

Итак, после войны женское дело, семья, рождение детей из частного дела стали делом политическим и должны были теперь служить общественным целям — восстановлению популяции населения. Эту новую ситуацию должны были учитывать представительницы женского движения для успешной мобилизации ресурсов на новом этапе и для реализации своих целей после войны.

Однако часть феминистских обществ не смогли решить эту проблему и совместить послевоенные ценности государства со своими требованиями. Это привело к провалу наиболее радикальных (суфражистских) кампаний после войны. Попытки ФССЖ продвинуть решение этого вопроса на законодательном уровне, несмотря на поддержку палаты депутатов, встретили резкое сопротивление Сената, который шесть раз отказывался обсуждать вопрос о предоставлении женщинам избирательных прав на том основании, что проблема депопуляции населения является более значимой для общества [6].

Послевоенная суфражистская кампания была встречена враждебно не только Сенатом, но и большей частью французского общества. Население (мужчины и значительная часть женщин), особенно в провинции, оценивало идею предоставления женщинам избирательного права как «дикую» и «несвое-

временную». «Крестьяне стояли с открытыми от удивления ртами, рабочие смеялись, лавочники пожимали плечами, а буржуа отворачивались» [29, р. 22].

Одна из активисток движения Л. Вейс, анализируя в своих мемуарах ситуацию с суфражистским движением во Франции после войны, сделала вывод что «изменение законодательства невозможно, пока не переменится господствующий взгляд женщин на самих себя и свои интересы» [29, р. 24].

После провала этой попытки решить вопрос женского избирательного права большая часть суфражистских организаций, обществ и федераций прекратили свое существование, самораспустились или переориентировались на другую деятельность.

Таким образом, влияние войны на права женщин во Франции и на женское движение было огромным. По причине депопуляции населения государство запретило своим гражданам принимать меры по планированию семьи, отказало женщинам в праве голоса и вплоть до 1938 г. тянуло с тем, чтобы снять гражданскую недееспособность замужних женщин. Характерные для довоенной эпохи эгалитарные устремления были забыты, и дихотомия полов снова стала нормой в социальной и политической мысли.

Довоенное женское движение выдвигало свои требования как для решения социальных вопросов, так и для реализации идеала равенства полов и, несмотря на умеренный характер, активно боролось за права женщин в различных сферах.

Женское движение военного времени приняло традиционный взгляд на роли мужчин и женщин в обществе и отказалось от активных действий во имя национальных интересов, не решившись поддержать даже пацифистскую кампанию.

Послевоенный феминизм разделился в своих позициях. Часть женских обществ, которые следовали в русле политики НСФЖ, полностью поддержала новую систему ценностей и политику государства. Эти общества постоянно подчеркивали необходимость сохранения и упрочения семьи, восхваляли материнство и брак, осуждали пороки общества, поэтому прежде всего концентрировались на улучшении положения замужних женщин. Работать, получать образование, равное мужскому, тем, кто не может по-другому устроиться в этой жизни (т. е. одиноким, незамужним женщинам), — «да», иметь такие же права и возможности для развития личности, что и мужчины, — «нет». Именно так можно определить гендерные стереотипы, которые получили распространение во Франции после войны и которые большая часть женского движения так и не преодолела.

Другая часть женских обществ (суфражистских и радикально-социалистических) не смогла полностью отказаться от идеи равноправия полов. Поскольку их ценности не соответствовали государственным, их агитация не нашла общественной поддержки и они прекратили свое существование.

В целом война способствовала приостановке процесса женской эмансипации, привела к кризису женского движения и к тому, что феминизм первой волны во Франции в начале 30-х гг. прекратил свое существование, т. к. его изначальные (пусть даже крайне умеренные) требования противоречили политике государства и ценностям послевоенного времени.

Библиографический список

1. *Зелдин Т.* Франция, 1848—1945 : честолюбие, любовь и политика : пер. с англ. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2004. 672 с.
2. *Пелльтье М.* Письмо А. Кальмонович // Кальмонович А. Женское движение и отношение партий к нему : (докл., читанный на Первом Всероссийском женском съезде 15 дек. 1909 г.). СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1911. 15 с.
3. *Смирнов В. П.* Франция в XX веке. М. : Дрофа, 2001. 351 с.
4. *Adler L.* Les femmes politiques. P. : éd. du Seuil, 1993. 277 p.
5. *Avrane C.* Hélène Brion, une institutrice féministe // Extrait du Bulletin Archives du féminisme. 2003. № 5, juin. URL: <http://histoire-de-pantin.overblog.com/article-29180956.html> (дата обращения: 09.02.2011).
6. *Bard C.* Les Filles de Marianne : histoire des féminismes, 1914—1940. P. : Fayard, 1995. 360 p.
7. *Evans R.* Comrades and sisters : feminism, socialism and pacifism in Europe 1870—1945. Brighton : Wheatsheaf, 1987. 203 p.
8. *Faure Ch.* La démocratie sans les femmes : essai sur le libéralisme en France. P. : Pres. univ. de France, 1985. 264 p.
9. *Fell A.* French Women do not Wish to Talk about Peace : Julie Siegfried and the Response of the Conceil National des femmes francaises to the First World War // The Women's Movement in Wartime : International Perspectives, 1914—1919. L. : Palgrave, 2007. P. 53—66.
10. *Frader L.* Femmes, genre et mouvement ouvrier en France aux XIXe et XXe siècles : bilan et perspectives de recherche // Clio. 1996. № 3. URL: <http://clio.revues.org/document472.html> (дата обращения: 09.02.2011).
11. *Grinberc S.* Histoire du mouvement suffragiste depuis 1848. P. : éd. Libraire, 1926. 213 p.
12. *Hause S.* More Minerva than Mars: the French Women's Rights Campaign and the First World War // Behind the Lines : Gender and the Two World Wars. L. : Ed. M. Higoment, 1987. P. 99—113.
13. *Hauswith S., Kenney A.* Women's Suffrage and Social Politics in the French Third Republic. Princeton : Univ. Press, 1984. 381 p.
14. *Klejman L., Rochefort Fl.* L'Egalité en marche : le féminisme sous la Troisième République. P. : Presses, 1989. 481 p.
15. La femme et la Première Guerre mondiale. URL: http://www.archivesdufeminisme.fr/article.php3?id_article=74#nh4 (дата обращения: 10.02.2011).
16. Le role social des femmes après la guerre // Rev. Universitaire. 1915. Vol. 1, № 5. P. 309—310.
17. *Lecler A.* Le vote des femmes en France : les causes de l'attitude particulière à notre pays. P. : Rivière, 1929. 236 p.
18. *MacMillan J. F.* Housewife or Harlot : the Place of Women in French Society, 1870—1940. Brighton : The Harvester Press, 1981. 229 p.
19. *Mann C.* Femmes dans la guerre (1914—1945) : survivre au féminin devant et durant deux conflits mondiaux. P. : Pygmalion, 2010. URL: <http://www.reseauterra.eu/article1056.html> (дата обращения: 11.02.2011).
20. *Pelletier M.* Dépopulation et Civilisation : discours prononcé le 1 mars 1920. URL: <http://www.marievictoirelouis.net/document.php?id=301&themeid=81> (дата обращения: 11.02.2011).
21. *Ripa Y.* Les femmes, actrices de l'Histoire, France 1789—1945. P. : Armand Colin, 1999. 229 p.

22. *Roussel N.* Quelques réflexions sur la guerre : discours prononcé le 30 novembre 1914 // *Roussel N. Paroles de Combat et d'espoir : discours choisis.* Épône : éd. de l'Avenir Social, 1919. P. 59—62. URL: <http://www.marievictoirelouis.net/document.php?id=155&themeid=154> (дата обращения: 09.02.2011).
23. *Schlumberger W. de.* A Year's Progress // *Jus Suffragii.* 1914. May, 1. P. 110—111.
24. *Sowerwine Ch.* Les Femmes et le socialism, un siecle d'histoire. P. : Presses de la FNSP, 1978. 286 p.
25. *Thamin R.* L'éducation des filles après la guerre // *Rev. des Deux Mondes.* 1919. Vol. 53, livr. 2. P. 512—533; Vol. 54, livr. 2. P. 130—160.
26. *Thébaud F.* Le Féminisme a l'épreuve de la guerre // *Thalman R. La Tentation nationaliste, 1914—1945.* P. : Deuxtemps Tierce, 1990. P. 17—35.
27. *Thébaud F.* La Grande Guerre. Le triomphe de la division sexuelle // *Histoire des femmes en Occident.* P. : Plon, 1992. T. 5 : Le XX siècle. P. 31—74.
28. *Thébaud F.* Penser la guerre à partir des femmes et du genre : l'exemple de la Grande Guerre // *Astérior.* 2004. № 2, juil. URL: <http://asterion.revues.org/document103.html> (дата обращения: 09.02.2011).
29. *Weiss L.* Ce que femme veut. P. : NRF, 1946. 267 p.

ББК 60.542.21

Ю. П. Лошакова

ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА (На материалах законодательства Швеции)

Королевство Швеция занимает одно из лидирующих мест в мире по уровню достигнутого гендерного равноправия. В этой стране мужской и женский пол практически равномерно представлены в любой сфере науки, искусства, промышленности. Даже в политике мужчины и женщины чувствуют себя равноправными. Главное положение шведской гендерной политики — формирование современного общества, в котором и мужчины и женщины имеют одинаковые (равные) права, возможности и обязанности.

Анализ гендерного равноправия в шведском обществе — с акцентом на положение женщин — через призму законодательства этого государства представляется важным и актуальным по многим причинам. Механизмы достижения равноправия полов интересны не только историкам-скандинавистам, но и современным российским социологам и политологам. Опыт Швеции может и должен быть принят к сведению при формировании современного российского демократического общества, существование которого немислимо без равных прав и возможностей всех граждан в различных сферах. Швеция, будучи одним

из признанных мировых лидеров в обеспечении гендерного равноправия, должна стать примером для Российской Федерации по внедрению гендерного аспекта и гендерного анализа во все экономические и политические программы государства. Изучение положительных результатов социального развития шведского общества, а также методов их достижения должно явиться основой создания продвинутой и в то же время адаптированной к российским реалиям политики гендерного равенства в России.

В Швеции соблюдение прав человека в отношении женщин гарантируется Конституцией и рядом законов, главным из которых является Закон о равных возможностях [9]. Семейное законодательство и законодательство в области образования, а также другие законы содержат положения, направленные на улучшение статуса женщин и на обеспечение равенства между мужчинами и женщинами. Отдел по вопросам равенства полов Министерства промышленности, занятости и связи тщательно изучает все предложения для нового законодательства с тем, чтобы отразить проблему равенства между мужчинами и женщинами.

Защита прав мужчин и женщин в сфере трудовой деятельности

В 1998 г. в Законе о равных возможностях были усилены положения, касающиеся сексуального домогательства: в закон было включено определение сексуального домогательства, а также внесены уточнения о том, что наниматель обязан принимать решительные меры для ограждения наемного работника от сексуального домогательства. Согласно закону наниматель, не выполняющий свои обязательства, будет вынужден выполнить их под угрозой наказания в виде штрафа и возмещения ущерба потерпевшему работнику.

Другая поправка касалась защиты от дискриминации претендентов на рабочие места. Закон предписал защиту осуществлять в отношении претендентов в течение всего процесса найма независимо от того, принято ли решение о найме. Для установления факта дискриминации нет необходимости проводить прямое сравнение с лицом противоположного пола.

В соответствии с законом наниматели и работники в своих усилиях по достижению равенства в трудовой жизни должны способствовать созданию одинаковых возможностей для изменения уровня заработной платы как мужчин, так и женщин.

Ежегодно все наниматели проводят обзор и анализ норм и практики с точки зрения заработной платы и различий в ней между мужчинами и женщинами, выполняющими работу равной значимости. Цель обзора ставок заработной платы состоит в выявлении и предупреждении их необоснованных различий, а также различий в условиях занятости между мужчинами и женщинами и принятии в этой связи соответствующих мер. Все наниматели, имеющие в своем штате более девяти работников, согласно закону обязаны разработать план действий по обеспечению равной заработной платы. Общие денежные возмещения подвергшимся дискриминации лицам должны не распределяться поровну между ними, а выплачиваться каждому человеку индивидуально с учетом причиненного ему ущерба.

Защита неприкосновенности личности женщины

В Уголовный кодекс было включено определение нового преступления — грубого нарушения неприкосновенности личности женщины. Этот закон вступил в силу в 1998 г. и предусматривает уголовную ответственность за любые действия, нарушающие неприкосновенность личности женщины. Под действие закона подпадает практически все, что так или иначе связано с унижениями, оскорблениями чести и достоинства, попранием прав и свобод женщины, насилием (в том числе и в семье). Это преступление подразумевает повторяющиеся, уголовно наказуемые действия мужчин в отношении женщин, которые состоят или состояли в близких отношениях с правонарушителями. В случае совершения мужчиной определенных преступных действий (нападение, противоправные угрозы или принуждение, сексуальное или иное домогательство, сексуальная эксплуатация и т. д.) в отношении женщины, с которой он состоит или состоял в браке или с которой он сожительствует или сожительствовал, он несет наказание за грубое нарушение неприкосновенности личности женщины, а не за каждое отдельное правонарушение. Наказание за этот новый вид правонарушения назначается, если указанные действия связаны с неоднократным нарушением неприкосновенности личности женщины и были совершены с намерением нанести серьезный ущерб ее чувству собственного достоинства. Благодаря введению в оборот определения этого нового преступления у судов появляется возможность назначать более тяжкие наказания за данные преступления в тех случаях, когда они являются элементами процесса, составляющего нарушение неприкосновенности личности, с чем часто связано насилие в семье. Таким образом, это также позволит учитывать в целом положение женщины, подвергшейся насилию. Наказание предусматривает лишение свободы на срок не менее 6 месяцев и не более шести лет.

Примечательно, что настоящий закон призван защищать не только неприкосновенность личности женщины, но и детей [1, с. 237].

Правовая защита женщин от насилия, в том числе сексуального

Определение изнасилования было расширено таким образом, чтобы с учетом характера правонарушения и других обстоятельств прочие случаи, связанные с совершением полового акта, можно было квалифицировать как половые сношения с применением насилия. Это означает, что некоторые действия, оцениваемые в соответствии с ранее действовавшим законодательством в качестве принуждения к вступлению в половую связь с применением грубой физической силы, теперь будут квалифицироваться как изнасилование.

Недонесение о случаях совершения тяжких половых преступлений (изнасилование, изнасилование при отягчающих обстоятельствах, а также сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего при отягчающих обстоятельствах или домогательство с применением угроз) и другие формы их сокрытия внесены в категорию уголовно наказуемых преступлений.

Для того чтобы подчеркнуть тяжкий характер подобных преступлений, понятие *циркумцизия* было заменено в законодательстве понятием *нанесение увечий половым органам* [2, с. 36]. По этой же причине из шкалы наказаний были исключены штрафы, а наказания в целом ужесточены. Максимальный

срок лишения свободы за обычную форму этого преступления был увеличен с двух лет до четырех. Минимальное наказание за его тяжкие формы изменено с одного на два года лишения свободы. Подготовка преступления, сговор с целью его совершения, а также недонесение о случаях нанесения увечий женским половым органам или их сокрытие также являются уголовно наказуемыми правонарушениями. Кроме того, уголовная ответственность распространена и на лица, нанесшие увечье женским половым органам на территории другой страны, даже если в той стране такая практика не запрещена.

В 2006 г. полиция Швеции приняла от женщин 25 500 заявлений о случаях насилия. Отмечается, что информацию о значительной части преступлений женщины предпочли не сообщать органам правопорядка. Как считают специалисты Совета по предотвращению преступности, шведской полиции известно только о 20—25 % от всех случаев насилия. Так, согласно результатам социологического исследования «Побитая дама», 46 % шведских женщин в той или иной форме насилию подвергались. Кроме этого, порядка 16 женщин ежегодно погибают от рук любимого мужчины.

Для помощи женщинам, подвергшимся насилию, в Швеции создана специальная структура (Дежурная служба помощи женщинам), отделения которой (160 филиалов) на добровольной основе работают по всей стране. На общегосударственном уровне территориальные отделения входят либо в объединение ROKS (Шведская организация дежурных служб помощи женщинам), либо в SKR (Союз дежурных служб помощи женщинам в Швеции). SKR был организован в ходе реструктуризации ROKS и занимается главным образом случаями, где затронуты интересы детей.

Защита прав женщин в области социального обеспечения

В законодательство в области социального обеспечения было внесено дополнительное положение, обязывающее соответствующие органы на местах оказывать помощь и поддержку женщинам, подвергающимся или подвергшимся насилию или другим видам жестокого обращения у себя дома. В положении ясно предусмотрена ответственность этих органов социального обеспечения [12, с. 167]. В соответствии с данным положением необходимо и далее расширять полномочия органов социального обеспечения в том, что касается консультирования женщин, подвергшихся насилию, а также поощрять их к оказанию таких услуг по первому требованию.

Право женщины на искусственное прерывание беременности

Искусственное прерывание беременности в Швеции разрешено с 1975 г. [4]. Решение об аборте шведская женщина имеет право принять самостоятельно до наступления 19-й недели беременности. При поздних сроках (от 19-й до 22-й недели) решение о прерывании беременности принимает Управление здравоохранения и социального обеспечения и только при наличии соответствующих показаний. Ежегодно в Швеции делают порядка 35 000 абортов.

Защита женщин, продающих сексуальные услуги

Услугами проституток шведам запретили пользоваться с января 1999 г. [10]. Это вызвало значительный интерес за рубежом и повлияло на законода-

тельство других стран, т. к. закон запрещает покупку сексуальных услуг и наказывает покупателя, а не продавца. За данное преступление назначается наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до шести месяцев. Попытка к совершению этого преступления также подлежит наказанию. Преступление включает использование всех видов сексуальных услуг независимо от того, приобретаются ли они на улице, в публичных домах, в так называемых массажных салонах и т. д. По мнению правительства, нецелесообразно наказывать лицо, занимающееся продажей сексуальных услуг. В большинстве случаев это лицо является более слабой стороной, подвергающейся эксплуатации тех, кто стремится лишь к удовлетворению своих сексуальных желаний. Правительство считает также, что важно побудить проституток обращаться за помощью в том случае, если они хотят изменить свой образ жизни. Они не должны подвергаться риску понести наказание за занятие проституцией.

С точки зрения правительства Швеции, запрет на покупку сексуальных услуг позволит более эффективно, чем до сих пор, бороться с проституцией и ее пагубными последствиями. Оно, однако, убеждено в том, что запрет лишь дополняет усилия, направленные на сокращение масштабов проституции, и он не может подменить более действенные меры со стороны общества. Запрет на покупку сексуальных услуг вступил в силу 1 января 1999 г.

По данным, приведенным в обзоре Национального совета по здравоохранению и социальному обеспечению, с вступлением в силу нового запрета сократились масштабы уличной проституции, но одновременно выросли масштабы скрытой проституции [5, s. 185].

В Уголовный кодекс были внесены нейтральные в гендерном отношении формулировки. Были ужесточены нормы, связанные с сексуальным домогательством, предусмотренные в Законе о равных возможностях. В июне 1998 г. был учрежден Парламентский юридический комитет по сексуальным преступлениям [8, s. 97], который должен пересмотреть положения Уголовного кодекса, касающиеся сексуальных преступлений, и решить вопрос о необходимости ужесточения законодательства в ряде аспектов.

Запрет любой дискриминации

Основная цель Закона о запрете дискриминации сформулирована в его 1-м параграфе [11]. Данный закон предназначен для борьбы с дискриминацией и обеспечения равных прав и возможностей вне зависимости от пола, гендерной идентичности, этнической принадлежности, религиозных или иных убеждений, инвалидности, сексуальной ориентации или возраста.

Общепринятой является следующая классификация видов дискриминации:

— прямая дискриминация (с кем-либо обращаются хуже, чем с другим, и дискриминация связана с полом, гендерной идентичностью, этнической принадлежностью, религиозными или иными убеждениями, инвалидностью, сексуальной ориентацией или возрастом);

— косвенная дискриминация (человека дискриминируют, используя положение или признак, которые представляются нейтральными, но которые на самом деле могут ставить в невыгодное положение человека определенного пола, гендерной идентичности, этнической принадлежности, опре-

деленных религиозных или иных убеждений, инвалидности, сексуальной ориентации или возраста).

В обычном смысле дискриминация означает различие. Однако в юридическом смысле дискриминация связана с унижительным обращением с человеком по запрещенной причине. В этом смысле дискриминация не является лишь вопросом различия. Не все различия запрещены, и не все различия носят дискриминационный характер. Разное отношение к людям может проявляться в разрешенной манере.

Дискриминация — это не только вопрос неравного отношения, т. к. дифференцированное отношение может быть оправданным и не носить дискриминационного характера. Даже если можно применить санкции, не обязательно при этом привлекать законы о дискриминации. Для того чтобы были основания считать, что имеет место дискриминация, необходимо учитывать несколько условий. Различие в отношении не является дискриминацией, если только оно не запрещено законом. Дискриминация происходит, когда унижительное дифференцированное отношение неоправданно и когда оно основано на критерии, применение которого для проведения юридических различий запрещено.

Дискриминация — это нарушение принципа равенства по запрещенному признаку. Поэтому понятие дискриминации тесно связано с понятием равенства и зависит от него. В законодательстве о трудоустройстве зафиксировано два вида равенства:

— абстрактное равенство, подразумевающее, что правило должно применяться одинаково ко всем лицам, к которым оно относится, как в случае равенства перед законом. Эта концепция равенства является одним из основополагающих элементов принципа верховенства права. Согласно ей запрещается дискриминация, связанная с применением разных норм, или различное применение одной и той же нормы по отношению к лицам, находящимся в одинаковом положении. Эта концепция остается действующей, но она оказалась недостаточной для рассмотрения всех видов дискриминации;

— конкретное равенство, подразумевающее, что, когда норма применяется к разным лицам, следует учитывать конкретные обстоятельства каждого человека. Оказывается, что во многих ситуациях возможна дискриминация, когда норма применяется одинаково по отношению к лицам, находящимся в разных положениях. Когда не учитываются различия, это также может составлять определенную форму дискриминации.

Понятие дискриминации происходит из теоретической концепции равенства и практически применяется, чтобы адекватно реагировать на вопросы, возникающие в ходе судебного разбирательства или коллективных переговоров.

Харассмент также является формой дискриминации. Он возникает в связи с различными видами дискриминации (по признаку пола, расовой принадлежности, физических недостатков и т. п.) и понимается, в широком смысле слова, не только как преднамеренное оскорбительное поведение, но и как поведение, приводящее к таким же результатам, даже если намерения были другими. Такой харассмент может быть иерархическим (вертикальным), между коллегами (горизонтальным) или связанным с общей обстановкой в рабочем коллективе.

Шведское законодательство по защите прав женщин как пример для остального мира

При изучении основных шведских законов, регламентирующих гендерные взаимоотношения, нельзя не отметить, что общая цель шведского правительства в отношении равенства полов остается неизменной: мужчины и женщины должны обладать равными правами, обязанностями и возможностями во всех областях жизни. Шведское правительство планирует и в дальнейшем осуществлять строгий гендерный анализ новых законопроектов, а также стремиться повышать уровень гендерного равноправия.

Швеция занимает одно из лидирующих мест в мире по участию женщин в экономике, политике и производственной жизни. Равноправие женщин обеспечивается не только законодательными актами, но и развитой системой социальной поддержки семьи и материнства. Анализ шведского законодательства по защите прав женщин показывает, что шведское равноправие полов является примером для всего мира.

Однако на практике дело обстоит немного иначе. Швеция, находясь в фарватере американской политики, порой готова защищать права женщин столь рьяно, что это граничит с нелогичностью.

Обвинение Джулиана Ассанджа

Ярким примером может служить дело основателя «Викиликс» Джулиана Ассанджа. Шведская прокуратура выдала ордер на его арест по обвинению в изнасиловании одной шведской гражданки и сексуальных домогательствах к другой. Общественность вполне закономерно возмутилась таким аморальным и недостойным поведением журналиста. Но вскоре стали известны подробности обвинения: Ассандж вступил в повторный половой контакт с «мисс А» без контрацептивных средств, пока она засыпала, и несколькими днями позже совершил половой акт с «мисс В» с порванным презервативом. Обе женщины признали, что секс начинался как добровольный.

По представлениям российского обывателя подобные действия нельзя рассматривать как сексуальные преступления, но согласно шведским законам изнасилованием считается не только прямое насилие, но и секс без использования презерватива в случае несогласия на него одного из сексуальных партнеров.

Дело, которое сначала посчитали незначительным и даже закрыли, возобновили вновь, и вот оно уже тянется около полугода начиная с 20 августа 2010-го, когда пострадавшие подали заявления.

Существует несколько точек зрения на это дело. Самая распространенная из них заключается в том, что дело Ассанджа было сфабриковано заинтересованными лицами, и в первую очередь — властями США, в наибольшей степени подвергшимися разоблачительной критике на страницах «Викиликс». Поскольку действия Ассанджа-«разоблачителя» не являются преступными, его попытались «подвести под другую статью», и тут Швеция оказалась подходящей сценой. Борьба за права женщин в королевстве очень активна, и порой это государство именуют страной победившего феминизма. Основная цель дела Ассанджа — его экстрадиция из Великобритании, где он ныне находится под

домашним арестом, в Швецию с последующей экстрадицией в США, где ему грозит обвинение в шпионаже.

Ричард Пендлберри из «Daily Mail» заявляет, что «австралийский правдолюб стал жертвой очернительной кампании американского правительства» [14]. Да и сам Ассандж в интервью газете «El País» утверждает, что «это последняя акция кампании по дискредитации», объектом которой он является [7]. По образному выражению шведского журналиста Петера Ларсона из «Aftonbladet», чем ярче прожекторы СМИ освещают личные дела Ассанджа, тем дальше в тень уходят раскрытые им военные преступления [13].

Однако председатель Союза за правовую безопасность Йохан Биннинг считает, что за делом Ассанджа стоят не США, «а шведский прокурор Марианна Нью, которая хочет с помощью этой фигуры привлечь внимание к себе». Кроме того, отмечает эксперт, это дело становится частью кампании шведских феминисток: «В нашей стране по делам о преступлениях на сексуальной почве зачастую обвинительные вердикты выносятся при отсутствии убедительных доказательств, а показания женщин интерпретируются так, что все выглядит как изнасилование». В Швеции для обращения в полицию достаточно уже того, пишет он, что дамы, с которыми у Ассанджа в августе был секс, могли во время полового акта или после него «почувствовать себя использованными» [6].

Со своей стороны, Ассандж сказал в интервью газете «The Times», что «есть весьма красноречивые доказательства» того, что две женщины, подавшие на него заявление, сделали это по нескольким причинам сразу: из желания мести, ради денег и под давлением полиции [3].

Таким образом, дело Ассанджа иллюстрирует тот факт, что шведское законодательство в отношении защиты прав женщин иногда можно использовать для целей, не отвечающих заявленным высокоморальным установкам. Идея борьбы за гендерное равенство становится прикрытием истинных мотивов, используется для достижения совсем иных целей.

Мысль о том, что не только сами шведские законодательные акты, но и методы их воплощения в жизнь могут и должны стать образцом при формировании и развитии современного российского демократического общества, безусловно, верна, но при этом очень важно учитывать российский менталитет и многие наши исторически сложившиеся особенности, а не просто копировать опыт соседей.

Библиографический список

1. Воронина О. А. Швеция: V периодический доклад о выполнении КЛДОЖ (2006) : реф. излож. // Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : Макс Пресс, 2008. С. 233—239.
2. Гендер для «чайников». М. : Звенья, 2006. 260 с.
3. Мострус А. Основатель WikiLeaks ожидает, что власть народа придет ему на выручку // The Times. 2010. Dec., 21. URL: <http://www.inopressa.ru/article/21Dec2010/times/assange1.html> (дата обращения: 16.02.2011).
4. Abortlag. URL: <https://lagen.nu/1974:595> (дата обращения: 20.01.2011).
5. Björnstedt K. Den paradoxala jämställdheten : en diskursanalys av talet om jämställdhet i socialt arbete. Faun Förlag, 2008. 232 s.

6. *Bomsdorf C., Jung E.* Vergewaltigung auf Schwedisch — Der Fall Assange // Die Welt. 2010. 8. Dez. URL: <http://www.welt.de/politik/ausland/article11454349/Vergewaltigung-auf-Swedisch-Der-Fall-Assange.html> (дата обращения: 16.02.2011).
7. *Elola J.* Me han colocado en la cárcel junto a los pederastas // El Pais. 2010. 19 dic. URL: http://www.elpais.com/articulo/internacional/han/colocado/carcel/junto/pederastas/elpeuint/20101219elpeuint_32/Tes (дата обращения: 16.02.2011).
8. *Elvin-Novak Y., Thomsson H.* Att göra kön — om vårt våldsamma behov av att vara kvinnor och män. Optimal Förlag, 2007. 302 s.
9. Jämställdhetslag. URL: <https://lagen.nu/1991:433> (дата обращения: 21.01.2011).
10. Lag om förbud mot köp av sexuella tjänster. URL: <https://lagen.nu/1998:408> (дата обращения: 21.01.2011).
11. Lag om Diskrimineringsombudsmannen. URL: <https://lagen.nu/2008:568> (дата обращения: 21.01.2011).
12. *Larsson A., Jalakas A.* Jämställdhet nästa!: samhällsplanering ur ett genusperspektiv. SNS Förlag, 2008. 276 s.
13. *Larsson P.* Bilden av en rättslös lydstat tillägnas fansen // Aftonbladet. 2011. 9 febr. URL: <http://www.aftonbladet.se/kultur/article8539404.ab> (дата обращения: 16.02.2011).
14. *Pendlebury R.* The Wikileaks Sex Files: How Two One-Night Stands Sparked a World-wide Hunt for Julian Assange // Daily Mail. 2010. Dec., 7. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1336291/Wikileaks-Julian-Assanges-2-night-stands-spark-worldwide-hunt.html#ixzz1EFNQw3R9> (дата обращения: 16.02.2011).

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ББК 74.200.56. + 60.542.21

Л. В. Штылева

ГЕНДЕРНЫЙ И КВАЗИГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ПЕДАГОГИКЕ

Освоение методологии гендерного подхода в педагогике, экспериментальная работа в образовательных учреждениях и внедрение гендерных исследований в содержание непрерывного педагогического образования начались во второй половине 1990-х гг. практически одновременно и были неразрывно связаны между собой, а также с общей тенденцией развития отечественных гендерных исследований в общественных и гуманитарных науках.

Степень освоения новой теории в науке оценивается по количеству и содержанию научных публикаций, докладов, защите диссертационных исследований и др. Отражение подходов к «вопросу пола в образовании» в педагогической периодике уже охарактеризовано нами в нескольких статьях и докладах [9,10]. Цель данной статьи — охарактеризовать состояние институционализации гендерного подхода в педагогике на примере диссертационных исследований 1990—2000 гг.

Гендерная проблематика, по данным экспертов О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой, появилась в тематике диссертационных исследований в середине 1990-х [8]. В статьях, посвященных анализу укоренения гендерных исследований в общественных и гуманитарных науках, указывается, что начиная с середины 1990-х нарастает число кандидатских и докторских диссертаций по гендерной проблематике, но сведения о их количестве рознятся. По данным С. Л. Рыкова и В. И. Вдовюка, к концу 2001 г. общее количество кандидатских и докторских диссертаций превышало уже 80 (из них 7 — докторских) [7, с. 18]. К 2008 г. в списке авторефератов, собранных в Московском центре гендерных исследований — одной из ведущих российских организаций по вопросам разработки гендерной теории, значилось 96 диссертаций, в том числе 19 — докторских. Среди них одна докторская диссертация по педагогике С. Л. Рыкова «Совершенствование профессионального воспитания военнослужащих-женщин вооруженных сил РФ» (2003) и три кандидатские диссертации по психологии, затрагивающие педагогические аспекты*.

© Штылева Л. В., 2011

* Семенова Л. Э. Полоролевые отношения, самооценка, притязания в личностном становлении детей старшего дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 1999 ; Терешенкова Е. Ю. Социокультурные аспекты развития ген-

Несомненно, это далеко не исчерпывающий список. По нашим данным, в нем не отражены сведения о некоторых содержательных диссертациях по социологии образования, например исследованиям Л. Г. Шалаевой (Саратов, 2003), А. В. Смирновой (Иваново, 2005), и гендерному подходу к обучению школьников, гендерному подходу в педагогике. Первая диссертация по педагогике, в названии которой использовалась дефиниция «гендерный», была защищена в 2001 г. [2]. Тем не менее список МЦГИ достаточно показателен в части отражения доли и места педагогической проблематики в общей картине гендерных исследований в России. Анализ данных электронных каталогов Российской государственной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского и Российской государственной библиотеки (Москва) подтвердил наше предположение. В электронном каталоге РГБ (данные на 01.03.2009 г.) обнаружено 455 авторефератов по общественным и гуманитарным наукам, в названии которых упоминается дефиниция «гендер». Наибольшее количество диссертаций представлено в области филологии, социологии и психологии. Непосредственно по школьной педагогике — 25, т. е. 5,49 % (из них 3 докторские). По полоролевому подходу и половому воспитанию школьников в каталоге обнаружено 10 диссертаций (из них одна докторская) Из этого следует, что гендерная тематика в педагогических исследованиях отражалась в данный период менее активно, чем в других общественных и гуманитарных науках.

Наиболее распространенным приемом, указывающим на использование гендерной методологии в диссертационном исследовании по педагогике, является формулировка «гендерный подход в...», но чаще всего он рассматривается применительно к локальным педагогическим аспектам. Поэтому остановимся на двух диссертациях, которые, судя по названиям, претендовали на концептуализацию гендерного подхода в педагогике и образовании: исследованиях О. А. Константиновой по гендерному подходу к обучению школьников [5] и Е. Н. Каменской по гендерному подходу в педагогике [3]. Чтобы понять, в какой мере реализованы заявленные планы, необходимо убедиться в релевантности используемой методологии. Уже известно, что наибольшие проблемы у представителей педагогической науки связаны с квазигендерным подходом, эссенциалистской подменой гендера полом [9, с. 70—71].

О. А. Константинова в общей характеристике диссертации «Гендерный подход к обучению школьников» в качестве персоналий педагогической науки, которые «все активнее начинают обращаться к проблемам научного обоснования гендерного обучения и воспитания» и основных методологов гендерного подхода указывает на В. Д. Еремееву, Н. В. Ерофееву, О. И. Крушельницкую, Н. Н. Куинджи, Т. П. Хризман, биодетерминистская направленность методологических установок которых не вызывает сомнений (см.: [10, с. 165—166; 6]). Трудно назвать релевантными теме диссертации и методологии *гендерного подхода* следующие положения, выносимые на защиту:

дерной идентичности в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005 ; *Тупицына И. А.* Особенности гендерной идентичности старшеклассников в зависимости от опыта взаимоотношений со сверстниками и сверстницами : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.

«2. Гендерные различия в обучении учащихся обусловлены действием ряда факторов: а) *биологического*, затрагивающего *физиологию* (курсив мой. — Л. Ш.) и оказывающего влияние на проявления гендерных дифференцировок в речи; б) *нейропсихологического*, влияющего на формирование речи, детерминированного типом функциональной межполушарной асимметрии мозга, существенно отличающего мальчиков и девочек; в) психологического, направленного на становление психологического пола, основанного на половом самосознании и ценностных ориентациях полоролевой позиции личности, реализуемого ею в общении и деятельности и т. д. <...>

3. Реализация *гендерного подхода к обучению школьников* (курсив мой. — Л. Ш.) предусматривает: 1) учет учителем в учебном процессе специфики функциональной асимметрии полушарий мозга мальчиков и девочек; 2) определение стиля учебной деятельности каждого ученика в классе; 3) выявление стиля преподавания учителя (мужской, женский, нейтральный) и его соответствия особенностям функциональной межполушарной асимметрии мозга учащихся... 5) использование различных методов и приемов обучения, наиболее соответствующих гендерным особенностям учащихся» [5, с. 8].

Вызывает недоумение, каким образом автор анализировала «философские, лингвистические, психологические, социологические взгляды на проблему “гендера”», о чем упоминается во вступительной части автореферата, чтобы прийти к выводу, что «реальные различия между мальчиками (юношами) и девочками (девушками) на *биологическом, физиологическом, психологическом, социальном* и других... уровнях обуславливают необходимость гендерного подхода к обучению школьников» [5, с. 11]. Очевидно, что мы имеем дело с классическим примером *квазигендерного* подхода, ошибочным пониманием сущности дефиниций «гендер» и «гендерные различия», в результате чего термин «гендер», в интерпретации автора, стал играть роль, в значительной степени противоречащую изначальной идее. Вместо того чтобы выявлять социальную природу некоторых межполовых различий (в данном случае — в учебно-воспитательном процессе), термин маскирует ее, что свидетельствует, на наш взгляд, об имитации использования гендерной методологии.

Предположительно, речь могла бы идти о создании особо благоприятной среды для мыслительной деятельности учащихся на уроке на основе учета педагогом индивидуальных типов нейропсихологии мозга каждого ученика (что весьма проблематично при существующей классно-урочной системе и нормативной численности учащихся в классе не менее 25 человек), но никакого отношения к гендеру и гендерному подходу в обучении это не имеет. Определение гендерного подхода в обучении, сформулированное автором, на наш взгляд, не только противоречиво, но лишено всякого смысла и никакого полезного вклада в формирование теории гендерного подхода в образовании не вносит. Таким образом, обещанная концептуализация *гендерного подхода в обучении школьников* в работе О. А. Константиновой, на наш взгляд, не состоялась.

Е. Н. Каменская цель своей диссертации видит в разработке *педагогической теории гендерного подхода* [3]. Автореферат изобилует перечислением теорий и концепций разного рода, которые, по утверждению автора, составили «методологическую основу исследования». Несомненно, гендерные исследова-

ния — область междисциплинарная. Чтобы интерпретировать гендерный подход применительно к педагогике и образованию, необходимо в равной степени хорошо владеть и социологически детерминированной теорией гендера, и педагогической теорией. Необходимо также четко представлять специфику объектов и предметов исследований в педагогической науке и практике образования. Как известно, они различаются [1, с. 21—24]. Бесспорным достоинством диссертации Е. Н. Каменской является желание автора «вписать гендер в педагогику», понимание уникальной значимости гендерных аспектов образования для самоактуализации и развития личности ребенка, стремление соответствовать социально-конструктивистской парадигме гендера. В диссертации также предпринята попытка представить панорамный обзор сведений об исследованиях и теориях пола разных эпох и разных научных школ. Три главы диссертации посвящены репродукции более или менее известных теорий и фактов о разного рода различиях между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами. В этом диссертация, на наш взгляд, соответствует подходу «все обо всем», который типичен для первопроходцев в любой теме, где еще, по их мнению, мало сделано. При знакомстве с работой возникают две группы вопросов: первая связана с качеством методологического аппарата диссертации в принципе, вторая — с интерпретацией гендера и гендерного подхода как методологического фундамента диссертационного исследования.

На наш взгляд, в методологическом аппарате диссертации имеются содержательные и терминологические погрешности, которые затрудняют восприятие работы и ставят под сомнение ее результаты. Если в качестве объекта исследования означена «теория гендерного подхода в педагогике», закономерен вопрос: «Такая теория уже существует?» А если она существует, тогда непонятно, почему цель диссертации — ее разработка? В предмете исследования помимо «гендерного подхода» фигурирует еще одна неизвестная категория — «гендерное воспитание», которая не является легитимной, никоим образом не представлена в аппарате исследования.

Небрежное, на наш взгляд, отношение к ключевому понятию «подход» создает проблемы в работе с диссертацией в целом, но в методологической части особенно. В гипотезе исследования предполагается, что «разработка педагогической теории гендерного подхода возможна, если в процессе исследования... будут обоснованы основные понятия, принципы, методы, закономерности гендерного подхода как одного из методологических принципов современной педагогики...» [3, с. 7]. «Подход» в науке, как известно, — это определенный угол зрения, методологический ориентир последовательной реализации какой-либо научной парадигмы.

Мы согласны с Каменской, что «гендерный подход» можно обосновать как методологический принцип в педагогике. Это означает критическое переосмысление традиционных интерпретаций целей и задач образования в свете полоспецифической социализации мальчиков и девочек; интерпретации различий между ними, наблюдаемых учителем в учебно-воспитательном процессе, и т. д. Но в таком случае невозможно рассуждать о «методах, закономерностях и принципах» *принципа*, обосновывать их. Далее в гипотезе предполагается, что «если разработанную педагогическую теорию гендерного подхода с соблюде-

нием условий ее реализации (совместное обучение и воспитание мальчиков и девочек; развитие гендерного самосознания воспитанников; отношение к ребенку как субъекту жизни, способному к культурному гендерному самоизменению...) внедрить в практику образования, то это значительно повысит эффективность нравственного воспитания и создаст условия для полноценного развития и саморазвития учащихся» [там же]. Если в этом нагромождении слов вместо «гендерного» подставить «полоролевой», то ничего не изменится. Из данного фрагмента гипотезы вообще трудно понять, что, наконец, будет внедряться в практику образования: теория гендерного подхода или гендерный подход? На наш взгляд, доминирует малопродуктивный для науки принцип: добавить к «гендеру» педагогику и размешать.

Но что подразумевается под *гендером*, какой методологией пользуется сам автор диссертации? Начиная с определения гендера [3, с. 3], и далее на протяжении всего текста мы встречаемся с тенденцией к симбиозу «пола» и «гендера», с определением гендерных различий через психофизиологические различия между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами. Показательными, на наш взгляд, для понимания позиции автора в области гендерной методологии являются следующие умозаключения: а) «Понятие “система” точно отражает сущность термина “гендер”, т. к. именно в системной связи находятся в гендере биологические и социальные компоненты: они *неразрывны, неделимы, устойчивы* (курсив мой. — *Л. Ш.*), т. е. гендер — система социокультурных половых отношений, возникающих у мужчин и женщин в результате их общения между собой и с внешним миром...»; б) «...фундаментальные исследования отечественных ученых... посвященные изучению половых характеристик как первичных свойств человека, что также является одним из оснований гендерного подхода в педагогике...»; в) «На формирование гендерной идентичности человека оказывают влияние три группы факторов: 1. Пренатальные факторы, обусловленные наследственностью и общим ходом развития плода. 2. Факторы младенчества и детства. 3. Факторы пубертатного периода» [3, с. 13—16] и т. п.

В конечном итоге методологическая невнятность, перегруженность квазигендерной терминологией под видом «языка гендерного подхода в педагогике» и определения типа: «Гендерный подход в педагогике — это методологическая ориентация в педагогической деятельности, позволяющая посредством опоры на систему взаимосвязанных понятий, идей и способов действий (каких? — *Л. Ш.*) обеспечить и поддерживать процессы гендерного самопознания, самостроительства и самореализации личности ребенка, развития его неповторимой индивидуальности. ... [Он] характеризуется ориентацией на смягчение различий между полами... (переход от взаимодополняемости к взаимозаменяемости. — *Л. Ш.*)» — мало что проясняют, а вернее, затрудняют понимание вопросов: на что нацелен гендерный подход в педагогике и образовании?; в чем он выражается и в чем его целесообразность? Наряду с вполне релевантными интерпретациями направленности гендерного подхода в образовании на «поощрение видов деятельности, соответствующих интересам личности... на преодоление традиционных патриархатных моделей устройства общества» среди «наиболее адекватных данной ориентации способов педагогической деятельности» (видимо, форм и методов

реализации) указывается «гендерная игра — форма воссоздания предметного и социального содержания деятельности в соответствии с полом, направленная на формирование адекватной (чему или кому? — Л. Ш.) гендерной идентичности» [3, с. 51]. К «гендерным особенностям обучающихся» вновь отнесены «психофизиологические особенности восприятия, памяти, внимания, разные стратегии мышления, различия в речевых, эмоциональных характеристиках и др.» [3, с. 56]. Под видом «гендерных педагогических мифологем» представлена общеметодологическая классификация гендерных стереотипов, неоднократно описанная еще в середине 1990-х в работах известного психолога И. С. Клециной [3, с. 57]. Иными словами, обещанная автором «концептуализация гендерного подхода в педагогике», на наш взгляд, осталась в зачаточном состоянии и нуждается в тщательной теоретической доработке.

Приведенные примеры подтверждают заключение исследовательницы философских оснований гендера в педагогических диссертациях доктора философских наук О. И. Ключко о том, что наряду с желанием овладеть новыми подходами «обнаруживается тенденция упрощенного и формального заимствования гендерных концептов, а также использования устаревших теорий» [4, с. 35].

В то же время нам известны содержательные и методологически безупречные диссертационные исследования гендерных аспектов школьного образования и учебно-воспитательной среды, выполненные в рамках других научных дисциплин (например, социологии, культурологи). В качестве положительного примера диссертаций, продуктивных для развития теории гендерного подхода в образовании, можно привести исследования Л. Г. Шалаевой «Гендерная социализация в образовании» (Саратов, 2003) и А. В. Смирновой «Гендерная социализация в общеобразовательной школе» (Иваново ; Н. Новгород, 2005), магистерские диссертации по гендерным исследованиям выпускников факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2005) М. Потаповой «Раздельное обучение мальчиков и девочек в советской школе (1943—1954 гг.)» и О. Паченкова «Формирование гендерной идентичности у ребенка: случай Ани».

Подводя итоги, подчеркнем, что проблемы концептуализации гендерного подхода в педагогике отражают трудности становления новой научной парадигмы пола в общественных и гуманитарных науках, которые, в свою очередь, связаны с сильными традициями биодетерминизма в отечественной социологии, психологии и философии. В условиях методологического плюрализма рубежа XX—XXI вв., выбирая между традиционными и новыми интерпретациями «вопроса пола», педагогика пока еще слабо отражает новые подходы.

На наш взгляд, для завершения интеграции гендерного подхода в педагогику необходимо преодолеть негативные факторы институционального и организационно-методического характера.

К институциональным факторам относятся: 1) маргинальное положение и одновременно избыточная политизация темы пола в российской педагогике; 2) отсутствие поддержки гендерных исследований в педагогике со стороны РАО, научных фондов и ведущих научно-педагогических журналов; 3) отсутствие уполномоченных научно-методических центров по гендерным исследованиям в

школьной педагогике на базе отраслевых НИИ и ведущих педагогических университетов; 4) периферийный статус педагогической тематики в ведущих центрах гендерных исследований (МЦГИ, ТЦГИ, РЦГИ, СЦГИ, ИвЦГИ и др.).

К *организационно-методическим факторам* можно отнести: 1) малочисленность и невысокий статус группы ученых, занимающихся разработкой гендерного подхода в педагогике «снизу»; 2) методологические трудности освоения гендерной теории и разработки понятийно-терминологического аппарата; 3) формирование учеными контекста включения гендерного подхода в педагогику из традиционно биодетерминированных секторов науки: медицины, психофизиологии, психологии и других, в то время как на Западе ведущую роль играют феминистски ориентированные социологи и антропологи; 4) низкий уровень разделения труда в научном сообществе разработчиков (исследователи, учителя, администраторы, эксперты); 5) недостаточность ресурсов для исследований и публикаций, организации семинаров, летних школ и конференций по гендерному подходу в педагогике и образовании.

Отвечая сомневающимся в целесообразности и необходимости интеграции гендерного подхода в педагогику, мы утверждаем: недостаток в педагогике рубежа веков глубокой научной рефлексии существенных различий между эссенциалистским и гендерным подходами к «вопросу пола», уже осмысленных в современных общественных науках, обуславливает функционирование в школьной практике биодетерминированного полоролевого подхода, который противоречит магистральной установке на индивидуализацию образования, препятствует максимальному раскрытию потенциала каждого ученика независимо от пола.

Библиографический список

1. Вульфова Б. З., Иванов В. Д. Основы педагогики в лекциях, ситуациях, первоисточниках : учеб. пособие. М. : УРАО, 1997. 288 с.
2. Ерофеева Н. Ю. Гендерный аспект управления в образовании : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Великий Новгород, 2001. 40 с.
3. Каменская Е. Н. Гендерный подход в педагогике : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 2006. 61 с.
4. Ключко О. И. Интегративная теория гендерного подхода в социальном познании : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2009. 35 с.
5. Константинова О. А. Гендерный подход к обучению школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2005. 22 с.
6. Куинджи Н. Н., Лапонова Е. Д. Здоровьесберегающие возможности гендерных педагогических технологий на примере раздельного обучения девочек // Образование и здоровое развитие учащихся : материалы Всерос. форума с междунар. участием : в 3 ч. М. : Ключ-С, 2005. Ч. 3. С. 77—80.
7. Рыков С. Л. Гендерные исследования в педагогике // Педагогика. 2001. № 7. С. 17—22.
8. Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Гендерное образование в Ивановском государственном университете: этапы становления, перспективы развития // Гендерное образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 24—25 июня 2003 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 242—245.

9. *Штылева Л. В.* Гендер и педагогика: проблемы согласования языка // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 66—75.
10. *Штылева Л. В.* Какие идеи лежат в основе экспериментов с раздельным образованием в современной российской школе? // Мир образования — образование в мире. 2009. № 3. С. 86—97.

ББК 60.56+74.58

С. Н. Макарова

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Где необходимость, там и возможность.

Пифагор

В нашем обыденном представлении современный менеджер — это, как правило, мужчина. В офисах многочисленных фирм, а тем более крупных предприятий нас встречают менеджеры-мужчины.

В Правительстве России, в администрациях регионов они пусть и яркие, но все-таки исключения из общей массы министров и руководителей. Каждое новое появление женщины на уровне высшего руководства представляется чуть ли не как сенсация. При этом сама личность женщины вызывает повышенное внимание и воспринимается более критично, чем любой мужчина.

Но зайдём в студенческие аудитории, где готовятся будущие менеджеры, — и картина совсем другая. Студенток-девушек, поступающих на экономические и управленческие специальности, больше. Причины такой ситуации понятны: девушки в учебе усерднее, лучше учатся, им больше помогают родители и, как следствие, их значительно больше на престижных управленческих специальностях. Но ждет ли их управленческое будущее? И чем вузы могут им в этом помочь?

Уровень конкурентоспособности личности, а также степень развития некоторых ее показателей различаются у мужчин и женщин и имеют гендерные особенности. Женщины должны быть на порядок сильнее мужчин, чтобы успешно конкурировать с ними на рынке управленческого труда. Во многом карьерный рост зависит от усилий самих женщин, а осознанное формирование личной конкурентоспособности начинается именно со студенческой скамьи.

© Макарова С. Н., 2011

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ 11-16-58001a/B, тема «Педагогика подготовки женской части студенчества к активному продвижению женщин в бизнесе и структурах управленческой деятельности».

Сложившаяся ситуация на рынке труда, где женщины и мужчины занимают неравные позиции, является следствием развития гендерных различий, в том числе и в период вузовского обучения [3].

Роль профессионального образования как специфического института гендерной социализации молодежи и социальной технологии управления жизненными стратегиями мужчин и женщин ярко проявилась еще в XIX в., когда вопрос пола обернулся женским вопросом и стали широко обсуждаться идеи модернизации женского образования, обоснованные в трудах Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Н. Г. Дебольского, П. Ф. Каптерева (см.: [7, с. 93]).

Для уравнивания шансов на профессиональную реализацию, на победу личности в конкурентной борьбе вне зависимости от пола необходим учет гендерных особенностей развития студентов в процессе учебно-воспитательной деятельности в вузе. Для того чтобы превратить профессиональную ориентацию и профобучение в действенное средство формирования личности и развития человеческих ресурсов в зависимости от их половозрастных и иных особенностей, требуются новые идеи и технологии. Необходима новая гендерная идеология, а главное — соответствующие методы и механизмы ее реализации, в том числе и в сфере высшего образования. Между тем формирование индивидуальной профессиональной карьеры выпускников вузов с учетом гендерного подхода требует специальных знаний [5, с. 354].

Все вышеизложенное обуславливает необходимость разработки эффективной системы профессиональной подготовки выпускников высших учебных заведений с учетом их гендерных особенностей на основе научно-методических подходов, обеспечивающих ускорение процесса адаптации выпускниц к условиям социально-экономической среды и социальную защищенность молодых специалисток на рынке труда, а также стимулирование и поддержание их усилий, направленных на максимальное использование личностных возможностей.

В настоящее время на экономических и управленческих специальностях вузов обучаются в большинстве своем девушки (70—80 %), тогда как производственные предприятия сохраняют осторожное отношение к женскому менеджменту, предпочитая сильное мужское руководство. Для развития личности студенток данных специальностей особенно актуальным становится целенаправленное воздействие на такие качества, как независимость, лидерство и способность к саморазвитию [1, с. 158]. Осознание этого приводит вузы к необходимости разрабатывать специальные программы обучения девушек — будущих руководителей. Научить студенток практическим навыкам управленческой деятельности в рамках аудиторных занятий даже с помощью самых современных методических приемов очень сложно.

Традиционно считалось, что навыки практической деятельности приобретаются во время производственной практики, курсового и дипломного проектирования на предприятиях и в организациях. Сегодня можно утверждать, что это все полезно, но недостаточно, потому что чрезвычайно изменились и усложнились реальные условия практической деятельности выпускниц вуза, изменился и сам рынок труда. Усиливается дискриминация выпускниц вузов, которых не берут на работу. Им часто предъявляются требования, связанные не

с профессиональными качествами — знаниями и умениями, а с чисто внешними характеристиками, причем об этом открыто пишется в рекламных объявлениях. Им ставятся условия, ограничивающие их права: не выходить замуж и не рожать детей в течение определенного времени. Все это приводит к тому, что женщины часто вынуждены занимать рабочие места, не соответствующие их образованию, довольствоваться более низкой заработной платой, как правило, без перспектив дальнейшего ее роста.

Вместе с тем с точки зрения теории и практики управления современное общество не может пренебрегать теми возможностями, которые дает ему хорошо организованный квалифицированный труд руководителей-женщин. Поэтому необходимо создавать многоуровневую систему подготовки управленческих кадров, которая представляла бы собой целостную совокупность путей, средств, способов и форм приобретения, углубления и расширения профессиональной компетентности, обогащения общей культуры будущих управленцев в сети государственных, коммерческих образовательных учреждений и в процессе самообразования.

В этой связи интересен опыт Института экономики и менеджмента Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. Здесь обучают по специальностям «Менеджмент организации», «Маркетинг», «Экономика и управление в строительстве», «Экономика и управление на транспорте». При этом на специальности «Менеджмент организации» обучаются 72 % девушек, «Маркетинг» — 83 % девушек, «Экономика и управление в строительстве» — 82 % девушек, «Экономика и управление на транспорте» — 77 % девушек. Такая ситуация вполне типична для этих специальностей. Поэтому под руководством заслуженного деятеля науки, доктора экономических наук, профессора С. Д. Резника разработана и внедрена «Комплексная система профессиональной подготовки студенток управленческих и экономических специальностей к трудовой деятельности» (рисунок).

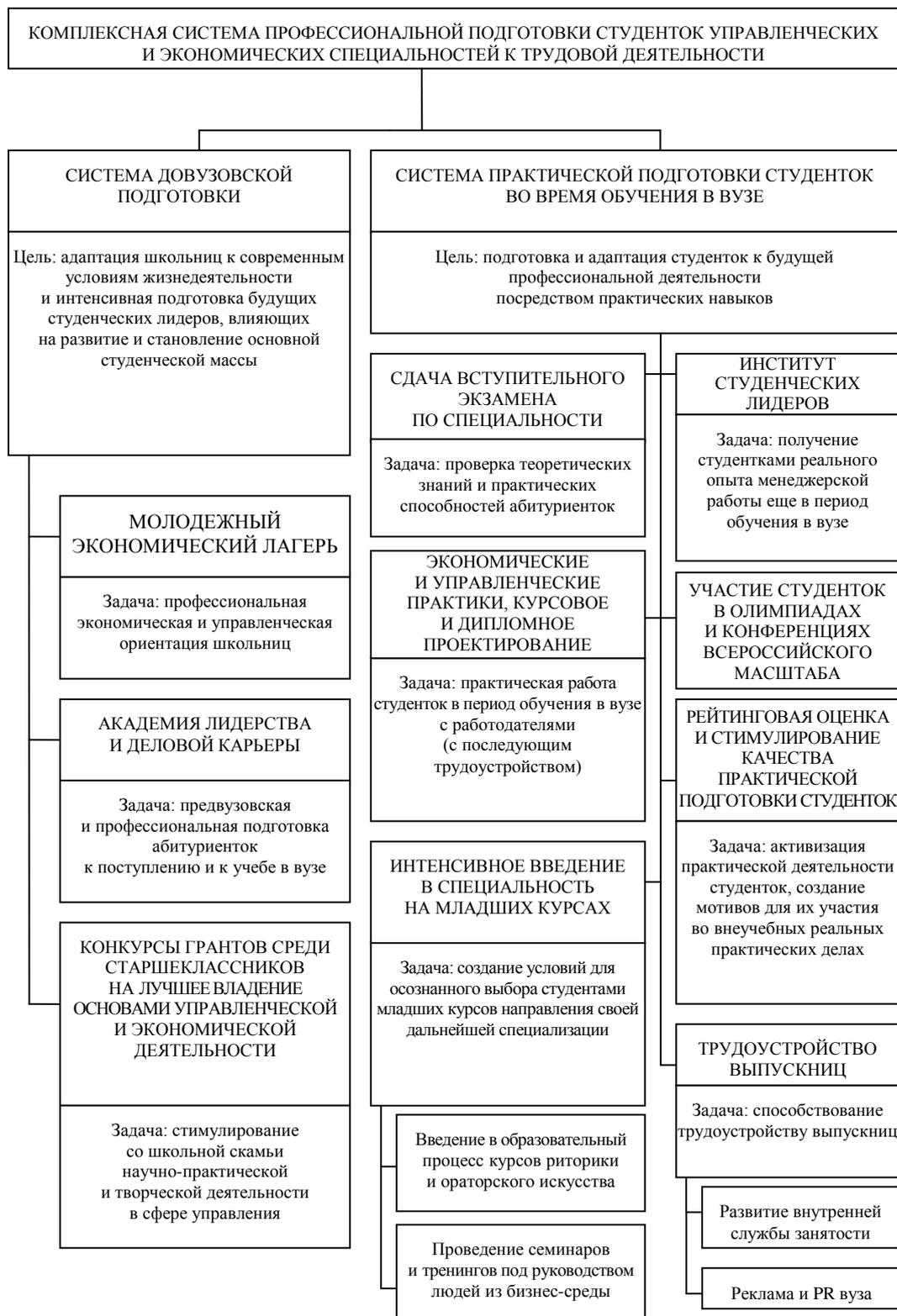
Ее главная задача — дать студенткам опыт практической деятельности еще в период вузовского обучения. Поэтому вся учебная, научная и воспитательная работа со студентками нацелена на практическое образование, формирование у них навыков реальной деятельности в мире рыночной экономики, достаточных для их трудоустройства в престижную организацию сразу же после окончания вуза [2, с. 26].

Действующая система непрерывной практической бизнес-подготовки имеет две подсистемы: 1) предвузовская экономическая подготовка школьниц — будущих студенток; 2) внеаудиторная работа непосредственно в вузе.

Предвузовский этап включает в себя: 1) молодежный экономический лагерь; 2) Пензенскую академию лидерства и деловой карьеры.

В молодежном экономическом лагере школьницы находятся в условиях, имитирующих реальные жизненные ситуации, с которыми им не раз придется столкнуться впоследствии. В захватывающей экономической игре школьницы познают реальные экономические и социальные процессы демократического общества с рыночной экономикой, получают профессиональную экономико-управленческую ориентацию.

Гендерное образование

Комплексная система профессиональной подготовки студенток управленческих и экономических специальностей к трудовой деятельности

Проект «Академия лидерства и деловой карьеры» (вначале «Школа юных менеджеров», затем «Академия юных менеджеров и предпринимателей») был удостоен гранта первой степени в международном конкурсе, проведенном фондом «Культурная инициатива» (Дж. Сорос). Главная цель академии заключается в обучении старшеклассниц экономическим и управленческим дисциплинам, выработке у них качеств, необходимых современным менеджерам, а также уверенности в себе, ориентации в жизни на собственные силы.

Предвузовский этап обучения и освоения практических навыков будущих абитуриентов перетекает в непосредственное обучение студенток в вузе, где более тесно и продолжительно начинается приобретение знаний по специальности, в области управления, сложившейся рыночной ситуации в сфере бизнеса.

Внеаудиторная внутривузовская работа со студентками представляет собой комплекс мер, обеспечивающих поэтапную и непрерывную бизнес-подготовку студенток в течение всего периода обучения в вузе за счет разработки механизмов реализации системы, которые представлены:

- институтом студенческих лидеров — подготовкой руководителей различных органов студенческого самоуправления;
- системой интенсивного введения в специальность на младших курсах;
- рейтинговой системой учета и стимулирования практической подготовки студенток;
- студенческими фирмами научно-производственного отряда «Менеджер»;
- экономической и управленческой практиками;
- экономическими конференциями, конкурсами, олимпиадами;
- курсовым и дипломным проектированием по тематике, имеющей практический выход;
- системой содействия трудоустройству выпускниц.

Институт студенческих лидеров представляет собой важную часть всей внеаудиторной работы — участие студенток в структурах студенческого самоуправления, охватывающих различные формы клубной работы. Конкретными задачами института студенческих лидеров являются:

- создание самоуправляемой системы формирования, подготовки и самореализации студенческих лидеров;
- формирование и постоянное поддержание в студенческой среде благоприятного психологического климата, укрепление горизонтальных и вертикальных связей между студентками разных курсов, групп и в самих группах, между студентками и преподавателями;
- организация студенческих фирм по интересам, удовлетворяющих те или иные потребности общества;
- развертывание реальных бизнес-полигонов, позволяющих студенткам совершенствовать навыки работы в команде и будущей практической менеджерской деятельности в целом для последующего перехода в реальные фирмы.

В институте студенческих лидеров шесть факультетов: делового администрирования, менеджмента в бизнесе, в науке, культуре, экономике, спорте. По существу, это более 40 студенческих фирм, где студентки осваивают реальную управленческую деятельность.

«Введение в специальность» — учебный курс, читаемый в первом и втором семестрах учебного года и состоящий из двух частей: «Основы специальности» и «Технология карьеры». Этот курс позволяет студенткам получить объективное и полное представление о специальности «Менеджмент организации», ее сферах и направлениях. Они узнают о технологии выбора карьеры и жизненных целей. Ряд занятий проводится с участием ведущих производителей, специалистов по менеджменту и другим дисциплинам, что позволяет студенткам ознакомиться с реальными проблемами управления, задать интересующие их вопросы, получить ответ руководителя-практика. Также в рамках этой дисциплины студенткам предлагается попробовать свои силы и попытаться устроиться на работу в успешно действующие фирмы. Подобная практика заставляет студенток задуматься над проблемами будущего трудоустройства. Ведь только самые организованные, профессионально грамотные, упорные и деловитые из них получают при этом значительное преимущество.

Работа студенток в профильных научно-производственных фирмах в рамках студенческого научно-производственного отряда «Менеджер» осуществляется в течение всего периода обучения по различным направлениям: менеджмент, маркетинг, управление персоналом, бизнес-планирование, социология, финансы и кредит и др. Студентки ищут себя, пробуют свои силы в различных областях, стажироваются, получают консультации и постепенно определяют с профилирующим направлением дипломного проектирования и, быть может, будущей работой.

Экономическая и управленческая практика проводится после 3-го и 4-го курсов в реальных фирмах, организациях, на предприятиях. В настоящее время идет апробация нового подхода к проведению практик, который заключается в том, что студентки проходят практику на предприятиях в течение всего периода обучения, она засчитывается им как опыт работы в соответствующей должности и отражается записью в трудовой книжке. Таким образом, эти девушки приобретают реальное конкурентное преимущество при получении работы по специальности. Конечно, в подобном эксперименте участвуют не все студентки, а только те, которые не имеют академических задолженностей и преуспевают в освоении знаний учебных дисциплин. Естественно, если студентки были заняты на регулярной работе во время учебы в вузе, из них через относительно короткое время получают работники, обладающие заметными преимуществами по сравнению как с неработавшими выпускницами вуза, так и с теми, кто не получили полноценного высшего образования. От первых их отличают большая активность, а также потребность и умение подкреплять теоретические знания и положения практическими примерами и опытом. От вторых — стремление к систематизации и теоретическому обоснованию практи-

ческих наблюдений и методических (инструментальных) находок, а также приверженность к демократическим, партнерским отношениям в работе.

В целом качество непрерывной практической подготовки студенток определяется по таким показателям, как непосредственные контакты с представителями делового мира, практика на реальных должностях в реально действующих фирмах, разработка дипломных проектов по производственным заказам, работа в действующих коммерческих, производственных, учебных и научных структурах, участие в конкурсах, выставках и олимпиадах.

В извечном со времен Сократа, Платона, Аристотеля треугольнике — государство, общество, человек — образованию всегда отводилась роль главного цивилизованного фактора в развитии человека. При этом высшая школа является социальным каналом, проходя через который поток представительниц будущей интеллигенции начинается дробиться. Большая часть выпускниц переходит в слой специалистов, откуда возможен подъем на средние и верхние уровни социальной пирамиды [1, с. 163].

Таким образом, важная роль профессионального образования как эффективного средства формирования и развития личности руководителя-женщины несомненна. Но, в свою очередь, сами студентки не должны выступать пассивными участницами образовательного процесса. Быть востребованными выпускницами на рынке труда — это не только блестящий диплом, но и различного рода стажировки в преуспевающих фирмах (организациях), производственная деятельность, самоподготовка, научно-исследовательские работы и другие виды деятельности.

Нынче студентки окончательно и бесповоротно убеждаются в старой истине: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. И в условиях отсутствия защитных механизмов для выпускниц вузов им необходимо задумываться о проблеме трудоустройства начиная с младших курсов студенческой скамьи. Если выпускницы управленческих специальностей сегодня хотят быть востребованными на рынке труда, то учебу в вузе на «4» и «5» следует расценивать как необходимое для этого условие, но явно недостаточное.

Для обеспечения высокой конкурентоспособности при выходе из вуза девушкам необходимо формировать и развивать у себя качества, способствующие ее повышению.

Под конкурентоспособностью студенток понимается их способность в условиях возрастающей конкуренции на рынке труда иметь к моменту завершения обучения в вузе гарантированную работу по своей специальности в престижной фирме с перспективой успешного продвижения вверх по служебной лестнице [6, с. 14].

Эта задача требует серьезных и постоянных усилий самих студенток в течение всего периода обучения в вузе. Такие усилия должны опираться на две группы факторов организационного поведения студенток [5, с. 341—343]:

1) факторы стратегического поведения студенток в период обучения в вузе, которые включают:

- фундаментальную подготовку по направлению обучения;
- формирование жизненного успеха;

- формирование навыков организаторской деятельности;
- развитие предпринимательских способностей;
- освоение будущей профессиональной деятельности с первого дня обучения в вузе;
- постоянное формирование долговременных деловых связей;
- использование современных технологий формирования плана жизни и деловой карьеры;
- поддержание высокого уровня работоспособности;
- обеспечение семейного благополучия;
- создание положительной репутации;
- определение и контроль факторов, влияющих на жизненное везение и удачу;

2) факторы тактического поведения студенток в период обучения в вузе, которые подразумевают:

- освоение технологий обучения в современном вузе;
- личную организованность — разработку и применение техники личной работы;
- составление планов личной деятельности на год, месяц, недели, дни;
- расширение личного кругозора, умение быть интересным;
- повышение собственной привлекательности (культура, этикет, общение и поведение);
- постоянный самоконтроль результатов и процессов личной жизнедеятельности.

Таким образом, за время учебы в вузе студентки, помимо получения профессиональных знаний, должны осуществлять конкретные действия, способствующие быстрому вхождению выпускниц управленческих специальностей на рынок труда и их скорейшей адаптации в условиях социально-экономических трансформаций в обществе. Среди перечня подобных действий можно выделить:

- реальные стажировки в действующих фирмах и организациях;
- совмещение (по мере возможности) учебы в вузе с производственной деятельностью;
- участие в научно-исследовательской работе, творческой деятельности;
- активную позицию в различных видах клубной работы;
- постоянную самоподготовку;
- параллельное освоение дополнительных курсов (бухгалтерских, иностранных языков, компьютерных и др.);
- использование любых возможностей организаторской деятельности за период учебы в любых сферах;
- приобретение навыков публичных выступлений и совершенствование ораторского мастерства;
- формирование и развитие своих лидерских качеств.

В заключение хочется отметить, что социально-экономические преобразования по-разному отражаются на положении мужчин и женщин в обществе. И поскольку в нашей стране существует устойчивое представление о должно-

сти руководителя как о мужской, то студенткам управленческих специальностей вузов необходимо прилагать максимум усилий в период обучения, чтобы обеспечить себе реальную конкурентоспособность на рынке труда.

Библиографический список

1. *Гасанова М. Д.* Гендерный подход к формированию у студентов лидерских качеств руководителя в образовании : дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2005. 211 с.
2. Комплексная система непрерывной практической подготовки и трудоустройства студентов в вузе : моногр. / под ред. С. Д. Резника. Пенза, 2005. 195 с.
3. *Котикова Д. С.* Гендерные особенности формирования конкурентоспособности личности студентов в образовательном процессе вуза. URL: <http://www.docme.ru/doc/6910/kotikova-gendernye-osobennosti-formirovani-konkurentospo...> (дата обращения: 09.12.2010).
4. *Резник С. Д., Игошина И. А., Сочилова А. А.* Карьерный менеджмент : учеб. пособие. Пенза : Пенз. гос. ун-т архитектуры и строительства, 2007. 388 с.
5. *Резник С. Д., Макарова С. Н.* Гендерный менеджмент: женщины в управлении : учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2009. 416 с.
6. *Резник С. Д., Сочилова А. А.* Основы личной конкурентоспособности : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2009. 251 с.
7. *Штылева Л. В.* Гендерные штудии русской педагогики XIX в.: проект «вполне гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 93—102.

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ББК 60.542.2

Н. К. Радина, А. А. Никитина

ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН КАК ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ НА ТРАНСФОРМАЦИИ МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одна из непрекращающихся российских дискуссий последних десятилетий — изменяющиеся гендерные отношения, напрямую отражающиеся на своеобразии новых идентичностей мужчин и женщин [20]. С одной стороны, успехи женского движения, пусть и неоднозначно оцененные, утверждают социальную активность женщин (см., напр.: [8, 9, 30, 32]). Но итоги социологических и социально-психологических исследований нередко отражают фактически противоположный полюс востребованной женской экономической зависимости и пассивности (см., напр.: [29]).

Мужественность в исследованиях представлена многолико — от «гегемонов» до «низвергнутых» (безработных, инвалидов) (см., напр.: [11, 12, 31, 33]). Мужчина-метросексуал, взглянувший на гендерных исследователей с обложки «глянцевых журналов», «тестируется» современными социологами, культурологами, психологами в пространстве жизненной реальности [19].

Игорь Семенович Кон предполагает, что инициаторами социальных перемен являются женщины: именно они изменяют стандарты отношений со своими мужчинами, что неизбежно ведет к трансформациям мужской идентичности [18]. Эту идею — влияние женщин как наиболее активных агентов гендерной социализации (матерей, сестер, подруг и т. д.) на мужскую гендерную группу и мужскую идентичность — мы хотели бы обсудить в данной статье по материалам проведенных исследований.

Проблемы гендерной социализации с точки зрения социального конструирования гендера мы изучали ранее, анализируя изменения в персональной идентичности. Половая принадлежность и осознание на этой основе собственной гендерной группы «работают» над представлением личности о себе, внося «правку» в индивидуальные проявления, нормативность поведения контролируется благодаря бдительности агентов гендерной социализации, в результате чего в итоге прохождения подросткового возраста у личности складывается не

только персональная, но и определенная гендерная идентичность как одна из базовых структур социальной идентичности [26].

В предыдущих исследованиях мы в очередной раз подтвердили общеизвестный тезис о том, что наиболее значимым агентом гендерной социализации является мать: именно мать задает первые рамки «гендерно-приемлемого поведения» для детей обоего пола [28]. В подростковом возрасте осознается роль таких агентов гендерной социализации, как ровесники своего пола (друзья и возлюбленные) [26].

Исследования показывают, что влияние семьи на подростка не стоит переоценивать: изучая сценарии романтических отношений юношей и девушек, мы обнаружили впечатляющий «поколенческий разрыв» в конструировании семейных историй. Девушки — участницы исследования очень плохо знали историю своей семьи и историю романтических отношений родителей, а юноши не интересовались отношениями между родителями и вообще практически ничего не знали об историях их романтических ухаживаний: герои сериалов и СМИ для них были более очевидной реальностью и предметом подражания [27].

Анализируя преемственность в жизненных сценариях женщин в одной семье, мы обнаружили, что факторы макроуровня оказываются не менее влиятельными в построении человеческой судьбы (войны, правительственные инициативы, «комсомольские стройки» и т. п.). Это позволяет оценивать, например, психоаналитические инструменты изучения и влияния на семью как инструменты локального уровня, объясняющие лишь часть практик повседневности семьи, как правило, дисфункциональной [23].

Наиболее значимые результаты с точки зрения теории «гендерных линз» Сандры Бем (согласно которой гендерные представления общества — «гендерные линзы» — формируют под свои стандарты психологию, личностные переживания мужчин и женщин) [3] были получены нами при сравнении социальных представлений о «выдающейся жизни» для мужчин и для женщин [24].

Качественный и количественный контент-анализ 60 текстов проблемно-ориентированного неструктурированного интервью взрослых и социально успешных мужчин и женщин позволил реконструировать «строительный материал историй» — конструкты, при помощи которых создаются и оцениваются истории жизни (табл. 1).

Анализ таблицы показывает, что интерпретация социальной «встроенности» и социальной компетентности — собственной и аутгрупповой — у мужчин и женщин различна. Мужчины реконструируют «мужской сценарий» и «мужскую идентичность» посредством включения в мужскую группу и уважения в ней (мы-идентичность), посредством социальной компетентности, гражданской и профессиональной активности, достижений и ответственности (перед мужской группой и семьей).

Реконструкция «мужского сценария» жизни со стороны женщин происходит как бы с точки зрения его подруги (пятая часть описаний мужской жизни состоит из пояснений о его отношениях с женой или возлюбленной). Однако этот образ в большей степени содержит формальные требования к «хорошей жизни», построенной мужчиной: успешность, отличное образование, высокий статус в обществе — и в целом носит более объективный характер.

Таблица 1

Конструкты историй жизни для незаурядных мужчин и женщин, %

Сценарные конструкты	Жизнь мужчины		Жизнь женщины	
	Мужской взгляд	Женский взгляд	Мужской взгляд	Женский взгляд
Авторитет в своей группе	20,9	–	–	–
Гражданская позиция	9,4	–	–	–
Социальная компетентность	14,4	–	–	–
Социальный статус	–	17,6	7,5	11,9
Требования к партнеру	–	8,8	–	17,2
Уровень образования	–	8,5	–	–
Взаимоотношения с партнером	–	10,3	15,7	–
Преодоление трудностей	8,3	9,9	12,8	–
Достижения	12,4	9,3	14	–
Наличие семьи	11,9	10,5	13,7	17,9
Личностные качества	12,2	15,7	12,8	13,5
Проф. компетентность	10,5	9,4	9,8	9,2
Жизненные испытания	–	–	13,7	8,8
Требования к внешности	–	–	–	12,9
Эмоциональная отзывчивость	–	–	–	8,6

В том случае, когда мужчины описывают «впечатляющую» жизнь женщины, они прочитывают ее жизненные события посредством своих ценностей и стандартов: жизнь бросает ей вызов — и женщина побеждает, достигает успеха и социального признания. Как и выдающийся мужчина, она обладает незаурядными личностными качествами, ценит семью, но, «будучи женщиной», не ограничивается семьей, реализует себя в профессии и обществе. Необходимо отметить, что испытания — обязательные условия для создания «особенного» сценария женской жизни: ни мужчины, ни женщины для «значительного сценария» мужской жизни не использовали события, связанные с особыми испытаниями.

С другой стороны, именно женщины охотно воспроизводят наиболее традиционные стереотипы в конструировании жизни, как для мужчин, так и для женщин. Женщины в их историях — следят за внешностью и чувствительны, зависимы от партнера, мужчины обладают высоким положением в обществе и особыми личностными качествами, таким образом, менее статусная в обществе гендерная группа женщин оказалась более склонной сохранять гендерные стереотипы как относительно своей группы, так и относительно более высокостатусной — мужской.

В данном случае мужчины проявили себя как «нормоопределяющая», а женщины как «нормосохраняющая» группа, поскольку социальное сравнение было разнонаправленным. Признание женской активности со стороны мужчин в данном случае очень напоминает признание «по доверенности» П. Бурдые: если женщина восхищает «зрителя» (читай: «судью») не поступками своего

мужа или сына (читай: «своими поступками»), то ее поступки могут быть признаны мужественными [6]. На уровне функционирования макроструктуры данный феномен можно объяснить культурными традициями андроцентризма: достойная женщина в большей степени похожа на мужчину [3, 22].

Результаты проведенных исследований вынуждают признать существование некой коллизии в поиске ответа на вопрос: женщины в обществе — источник гендерной динамики или нормосохраняющая группа? Может быть, нормоопределяющая функция мужской группы, напротив, служит основой социального творчества не только в отношении изменения границ женского пространства личности, но и мужского? На эти вопросы мы будем искать ответ, опираясь на проведенные в 2010 г. исследования в области изучения мужской идентичности.

Для того чтобы изучение мужской идентичности стало возможным, мы создали и апробировали опросник «Изучение развития мужской идентичности» (ИРМИ) [25]. Ранее в отечественной социальной психологии мужская идентичность изучалась исключительно в русле качественного подхода [16], что существенно затрудняло проведение исследований, ориентированных на поиск закономерностей.

Опросник построен на социально-конструктивистской идее «создания гендера» как индивидуального, «субъектного» проекта мальчика (юноши, мужчины), при котором материалом для построения мужской идентичности служит ориентация на «мужские нормы», составляющие мужскую культуру. Взрослея (гендерно социализируясь), мальчик выбирает, подвергает селекции, «примеривает» на себя эти «мужские нормы» и формирует у себя мужскую идентичность, которая, согласно исследованиям, считается вполне сложившейся и определенно может быть идентифицирована начиная с подросткового возраста.

В данном опроснике мужская культура, на индивидуальном уровне определяющая мужскую идентичность, описывается посредством 7 шкал, 6 из которых представляют «нормы мужественности», описанные в культурологических, социологических и психологических исследованиях (норма статуса, нормы эмоциональной, физической и интеллектуальной твердости, норма антиженственности, рискованность) (см., напр.: [4, 5, 6, 10, 13, 15, 17, 21]), а седьмая шкала «измеряет» у опрашиваемого метросексуальные установки на себя.

По итогам опросника идентифицируются семь вариантов развития мужской идентичности. Три варианта — патриархатного типа (гегемонная, компенсаторная и «мягкая»)*, два — гибридного, два — альтернативного.

«Гегемонная мужская идентичность». Данный вариант развития мужской идентичности является своего рода доминирующим идеалом, культурно господствующим и самым престижным в обществе (лидер, физически и сексуально активный, способный доминировать над женщинами, эмоционально выдержанный, принимающий решения, рискованный, классический пример — образ мачо). Гегемонные формы отражают суть мужского превосходства, что предполагает не только иерархические практики доминирования между гендерными группами, но и построение иерархий в группе мужчин.

* Общее значение понятия «патриархат» — господство мужчин над женщинами [1].

«Компенсаторный» вариант развития мужской идентичности. Данный вариант основан на сексизме и доминировании над женщинами, при этом сам мужчина не является активным носителем установок на соблюдение «норм мужественности». Велика вероятность того, что обладатель «компенсаторной мужской идентичности» склонен к насилию в отношении женщин.

«Мягкая» патриархатная мужская идентичность. Данный вариант характеризует мужчин, чья установка на соблюдение традиционных патриархатных «норм мужественности» едва выражена.

Гибридные варианты развития мужской идентичности. Эти варианты являются промежуточными между патриархатным и альтернативным развитием и предполагают установки на себя и соблюдение норм, присутствующих в данных полярных сценариях развития идентичности.

Альтернативные варианты развития мужской идентичности. В основе их развития лежит отход от признания гендерной дискриминации, при этом метросексуальный вариант предполагает более центрированного на себе и своей внешности мужчину, эгалитарный вариант развития мужской идентичности включает множество форм, ключевой объединяющий признак которых — признание другой гендерной группы как равноценной.

Нами был опрошен 341 мужчина от 16 до 60 лет и старше (из них 109 подростков 16—18 лет, 154 молодых человека от 19 до 25 лет, 57 взрослых работающих мужчин от 26 до 60 лет и 21 мужчина — старше 60 лет), результаты опроса, описывающие распространение тех или иных вариантов развития мужской идентичности, представлены в таблице 2.

Согласно результатам исследования, около 15 % мужчин всех возрастов претендуют на «практику гегемонной мужественности», около половины конструируют один из патриархатных вариантов мужской идентичности.

Таблица 2

Варианты развития мужской идентичности у мужчин разных возрастных групп, %

Возрастные группы	Патриархатные варианты			Гибридные варианты		Альтернативные варианты	
	Гегемонный	Компенсаторный	Мягко-патриархатный	Рискованный	Нерискованный	Метросексуальный	Эгалитарный
15—18	12,5	6,5	23,5	11,5	7,5	16	22,5
19—25	14	12	19	13	7,5	15,5	19
26—60	15	17	31	2	1	12	22
Старше 60	14	10	33	—	—	—	43
15—18	42,5			19		38,5	
19—25	45			20,5		34,5	
26—60	63			3		34	
Старше 60	57			—		43	

К сожалению, с возрастом увеличивается число мужчин, которые выбирают «компенсаторную патриархатную идентичность» в утверждении мужественности (возможно, они обладают негативным опытом конкуренции в своей гендерной группе). При этом примерно пятую часть молодых людей, имеющих незначительный жизненный опыт, можно отнести к колеблющимся (у них на момент опроса сформировалась гибридная мужская идентичность, так называемый «промежуточный вариант»). У взрослых мужчин «гибридные формы» мужской идентичности трансформируются преимущественно в патриархатные.

Метросексуалы, созданные современными маркетологами и «обществом потребления», населяют молодежное сообщество, а для пожилых людей этот вариант конструирования мужественности неприемлем. А вот число мужчин, ориентированных на эгалитарные отношения и построения эгалитарной мужской идентичности, как и «гегемонных», с возрастом не изменяется (исключением вновь является группа пожилых).

К сожалению, в нашей выборке группа пожилых мужчин невелика, вероятно, увеличение среди пожилых числа тех, кто сформировал у себя эгалитарную мужскую идентичность, обусловлено осмыслением жизненного опыта, позволяющим учесть вклад женщин в семью, и «мужскую жизнь» в частности, дающим возможность пожилым мужчинам иначе, недискриминационно, строить свои отношения с женщинами и свою эгалитарную мужскую идентичность. Однако в целом складывается впечатление, что, если отбросить «эффект когорты» (т. е. не сравнивать заведомо различные по культуре взросления группы, как, например, подростков и пожилых), мы обнаруживаем весьма статичную структуру конструирования мужской идентичности современного российского мужчины:

— в которой не менее чем каждый десятый оказывается претендующим на гегемонность;

— не менее чем каждый десятый строит свою мужскую идентичность компенсаторно, основываясь не на достижениях в процессе конкуренции в мужской группе, а на пренебрежении к женщине;

— более половины мужчин периода «средней взрослости» сформировали у себя патриархатную мужскую идентичность;

— не менее чем каждый десятый (как правило, молодые мужчины) готов признавать права женщин, но при этом концентрирует исключительное внимание на себе и своем теле;

— каждый пятый, отчасти разделяя традиционные «мужские нормы», готов к эгалитарным равноправным отношениям, поскольку его мужская идентичность — эгалитарна.

Подобная согласованная структура различных вариантов развития гендерной идентичности у мужчин, принадлежащих к разным возрастным группам, наталкивает на мысль, что она обусловлена не столько «инициативой женщин», их «агентским» влиянием (тогда мы бы обнаружили более существенные различия между возрастными группами), сколько доминируемой «желательной» ориентацией на патриархатную идентичность, личностной характеристикой и субъектностью в решении тех жизненных задач (трудностей, травм, проблем), с которыми столкнулся мужчина в процессе взросления. Осо-

бое внимание стоит обратить на значительное число тех мужчин, кто принимает идеалы патриархата, а также на тех юных и молодых, кто ориентирован на новые «метросексуальные стратегии» «формирования нового мужчины». Конформизм как основной механизм социализации «работает» на то, чтобы унифицировать личностный ландшафт, и по данным результатам исследований мы убеждаемся в наличии этой «унификации». Однако гораздо важнее понимание того, что именно «глобальные факторы», связанные с макроуровнем, будь то «доминирующие нарративы патриархата» или новые агрессивные маркетинговые стратегии, во многом определяют развитие личности.

Сравнивая эти результаты с прежними, когда мы исследовали женщин трех поколений, проживающих совместно в одной семье [23], и также идентифицировали важнейшую роль агентов и факторов макроуровня, возможно заключить: и мужчины и женщины как гендерные группы включены в сложную систему социальных, экономических и политических отношений, зависят от нее и своими личностями встраиваются в эту систему, поддерживают ее. Изменения в гендерных отношениях инициированы не самими гендерными группами (никто из них не является источником), а дисбалансом в системе, при этом именно женщины более чувствительны к изменениям и демонстрируют изменения в собственном поведении, как только эта система приходит в движение, дестабилизируется, трансформируется. Почему именно женщины?

Если положения психологии межгрупповых отношений применить к гендерным отношениям в обществе (стратификационный аспект гендера как аналитического инструмента), выясняется, что женская гендерная группа обладает многими психологическими признаками низкостатусной группы, однако теми же признаками обладают, например, низкостатусные этнические группы (не случайно социальную стратификацию связывают с гендером, этничностью и классом) [2, 7].

Так, женщины как представители той социальной группы, которая в обществе обделена ресурсами, согласно обнаруженным социально-психологическим закономерностям, могут демонстрировать аутгрупповой фаворитизм (считать мужчин более достойными). Но именно эти же социально-психологические закономерности будут определять более динамичное поведение женщин при изменениях в окружении: член низкостатусной группы неочевидно проигрывает в ситуации изменений, но проявляет более очевидную готовность выиграть — изменить свое невысокое социальное положение (например, в салоне автобуса освободившееся место займет тот, кто считает свое прежнее положение более худшим).

Мы полагаем, что женщины — не источники изменений, скорее их нестандартное поведение — своеобразный маркер социальных перемен (так зима наступает не потому, что улетели скворцы, а скворцы улетаются при приближении морозов). Женщины не источники, а первопроходцы, поскольку представляют низкостатусную группу и нуждаются в социальных изменениях, и в данном контексте они — целевая группа для продвижения ценностей демократизации общества. В связи с этим обвинения в адрес женщин, предающих семью (согласно статистике, женщины чаще становятся инициаторами разводов), толкающих мужчин на «немужское поведение», тем самым разрушая общественные устои,

не выдерживают критики. Женщины оперативнее реагируют на объективные процессы в экономике, политике и социальной практике, поскольку находятся в более незащищенной, уязвимой социальной позиции (реагируют, но не определяют изменения), а та часть мужчин, которая относит себя к представителям высокостатусной социальной группы, до последнего момента предпочитает иллюзии, надеясь на сохранение своего высокого социального статуса.

Для исследователей интересно и то, что женщины как социальная группа, демонстрируя весьма эмансипированное поведение, на уровне опросов могут по-прежнему выполнять «нормосохраняющую функцию», воспроизводя прежние, неработающие в реальности их жизни стереотипы, что в очередной раз доказывает, что «женское лидерство» и женская инициатива в обществе с патриархатными ценностями в большинстве случаев — не от «злого умысла» женщин, это поиск оптимальной стратегии выживания.

Важно отметить, что в последние годы в отношении российских женщин как социальной группы ведется массовая кампания якобы по продвижению «женских ценностей», навязывающая женщинам паразитические экономические установки, реализуемые при наличии состоятельных партнеров-мужчин [29]. Убеждаясь, что маркетинговые стратегии в отношении мужчин оказываются вполне результативны (так, городские юноши, по данным наших исследований, вполне охотно разделяют метросексуальные установки и строят метросексуальную идентичность; см. табл. 2), мы полагаем, что попытка реализации паразитических экономических стратегий женщинами, ведущая к личностным конфликтам и сломанным судьбам, действительно травмирует общество.

Женщины, независимо — осмысленно или нечаянно, становятся первопроходцами в области социальных перемен. Изменив собственную позицию, они делают противоречия видимыми, как бы озвучивая действиями динамику общей ситуации, вынуждая к изменениям мужчин, как правило, тех, кто не считает себя носителем нормативной «гегемонной мужественности» и тоже готов к переменам.

Библиографический список

1. *Агеев В. С.* Психология межгрупповых отношений. М. : Изд-во МГУ, 1983. 144 с.
2. *Айвазова С. Г.* Патриархат // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой ; регион. обществ. орг. «Восток — Запад: женские инновационные проекты». М. : Информация — XXI век, 2002. URL: <http://www.owl.ru/gender/128.htm> (дата обращения: 10.12.2010).
3. *Бем С.* Линзы гендера : трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
4. *Берд Ш.* Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования. 2006. № 14. URL: <http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal-014.shtml> (дата обращения: 10.12.2010).
5. *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 320 с.
6. *Бурдые П.* Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. СПб. : Алетейя, 2005. С. 286—364.

7. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1. 708 с.
8. *Воронина О.* Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18. С. 349—356.
9. *Гапова Е.* Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма // Журн. исследований социальной политики. 2009. № 4. С. 465—484.
10. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М. : РОССПЭН, 2005. 264 с.
11. *Данилова Н.* Срочники, пиджаки, профессионалы: разные мужественности участников постсоветских войн // Журн. социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 5. № 2 (31). С. 110—126.
12. *Данилова Н.* Трансформация мужественности в «проективной» и «реальной» карьере инвалида войны // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 259—271.
13. *Дворкин А.* Порнография: мужчины обладают женщинами // Там же. 1999. № 3. С. 79—87.
14. *Жеребкин С.* Сексуальность на Украине : гендерные «политики идентификации» в эпоху козачества // Там же. 1998. № 1. С. 228—253.
15. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—451.
16. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 211—225.
17. *Кон И. С.* История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп / под ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 188—242.
18. *Кон И. С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. М. : Ин-т антропологии и этнологии РАН, 2001. С. 9—37.
19. *Кузовова В. В.* Мужские гендерные номинации в СМИ. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/knp/138/knp138_134-137.pdf (дата обращения: 10.12.2010).
20. Материалы Третьей Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1—3 ноября 2010 г., Череповец. М., 2010. Т. 1. 464 с.
21. *Мещеркина Е.* Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности. С. 268—287.
22. *Рабжаева М. В.* Андроцентризм // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой.
23. *Радина Н. К.* Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России // Семейная психология и психотерапия. 2006. № 1. С. 28—46.
24. *Радина Н. К., Конода И. В.* Гендерный анализ социальных представлений о «мужественности» и «женственности» // Женщина и мужчина в современном обществе : сб. ст. Н. Новгород : Изд-во НФ МГЭИ, 2004. Вып. 1. С. 112—123.
25. *Радина Н. К., Никитина А. А.* Социальная психология мужественности. М. : БОРГЕС, 2011.
26. *Радина Н. К., Терешенкова Е. Ю.* Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков // Вопр. психологии. 2006. № 5. С. 49—59.
27. *Радина Н. К., Штылева И. В.* Сценарии романтических отношений современных старшеклассников // Психология в школе. 2008. № 4. С. 82—89.
28. *Терешенкова Е. Ю., Радина Н. К.* Гендерная социализация: влияние матери на развитие гендерной идентичности ребенка : (по материалам фокус-групп) // Гендерные различия : материалы IV межвуз. конф. молодых исследователей по гендерным проблемам. СПб. : Алетейя, 2005. С. 153—159.

29. *Фенько А. Б.* Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психол. журн. 2004. № 2. С. 34—42.
30. *Хасбулатова О. А., Правкина И. А.* Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1. С. 14—21.
31. *Чернова Ж.* «Мужская работа»: анализ медиарепрезентаций // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов : сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой и И. Н. Тартаковской. Самара : Самар. ун-т, 2003. С. 276—293.
32. *Шведова Н. А.* Дочери или падчерицы России? // Политические исследования. 2000. № 2. С. 178—184.
33. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Мужество инвалидности // О муже(Н)ственности. С. 106—125.

ББК 60.524.258

М. В. Пастухова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ ДЕВИАНТНОГО ОТЦОВСТВА

Изучение родительства и детско-родительских отношений в настоящее время является одним из приоритетных направлений как отечественной, так и зарубежной психологической науки.

В современном мире среди наиболее остро звучащих вопросов воспитания детей в семье и детско-родительских отношений, таких как одинокость семей и падение рождаемости, жестокое обращение с детьми, алкоголизм и наркомания родителей, предпочтение работы воспитанию детей, на первый план выступают проблемы воспитания детей в неполных и незарегистрированных семьях.

В современном обществе наблюдается стойкая тенденция к кризису социального института семьи, который проявляется главным образом в увеличении числа разводов среди супружеских пар и в возрастании количества незамужних матерей, а также в появлении определенной категории людей, предпочитающих семье одинокий образ жизни. Все это не только отражается в демографическом спаде, но и отрицательно влияет на развитие и воспитание подрастающего поколения. Сложившаяся ситуация крайне негативно сказывается на детско-родительских отношениях, т. к. только в традиционной семье отец имеет возможность для полноценного общения с ребенком.

Отдельно выступает проблема недостаточного взаимодействия отца и ребенка в полной семье, когда по причине постоянной занятости или нежелания общаться отец не уделяет должного внимания своему ребенку и лишь формально находится в роли отца, что также отрицательно отражается на развитии и воспитании детей.

Различные проблемы детства и родительства остаются актуальными на протяжении многих десятилетий истории общества и приобретают особую значимость в настоящее время. По словам О. А. Карабановой, семья как культурно-исторический феномен в своей истории и развитии отражает принципиальные сдвиги и изменения, происходящие в обществе [6, с. 106].

Появление в последние годы государственных программ, призванных поддержать социальный институт семьи, во-первых, подтверждает значимость данной проблематики, во-вторых, подчеркивает то, что семья в наши дни нуждается в помощи. Это согласуется с мнением Н. А. Зелевской о том, что в настоящее время снижается социальная значимость материнства и отцовства [5].

Многие современные авторы, занимающиеся изучением различных аспектов отцовства и влияния отца на личность ребенка, подчеркивают, что, несмотря на бесспорную актуальность данных вопросов, проблематика роли отца в настоящее время остается практически неизученной (Ю. В. Евсеенкова [3], Т. Б. Беляева [1], В. И. Крюкова [8] и другие)

При этом проблематика *девиантного отцовства*, вопреки своей очевидной значимости и понятности, остается еще менее разработанной, чем проблематика отцовства в целом, и часто сводится к изучению вопросов воспитания ребенка в неполной семье или подменяется ими.

Однако, согласно Р. В. Манерову, проблемы, связанные с девиантным отцовством, являются весьма острыми и актуальными в наше время [10]. Р. В. Манеров перечисляет следующие формы отклоняющегося отцовского поведения, часто сочетающиеся и дополняющие друг друга: уход из семьи, отказ от совместной жизни с супругой (подругой) и своим (часто еще не родившимся) ребенком; проявление насилия по отношению к своему ребенку; безразличное отношение к нему.

Причины отклоняющегося отцовского поведения, по словам Р. В. Манерова, следует искать прежде всего в эгоцентризме, инфантильности, сексуальной неразборчивости мужчин. А это, в свою очередь, связано с низким уровнем сформированности матрицы отцовского отношения [10].

Согласно Р. В. Манерову, вопрос о готовности мужчин к отцовству стоит весьма остро и проблемно. Можно с уверенностью предположить, что на успешность адаптации к отцовской роли влияет большое количество сложновзаимодействующих факторов, таких как личностные особенности (прежде всего особенности личностной адаптации как свойство личности), история жизни, особенности взаимоотношений со своим отцом, модель отцовства своего отца, культурные, социальные и семейные особенности, физическое, психическое и психологическое здоровье [10].

Ю. В. Борисенко, А. Г. Портнова в своей работе опираются на данные, согласно которым многие проблемы мужчин, бегущих от отцовства, обусловлены прежде всего ролевым конфликтом: для одних роль отца несовместима с профессиональным ростом и ролью «свободного» мужчины, для других сложности взаимоотношений с собственными родителями и связанная с этим безответственность являются препятствием для выполнения отцовской роли [2, с. 127].

Что касается отцов аномальных детей, то Л. А. Пастухова в процессе диссертационного исследования получила следующие данные: многие из отцов

при рождении ребенка с нарушенным развитием склонны к реакции психологического отказа от него чаще всего тогда, когда речь идет о сыне. Причинами этого являются ориентация отцов на будущее и более сильное, чем у матерей, ощущение своей ущербности перед социумом из-за дефекта ребенка, снижение самооценки, что приводит к гневу и агрессивности по отношению к другим членам семьи [12, с. 51—52].

По нашему мнению, проблематика девиантного отцовства имеет взаимосвязь с *патеральной (отцовской) депривацией*, о которой пишет Н. В. Федорова [14]. Согласно данному автору, патеральная депривация возникает в случае отсутствия отца или его отчужденности от ребенка. О ней можно говорить, когда дети живут со своими незамужними или по иным причинам одинокими матерями [14, с. 442—443].

По М. О. Ермихиной, существует связь между безучастностью отца в семье и оценкой своего ребенка как зависимого и несамостоятельного. Невнимательность, дистанцирование отца от воспитания детей, семейных забот нередко является для ребенка показателем того, что он не любим, обделен вниманием, в данном случае со стороны отца. В связи с этим в его характере начинают складываться такие черты, как зависимость, несамостоятельность, которые в какой-то степени направлены на привлечение внимания, в частности со стороны отца [4, с. 69—71].

Важно подчеркнуть, что тяжелее всего переносят отсутствие отца мальчики до четырех лет. Если мальчик теряет отца в первые четыре года своей жизни, то это сказывается на нем даже спустя многие годы, когда он становится подростком, а затем юношей (А. М. Фонарев) [13, с. 109].

Н. А. Коркина приводит данные о том, что дети «холодных» отцов чаще застенчивы, тревожны, их поведение более антисоциально. Напротив, эмоциональная близость с отцом положительно отражается на ребенке [7, с. 122].

Нельзя не сказать, что проблема родительской депривации связана с проблематикой *ненадлежащего родительства*, о которой пишет О. В. Лопес Гильермо [9, с. 276]. В свете изучаемого нами вопроса данное явление касается отцовского поведения, ведь очевидно, что девиантное отцовство — это и есть ненадлежащее родительство.

На основании изученной литературы (Р. В. Овчарова [11], Р. В. Манеров [10], Н. В. Федорова [14] и другие) нами была предпринята попытка разработки модели развития отцовства.

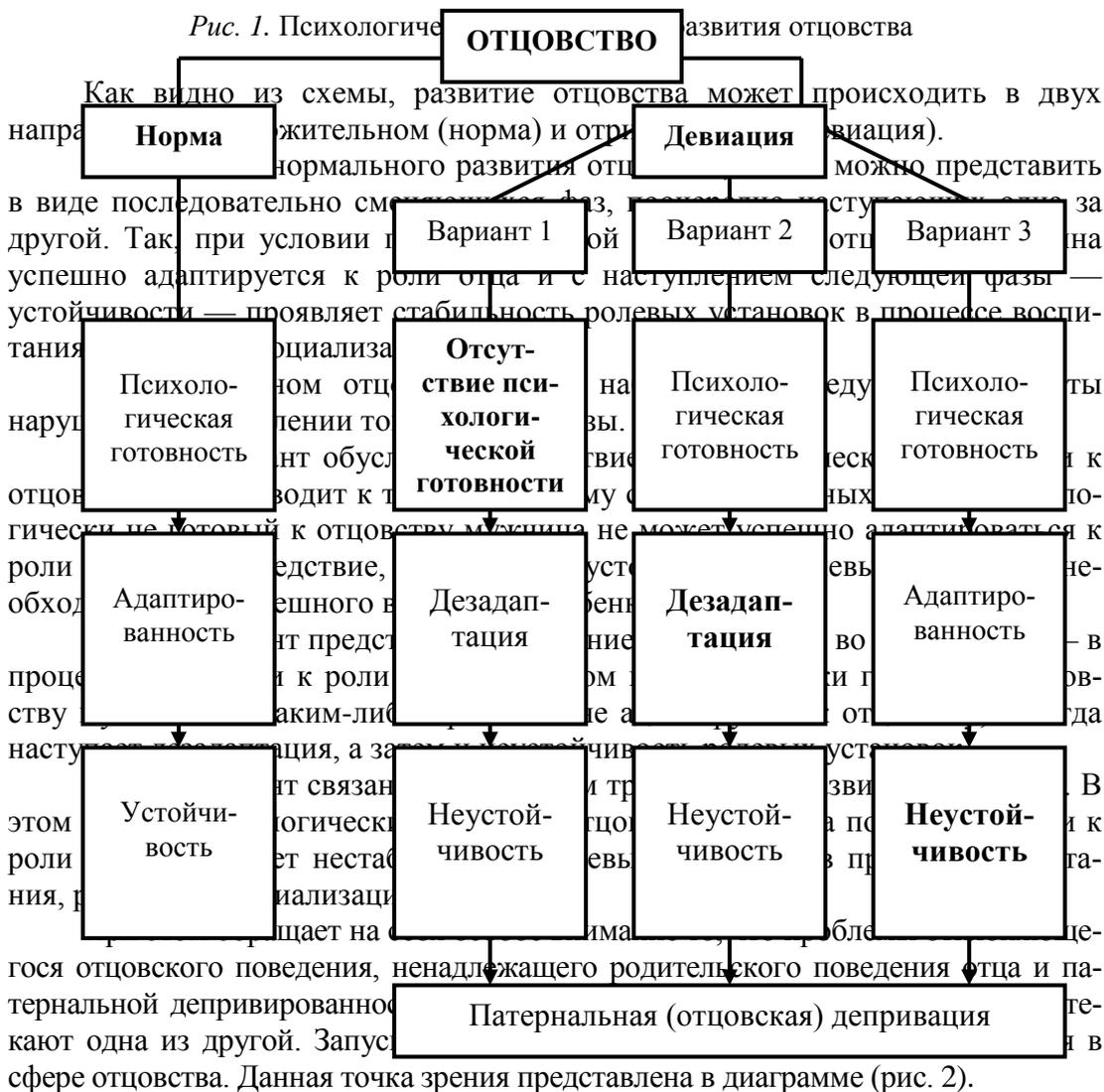
По нашему мнению, модель развития отцовства определяется следующими параметрами: психологической готовностью, адаптированностью, устойчивостью.

Психологическая готовность понимается нами как сформировавшееся в процессе онтогенетического и социального развития мужчины желание продолжить свой род и способность испытывать родительские чувства, в основе которых в качестве запускающего механизма лежит отцовский инстинкт.

Адаптированность, по нашему мнению, — это позитивное личностное принятие собственного статуса отца в психологическом, социальном, демографическом, экономическом и других аспектах.

Устойчивость — стабильность ролевых установок мужчины-отца в процессе воспитания, развития и социализации ребенка.

Психологические особенности развития отцовства в норме и девиации представлены в схеме (рис. 1).

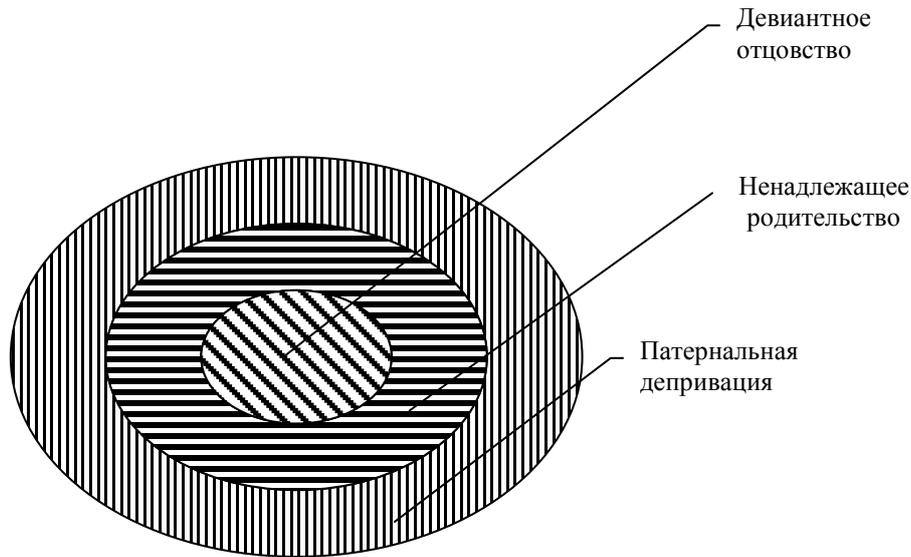

Рис. 2. Девиация в сфере отцовства как причина ненадлежащего родительства и патеральной депривации

Важно подчеркнуть, что в качестве решения проблем девиации в сфере отцовства могут быть разработаны методы психологической помощи и психологической коррекции для успешной адаптации таких мужчин к отцовству [10].

Также нельзя не сказать то, что, согласно Р. В. Овчаровой [11], чем выше ценностная значимость семьи для мужчины, тем активнее он участвует в воспитании ребенка.

Проблематика изучения отклоняющегося отцовского поведения является чрезвычайно актуальной на современном этапе развития общества и имеет широкие перспективы развития, как в нашей стране, так и за рубежом.

Библиографический список

1. Беляева Т. Б., Сокол О. В. Стереотипы современного отцовства // Психологические проблемы современной российской семьи : материалы Второй Всерос. науч. конф. : в 3 ч. / под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. М., 2005. Ч. 1. С. 123—132.
2. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопр. психологии. 2006. № 3. С. 122—130.
3. Евсеенкова Ю. В. Система отношений в диаде «отец — ребенок» как фактор развития личности // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. С. 30—47.
4. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 168 с.
5. Зелевская Н. А. Проблема воспитания детей в семье в русской педагогике второй половины XIX — первой половины XX века : дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2003. 169 с.

6. *Карабанова О. А.* Образ детско-родительских отношений у современных российских подростков // Психологические проблемы современной российской семьи. Ч. 2. С. 105—111.
7. *Коркина Н. А.* Отцовство в современной семье // Там же. Ч. 1. С. 117—123.
8. *Крюкова В. И.* Отношение отца к новорожденному // Там же. Ч. 2. С. 241—243.
9. *Лопес Гильермо О. В.* Ненадлежащее родительство как предпосылка криминальной мотивации несовершеннолетних // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2004. № 4 (7). С. 271—281.
10. *Манеров Р. В.* Психология отцовства // Ежегодник Рос. психол. о-ва : материалы 3-го Всерос. съезда психологов, 25—28 июня 2003 г. : в 8 т. СПб., 2003. Т. 5. С. 284—288.
11. *Овчарова Р. В.* Психология родительства. М. : Академия, 2005. 368 с.
12. *Пастухова Л. А.* Детско-родительские отношения в семьях с детьми, имеющими недоразвитие интеллекта : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006. 216 с.
13. Развитие личности ребенка / под ред. А. М. Фонарева. М. : Прогресс, 1987. 269 с.
14. *Федорова Н. В.* Патеральная депривация в условиях семейного воспитания // Психологические проблемы современной российской семьи. Ч. 3. С. 442—444.

ГЕНДЕР И РЕЛИГИЯ

ББК 63.3(2)-283.2:86.372.24

А. А. Федотов

РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XX — НАЧАЛЕ XXI В.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых Архиерейским Собором 2000 г., отмечается, что «с самого начала бытия церковной общины женщина деятельно участвует в ее устройении, в литургической жизни, в трудах миссии, проповедничества, воспитания, благотворительности» [11, с. 377]. Однако из административной и общественной деятельности в Церкви, открытой для женщин, в российской церковной традиции можно назвать только руководство женскими монастырями, которые возглавлялись настоятельницами и внутри которых все административные должности занимали его насельницы. При этом иногда авторитет некоторых игумений и монахинь был очень высоким. Но лишь в XIX в. в России встал вопрос о более активном привлечении женщин к участию в различных сферах церковной деятельности.

Первым поднял эту проблему архимандрит Макарий (Глухарев). В 1837—1838 гг. он разработал и представил в Синод обширный законопроект о реформе миссионерского дела. В этом проекте четыре главы (с 28-й по 31-ю) рассматривали тему участия женщины в миссии и предлагалось открыть специальные женские училища, которые готовили бы женщин-миссионеров. Помимо частного миссионерства (организации вечеров, посиделок, собеседований и т. д.), предлагалось разрешить женщинам исполнять при храме обязанности чтеца, певца, звонаря. Но в Синоде этот проект не нашел сочувствия. Тем не менее желание участвовать в осуществлении внутренней и внешней миссии высказывалось женщинами все более активно, причем не столько словами, сколько делами. Все они не выходили за рамки церковных канонов: это была помощь больным, заботы о храмах, организация приютов, библиотек, народных школ [4].

Принимая во внимание деятельность женщин, официальная власть начала работу по рассмотрению и выработке правовых норм, упорядочивающих данный вопрос. Предполагалось разрешить «прихожанам обою пола, особенно ревнующим об охране чистоты веры от лжеучений, и о распространении духовного просвещения, и о доброй жизни в приходах, составлять кружки миссионерские, просветительские, благотворительные и общества трезвости». Этот

же проект предполагал возродить и институт диаконисс, составив для них специальную инструкцию, в которой оговаривалась бы область деятельности и образ жизни [4].

К началу XX в. в России все острее вставал вопрос о высшем женском богословском образовании. С одной стороны, было необходимо готовить кадры для епархиальных женских училищ, церковных школ различного уровня, а с другой — в обществе, особенно после 1905 г., рос интерес к вопросам религии и веры. Одна из первых попыток создания женских богословских курсов была предпринята в Казани в 1907 г. На курсы принимались лица женского пола с образованием не ниже среднего. Обучение должно было длиться два года. Желавшие получить после прослушивания курсов удостоверение об окончании, подвергались испытаниям по всем предметам. На курсы записалось 30 слушательниц. Казанские женские богословские курсы не давали оканчивавшим их никаких прав. Это, видимо, и послужило причиной того, что число слушательниц уменьшалось. Отсутствие же общежития практически делало невозможным посещение занятий жительницами других городов (хотя в канцелярию и поступали подобные вопросы). В 1913 г. на курсы было подано всего 5 прошений, и за малочисленностью слушательниц чтение лекций на курсах было временно приостановлено.

В Москве подобные курсы были открыты 11 октября 1910 г. Лекции читались два раза в неделю по вечерам. Записалось на курсы 130 человек. Однако и эти курсы не давали закончившим их никаких прав. Тем не менее мысль об учреждении высшего женского богословского учебного заведения разделялась многими церковными деятелями. 18 декабря 1913 г. Синод признал необходимым открыть временно до утверждения проекта положения об институте с начала 1914/15 г. в Москве в Скорбященском монастыре женские богословско-педагогические курсы. Начальницей курсов стала настоятельница Скорбященского монастыря игуменья Нина. В 1914 г. были опубликованы и правила приема на курсы. Однако Первая мировая война помешала началу занятий, и 13 августа 1914 г. Синод постановил отложить открытие курсов.

Они открылись только 8 ноября 1916 г. торжественным богослужением в училищном храме Скорбященского монастыря. На следующий день начались занятия. Были приняты 60 слушательниц. Однако по утвержденному положению и эти курсы не могли претендовать на признание их высшим учебным заведением и на получение соответствующих прав: учебные планы ни в отношении общеобразовательных научных дисциплин, ни в отношении богословских не соответствовали учебным планам высшей школы. В конце учебного года обнаружилось, что дальнейшее существование курсов находится под большим сомнением из-за недостатка помещений. По окончании годовых зачетов на общем заседании преподавателей под председательством епископа Димитрия работа курсов на прежних основаниях была признана невозможной. 12 июня 1917 г. курсы «в соответствии с изменившимися условиями русской жизни» были объявлены закрытыми.

Однако меньше чем через месяц игуменья Нина собрала несколько членов совета для восстановления курсов. Она сообщила, что нашлись благодотворители (Е. Н. Шевлягина), готовые дать средства для постройки здания курсов

на монастырской земле. Было постановлено реорганизовать курсы на новых основаниях. Согласно вновь составленному уставу курсы стали называться «Высший женский богословско-педагогический институт». Это было высшее учебное заведение особого типа. 22 сентября 1917 г. устав был утвержден Синодом. Институт имел два отделения — историческое и словесное. Богословские и философские предметы преподавались слушательницам обоих отделений. Были выдержаны программы высших женских историко-литературных курсов — по образцу существовавших в России в университетских городах.

В августе в газетах было помещено объявление о приеме прошений в институт. 2 октября 1917 г. состоялся торжественный молебен, возглавленный св. митрополитами Владимиром и Тихоном (Белавиным). 3 октября начались занятия. Эту дату и можно считать началом высшего женского богословского образования в России [1].

Не обошел вниманием вопрос расширения сферы деятельности женщин в Церкви и Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. Принятый им 20 апреля 1918 г. «Приходской устав» учел разработки Предсоборного Присутствия и расширил права женщины в жизни прихода. Согласно принятому уставу, женщины на равных правах с мужчинами участвуют в приходском собрании (ст. 44), могут быть избираемы в приходской совет (ст. 68), быть церковными старостами (ст. 31, примеч.). Определением от 28 сентября 1918 г. женщины могут быть псаломщицами без вхождения в клир. В «Определениях о монастырях, миссионерстве и женских духовных училищах» обращено внимание на необходимость привлечения женщин в эти области деятельности и преподавания им соответствующего образования. О положении женщины в благочинническом и епархиальном собрании «Определения» Собора ничего не говорят [4].

Декрет об отделении Церкви от государства, принятый в январе 1918 г., привел к коренным переменам в системе духовного образования. Началось закрытие духовных академий, семинарий и училищ, но на этом фоне имели место единичные попытки создания новых форм богословского образования. 16 апреля 1920 г. был открыт Петроградский богословский институт. В институт принимались лица, имеющие среднее образование — как мужчины, так и женщины. Из 60 человек, зачисленных на первый курс, было 25 женщин. Продолжительность обучения составляла три года. Среди учившихся и подавших прошение о приеме в институт женщин (последующие сведения относятся ко всему времени существования института, а не только к 1920 г.) было немало тех, кто занимались на различных богословских курсах, возникших после 1917 г., и вели занятия с детьми по Закону Божьему [1].

Летом 1925 г. протоиерей Николай Чуков разработал положение о новом высшем учебном заведении — Высших богословских курсах в Ленинграде. В сентябре положение было утверждено государственной властью, а 22 октября — Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром. По своим задачам и общему направлению научной и учебной деятельности курсы не отличались от богословского института. Изменился лишь состав преподавателей. Часть преподавателей богословского института оказались в эмиграции, некоторые ушли в обновленчество... В корпорацию Высших богословских курсов вошло немало представителей ленинградского духовенства. Курс обучения был

рассчитан на три года. Занятия начались 29 сентября 1925 г. Было зачислено 46 человек, а в течение учебного года — еще 39. К концу учебного года на курсах занималось 48 женщин, среди них некоторые имели высшее образование (Е. С. Геркен, М. И. Морская, А. Х. Пален, З. М. Панкова, В. В. Нарецкая) [1].

Совет Высших богословских курсов согласно положению имел право принимать научные труды на соискание степени кандидата богословия. В 1926/27 учебном году работу «Сотериология св. Кирилла Александрийского» подала в совет монахиня Дамиана (Соболева). Рецензировал ее профессор-протоиерей Виталий Лебедев. «Пред нами... далеко не обычное явление, — говорил о монахини Дамиане протоиерей Николай Чуков, — человек светский по воспитанию и образованию, весьма далекий от церковного мира по своей профессии, специализировавшийся в науке, в которой многие хотят видеть антипод религиозному мировоззрению, — этот человек, вместе с тем, теперь, в годы как бы официального торжества у нас материалистического мировоззрения, в годы общего смущения и как бы некоторой боязни соприкоснуться чему-либо из мира церковного, — в эти годы этот человек, доктор и ученый-химик, идет в Богословский институт, проходит курс богословских наук, всецело горит преданностью Богу, принимает монашеский сан, работает в области богословия и даже — первая из женщин у нас — получает звание кандидата богословия...» [3].

Однако затем богословское образование было полностью ликвидировано, а по возрождении его в послевоенные годы получение такого образования женщинами стало возможным лишь на регентских и псаломщицких курсах и в школах. Это обуславливалось тем, что богословское образование в России того периода носило узкопрактический характер. Оно предполагало подготовку лишь лиц, ответственных за «отправление культа», но никак не теоретиков.

Поместные Соборы 1945 и 1971 гг. мало коснулись вопроса участия женщин в церковной жизни и практически оставили его без изменения. А вот в «Уставе об управлении Русской Православной Церкви», принятом на Поместном Соборе 1988 г., уже прямо говорится о привлечении женщин к работе епархиального собрания (ст. 28) [6, с. 35]. В Уставе предполагалось, что женщины могут учить вне храма, имея соответствующее образование и под наблюдением прихода или епархиального органа; создавать сестричества, общины, центры милосердия и духовного просвещения; они могут участвовать в образовании прихода, работе приходского собрания (см.: [4]).

Необходимо отметить, что в своем выступлении на этом Поместном Соборе митрополит Сурожский Антоний (Блум) акцентировал свое внимание на следующем: «Сурожская епархия единогласно выбрала представителем их мирян одну из самых замечательных женщин нашей английской эмиграции — вдову Николая Михайловича Зернова Милицу Владимировну. Ее выбрали, потому что она более 60 лет подряд была с мужем свидетельницей, проповедницей Православия в Англии. Через них Православие узнали, полюбили, к Православию потянулись. И ответ, который я получил от Патриархии, заключался в том, что нежелательно привезти женщину, как представительницу нашей епархии. Я считаю, что в Церкви Русской здесь, так же как и везде, где большинство составляют женщины, которые здесь спасли своей стойкостью, своим героизмом Церковь в самые мрачные и страшные годы, я считаю, можно при-

знать право за женщиной быть представительницей своей епархии, что мы можем благоговейно и благодарно относиться к женщине, а не только делать отжившее давным-давно различие между мужчиной и женщиной» [6, с. 390].

И можно констатировать, что за годы, прошедшие после этого Собора, ситуация существенно изменилась. В 1992 г. в Москве был открыт Православный Свято-Тихоновский богословский институт (в настоящее время гуманитарный университет), впервые в послевоенное время предоставивший возможность получения женщинами высшего богословского образования [7, с. 6]. Как отмечал в июне 2007 г. ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Владимир Воробьев, «студентки составляют примерно 50 процентов учащихся Свято-Тихоновского университета. Девушки учатся на общих основаниях с юношами, за исключением пастырского отделения богословского факультета. Но есть специальности, больше привлекающие девушек, например церковное пение, педагогика начальной школы. Кафедра церковного шитья, возрождающая древнее искусство золотошвеек, целиком женская. Многие специальности открывают девушкам возможность церковного служения — в качестве регентов, певчих, иконописцев, реставраторов, преподавателей воскресных школ в социальных, образовательных, издательских учреждениях Церкви» [8].

18 марта 2003 г. в Православном Свято-Тихоновском богословском институте (ПС-ТБИ) преподаватель М. В. Киреева вынесла на обсуждение диссертацию «Комментарий на Евангелие от Иоанна Оригена и святителя Кирилла Александрийского (экзегетические методы)»; научный руководитель — епископ Иларион (Алфеев). Члены совета в результате тайного голосования признали соискателя достойной присуждения степени кандидата богословия. М. В. Киреева, таким образом, стала второй в истории Русской Православной Церкви женщиной, которая удостоена кандидатской степени в области богословия [2].

Первой женщиной в Русской Православной Церкви, которой была присуждена церковная докторская ученая степень, является Сухова Наталия Юрьевна (род. 31 ноября 1964 г. в Москве). В 1986 г. она окончила механико-математический факультет МГУ. В 2000 г. — миссионерско-катехизаторский факультет Православного Свято-Тихоновского богословского института. В этом же году она начала преподавать на кафедре истории Русской Православной Церкви этого института (с 2004 г. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета), с марта 2006 г. в должности доцента. В 2005 г. она стала первой в истории Русской Православной Церкви женщиной, которой была присуждена ученая степень магистра богословия за диссертацию «Уставы православных духовных академий 1869 и 1884 гг. и их значение для богословского образования в России». При этом необходимо отметить, что изначально диссертация была представлена на соискание ученой степени кандидата богословия, но ученый диссертационный совет ПС-ТГУ посчитал ее достойной присуждения более высокой степени. В связи с отменой в Русской Православной Церкви ученой степени магистра, как промежуточной между кандидатом и доктором, вероятно, можно говорить о Н. Ю. Суховой и как о единственной женщине, имеющей ученую степень магистра богословия в этой аттестационной системе. В 2007 г. Н. Ю. Суховой была присуждена ученая степень канди-

дата исторических наук за работу «Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века». В 2008 г. ВАК РФ ей было присвоено ученое звание доцента. В 2010 г. ей присуждена ученая степень доктора церковной истории за диссертацию «Система подготовки и аттестации научно-педагогических кадров в православных духовных академиях России (XIX — начала XX в.)» [10].

Женщинам стала доступна и административная работа в церковных учреждениях, в том числе высшего профессионального религиозного образования. Например, в Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии, открытой в 2002 г., в течение нескольких лет в качестве проректора по учебной работе трудилась монахиня Макария (М. С. Беккер), в качестве проректора по учебной работе заочного отделения — Т. В. Белова [9, с. 14].

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечается, что «высоко оценивая общественную роль женщин и приветствуя их политическое, культурное и социальное равноправие с мужчинами, Церковь одновременно противостоит тенденции к умалению роли женщины как супруги и матери. Фундаментальное равенство достоинства полов не упраздняет их естественного различия и не означает тождества их призвания как в семье, так и в обществе» [11, с. 377].

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своих выступлениях подчеркивает, что женщина должна занимать активную позицию в обществе, но помнить о своем первоочередном долге жены и матери. Об этом Предстоятель Русской Православной Церкви говорил, выступая на открытии Первого Всероссийского форума православных женщин в Москве 3 декабря 2009 г. По словам Патриарха, активное участие женщин необходимо «во всех сферах общественной жизни». Это позволило бы «сделать так, чтобы голос верующих был услышан. Но одновременно роль женщины как жены и матери, хранительницы очага ни при каких условиях не может быть реформирована». Патриарх отметил, что сегодня во многих православных семьях можно столкнуться с таким явлением, как «гиперпатриархальность», когда женщина сознательно отказывается от профессиональной самореализации, работы, общественного призвания.

Патриарх выразил убежденность в том, что «сегодня православная христианка должна занимать активную общественную позицию, быть хранительницей христианских нравственных ценностей в семье и обществе». По его словам, женщина-христианка, помимо осознания себя женой и матерью, «должна осознавать себя полноправным членом гражданского общества, ответственным за судьбу страны». «Церковь, Отечество и даже весь мир ожидает активности действий от верующих женщин», — сказал Патриарх Кирилл [5].

Необходимо здесь отметить, что упомянутое Патриархом явление «гиперпатриархальности» в некоторых из современных православных семей может привести к распаду такой семьи (зачастую многодетной). Причиной в большинстве подобных случаев является духовная и психологическая незрелость мужчин, неготовых до конца нести однажды принятую на себя ответственность. В то же время имеется много примеров и того, что женщины, вполне состоявшиеся как жены и матери, одновременно проявляют профессио-

нальную и общественную активность. Вера же выступает здесь неким стержнем, укрепляющим целостность личности православной женщины, формирующим ее мировоззрение и во многом обуславливающим ее жизненную позицию.

Таким образом, можно говорить о существенном расширении сферы деятельности женщин в Русской Православной Церкви в XX в. Первые попытки инициатив в этом направлении, предпринятые еще в 30-х гг. XIX в., дали свои реальные плоды лишь в XX в. Значительную роль здесь сыграли решения Поместного Собора 1917—1918 гг. Для женщин в России стала открыта возможность получения высшего православного богословского образования. В 1927 г. в России появилась первая женщина кандидат богословия (вторая, правда, смогла получить такую степень лишь более 70 лет спустя — в 2003 г.). В 2010 г. первая в истории Русской Православной Церкви женщина получила ученую степень доктора церковной истории. Для женщин стала открыта возможность административной работы, в том числе в православной высшей школе.

Все эти процессы свидетельствуют о том, что исторически многообразное участие женщин в церковной жизни с ходом развития общественных отношений может принимать новые формы, которые при условии отсутствия в них принципиальных противоречий с церковной традицией занимают свое достойное место в Церкви, способствуя расширению ее общественной миссии.

Библиографический список

1. *Бовкало А. Л.* Высшее женское богословское образование в России в 1910—1920-х годах. URL: <http://www.smolensk-seminaria.ru/uD/materiali/1994/1.php> (дата обращения: 07.11.2010).
2. Впервые в истории Свято-Тихоновского института диссертацию на соискание степени кандидата богословия защитила женщина. URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=news&id=8638> (дата обращения: 07.11.2010).
3. *Григорий*, митрополит Ленинградский и Новгородский. Избранные речи и слова (1895—1954 гг.). Л., 1954. (Машинопись в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии). URL: <http://www.smolensk-seminaria.ru/uD/materiali/1994/1.php> (дата обращения: 07.11.2010).
4. *Киселев М.* Служение женщин в Православной Церкви. URL: <http://www.orthedu.ru/culture/vera/8.htm> (дата обращения: 05.11.2010).
5. Патриарх ждет от православных женщин активности, но предостерегает от «неразумного мужеподобия». URL: http://www.newsru.com/Новости_конфессий/03dec2009/frauen2.html (дата обращения: 07.11.2010).
6. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1988 года : материалы. М., 1990. 480 с.
7. Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1992—2002. М., 2002. 288 с.
8. Православная кузница кадров. URL: <http://religion.ng.ru/society/2007-06-20/4> (дата обращения: 08.11.2010).
9. Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская православная духовная семинария. Б. м., б. г. 16 с.
10. Сухова, Наталия Юрьевна. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%D0%B0> (дата обращения: 07.11.2010).

11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 года : материалы. М., 2001. С. 329—410.
ББК 60.524.252

Т. П. Белова

ЖЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В результате легализации и устойчивости социальной активности православных женщин в нашей стране в последние годы интенсивно идет процесс формирования и развития женского православного общественного движения. Какие факторы определяют его институционализацию, т. е. закрепление и воспроизведение моделей социального взаимодействия? Каковы его основополагающие цели и задачи?

Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что религия в жизни женщин играет более значимую роль, чем в жизни мужчин. Так, согласно результатам общероссийского опроса, проведенного Институтом социологии РАН в 2009 г. (N = 1749 чел.), считают религию важной для себя 65 % женщин и 38 % мужчин, а в свободное время посещают церковь, другие религиозные собрания 16 % женщин и 6 % мужчин [18, с. 142]. Аналогичные показатели отмечаются в опросах русского населения, организуемых сектором социологии религии Института социально-политических исследований РАН. Например, по данным исследования 2006 г. (N = 1497 чел.), среди русских, относящих себя к православию, доля женщин заметно превышает долю мужчин (61 и 39 % соответственно). Женщины также значительно преобладают в наиболее воцерковленных группах [20, с. 186, 191].

При этом следует учитывать, что воцерковление женщин идет разными путями. Л. П. Ипатова выделяет шесть его типов: 1) «детский», 2) «традиционный», 3) «бунтующий», 4) «образцово-показательный», 5) «ищущий», 6) «трагический». «Детский» тип характеризуется приобщением к церковной жизни в раннем возрасте на фоне опыта депривации и сопутствующего ему одиночества. В более старших возрастных категориях этот тип веры преобладает у выходцев из низкостатусных, неблагополучных семей, у женщин с повышенной доверчивостью, открытостью, сострадательностью и т. п. [9, с. 160]. «Традиционный» путь воцерковления — это путь социализации в православной культуре через влияние значимых других: родных, друзей, знакомых, сослуживцев. Поэтому стиль поведения «традиционно» приходящих к вере людей отличается повышенным конформизмом [9, с. 161—163]. Представительницы «бунтующего» типа, воцерковляясь, признают свои прежние убеждения и дела заблуждениями. И если раньше основным их желанием было изменение своего положения в окружающем мире, то теперь главным становится изменение своей собственной «падшей природы», ее очищение и уход из-под «власти греха» (из-

бавление от вредных привычек, недостатков характера и т. п.) и восприятие церкви в первую очередь как воюющей против греховного мира [9, с. 169—170]. Путем воцерковления «образцово-показательного» типа чаще других следуют деятельные общественницы с четкими, соответствующими духу времени моральными убеждениями, любознательные, инициативные, коммуникабельные, радеющие за честь своего коллектива, часто его формальные или неформальные лидеры. Они стремятся в максимально короткие сроки освоить традицию и стать «настоящими» христианками без всяких послаблений и оговорок, т. к. приходят к пониманию того, что быть православной — это «правильно», а значит, необходимо [9, с. 170—171]. Для тех, кто представляет «ищущий» путь воцерковления, характерно наличие периода духовных поисков до обращения, а также воцерковление через основательное изучение православной традиции, активное чтение религиозной литературы, посещение лекций, часто получение религиозного образования. Основной установкой его представительниц является требование постоянной внутренней работы и изменения [9, с. 174, 177]. Следующие «трагическим» путем воцерковления обращаются к Богу, как правило, только в самом крайнем случае, когда своих сил принять существующее положение вещей уже не хватает. Вера является для них своего рода механизмом совладания с кризисной ситуацией [9, с. 178, 180].

Типологическое различие путей воцерковления женщин накладывает глубокий отпечаток на характер и динамику их религиозной жизни [9, с. 187], в том числе на мотивы участия в социальной деятельности церкви. Например, можно предположить, что рост числа православных писательниц, женщин, получающих духовное образование, защищающих диссертации по богословию, становящихся преподавателями различных богословских дисциплин в духовных семинариях, называемый профессором Московской духовной академии протодиаконом Андреем Кураевым «феминизацией церковной жизни» [11], коррелирует с «ищущим» типом женского воцерковления. В то же время женщины, воцерковлявшиеся «образцово-показательным» путем, играют ключевую роль в социальном служении РПЦ, определяемом в официальном церковном документе как «инициированная, организованная, координируемая и финансируемая Церковью или с помощью Церкви деятельность, имеющая своей целью оказание помощи нуждающимся» [13].

Важно отметить, что институционализация женского православного общественного движения включает не только закрепление современного опыта, но и реабилитацию и восстановление предшествующих традиций женского служения. В частности, в 1992 г. началось возрождение Марфо-Мариинской обители милосердия, основательницей и первой настоятельницей которой была великая княгиня св. Елизавета Федоровна, а основными видами деятельности — помощь сиротам, неизлечимым больным, бедным семьям [12].

В советские годы православие выжило во многом благодаря женщинам (так называемым «белым платочкам», представительницам низкостатусных групп). Из-за катастрофической нехватки мужчин внутри церковной ограды в это время существенно изменилась роль женщин в храме: именно с этих пор они читают и поют, нередко руководят хором, избираются в приходские советы [10]. Сегодня эти формы церковной деятельности стали традиционными.

В начале 1990-х гг., в условиях массового возвращения храмов, среди прихожанок увеличивается количество более образованных и социально активных женщин, принимающих деятельное участие в их восстановлении и в строительстве новых храмов, а в начале нулевых в различных регионах России появляются первые общественные объединения православных христианок [10].

В настоящее время мобилизации внутренних ресурсов женских православных организаций содействует поддержка патриарха Кирилла, который не считает целесообразным сводить роль женщины только к домашним делам, т. е. к гендерному контракту домохозяйки [7, с. 37]. Он нередко подчеркивает, что, например, в сельской местности сегодня порой именно женщины остаются «единственной дееспособной частью нашего населения». Поэтому глава РПЦ убежден, что без активного участия православных женщин в различных сферах общественной жизни «голос верующих» не будет услышан [6].

Важной вехой в институционализации женского православного общественного движения в России явился I Форум православных женщин, состоявшийся в начале декабря 2009 г. в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя. Его организатором выступил Всемирный Русский Народный Собор. Мероприятие проводилось при поддержке Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества. Среди организаций — участников форума были: Благотворительный фонд имени Ея Императорского Высочества великой княгини Ольги Александровны, женский православный журнал «Славянка», Координационный совет женских благотворительных организаций Русской Православной Церкви, Марфо-Мариинская обитель милосердия, Общество во имя святой равноапостольной великой княгини Ольги, Общероссийская общественная организация «Деловые женщины России», Общероссийское общественное движение «Женщины во власть», Общероссийское общественное движение сельских женщин России, Совет женщин Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российский фонд культуры, Союз писателей России и многие другие как церковные, так и светские женские организации. На форуме присутствовали более 1 000 женщин из 37 регионов страны. Его работа строилась по следующим направлениям: «Образование и воспитание: семья, школа, общество»; «Женщина в Церкви»; «Болезни общества и пути их уврачевания»; «Милосердие и благотворительность» [19].

В декларации, принятой по итогам работы форума, были обозначены стратегические цели и задачи женского православного общественного движения, в том числе следующие [5]:

— содействовать разработке и применению государственных социальных программ по поддержке семьи и материнства, увеличению дотаций и их периодической индексации, соблюдению права на качественное медицинское обслуживание, обеспечению семей в необходимых количествах дошкольными и образовательными учреждениями, усилению контроля за соблюдением трудового законодательства в отношении женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком;

— способствовать созданию механизмов влияния и продвижения православных женщин в представительных органах власти разного уровня;

— выступать в защиту прав родителей на самоопределение в вопросах религиозного воспитания детей в образовательных учреждениях;

— поддерживать проекты, выступающие против стереотипов общества потребления, транслирующихся через СМИ детям и молодежи;

— противодействовать порокам, поражающим и делающим несчастными детей и юношество, — алкоголизму, наркомании, игромании, культу разврата, порнографии, торговле женщинами и детьми;

— поставить перед соответствующими государственными и общественными организациями вопрос о дискриминации домохозяек, фактически существующей в России.

Всероссийский православный женский форум также принял решение о создании Союза православных женщин. После одобрения этой инициативы патриархом Кириллом и Священным синодом 25 июня 2010 г. в Москве прошел учредительный съезд Союза, в котором участвовало более 100 членов общественных организаций из разных регионов России. В принятом на съезде уставе Союза отмечается, что эта организация будет иметь международный характер и что она создается ради консолидации работы православных христианок в духовно-просветительской, культурной, благотворительной и иной общественно полезной деятельности. Сформулированные в уставе цели Союза фактически повторяют текст декларации I Форума православных женщин [1]. Поскольку одной из них является защита прав домохозяек, в совет Союза вошла председатель профсоюза работников домашнего хозяйства «8 Марта» М. Ракша [17]. Представительство в Союзе разнообразных общественных организаций позволяет ему выступать субъектом «диалога между светскими женскими организациями и Церковью» [4].

Программное значение для женских общественных православных организаций имеют предложения патриарха Кирилла по совершенствованию национальной политики в сфере заботы о семье и детстве, опубликованные в январе 2011 г. [15]. Они затрагивают такие насущные социальные проблемы, как противодействие абортам, поддержка многодетной семьи, оказание помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Глава РПЦ, в частности, предлагает ввести в практику медицинских учреждений по примеру развитых зарубежных стран обязательный двухнедельный период ожидания после оформления «информированного согласия», которое женщина подписывает перед совершением аборта. Кроме того, он выступает за создание при каждом роддоме центра кризисной беременности с участием психолога и представителей традиционных религий, а также за организацию сети приютов для одиноких матерей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, причем, по мнению патриарха, государство «могло бы предоставлять помещение и ресурсы для создания таких центров, а Церковь — помочь в подготовке их сотрудников, в особенности добровольцев милосердия». Еще одно важное предложение патриарха Кирилла — вывести операции по прерыванию беременности (за исключением случаев прямой угрозы жизни матери) из системы медицинского страхования и включить «в образовательные программы средних учебных заведений материалы, разъясняющие процесс развития ребенка в утробе матери».

В области поддержки многодетной семьи предложения главы РПЦ носят социальный характер: приравнять труд матери по воспитанию детей к другому общественно полезному труду; создавать жилищные проекты для многодетных

семей с учетом близости к образовательной инфраструктуре; создать механизмы поощрения работодателей, предоставляющих специальные пособия многодетным сотрудникам и включающих помощь семьям с детьми в социальный пакет, и ряд других.

В сфере помощи детям, оставшимся без попечения родителей, патриарх считает целесообразным поощрять создание попечительских советов детских домов, состоящих из представителей общественных организаций и традиционных религий, а также разработать в числе санитарных норм жизни ребенка в детском доме возможность постного питания начиная с определенного возраста с учетом желания ребенка и медицинских норм.

В отношении законотворческой работы, связанной с защитой семьи и детства, патриарх в числе прочего предлагает строго минимизировать и четко прописать в законодательстве условия, при которых возможно внесудебное изъятие детей из семьи.

В ответ на указанные инициативы патриарха Кирилла член президиума международного Союза православных женщин, глава попечительского совета программы «Святость материнства» Н. Якунина выступила за повсеместное учреждение в России консультационных центров для женщин, желающих сделать аборт. В качестве успешного примера она привела Красноярск, где в рамках программы «Святость материнства» уже несколько лет проводятся пред-абортные беседы-консультации, по итогам которых от абортот отказываются 16—20 % женщин. В 2010 г. к этому проекту присоединились Вологда, Орел, Рязань, Саранск и Смоленск [2].

Следует также указать на опыт Ивановской областной организации «Общественный комитет защиты детства, семьи и нравственности», созданной в 2002 г. (руководитель — Е. В. Язева), больше известной как «Колыбель». Ее члены (все — православные верующие) занимаются не только преабортными консультациями в городских больницах совместно с врачами, но и социальной реабилитацией (прежде всего воссоединением семей), оказывают материальную и психологическую помощь женщинам с детьми, находящимся в сложной жизненной ситуации.

На средства, получаемые от Национального благотворительного фонда, и на пожертвования частных лиц был создан приют, где матери с младенцами могут жить в среднем месяцев десять после родов. Проживающие здесь женщины сами осуществляют уборку помещений, приготовление пищи, занимаются огородом. Когда женщина выходит на работу, ребенок направляется в детский сад, организованный «Колыбелью», за который первое время оплата не требуется. Всего через приют прошло 200 чел., из них 95 % женщин были либо безработными, либо работавшими без оформления (в основном швеями), а вообще при участии «Колыбели» родилось более 500 детей. Поэтому можно заключить, что в Иванове создан уникальный общественный «центр защиты материнства», поле деятельности которого — «от выявления беременных до возвращения их в семью или к нормальной жизни» [8].

Первостепенное значение для институционализации общественного православного движения в целом и женского в частности имеют документы Архиерейского собора РПЦ («Общественная деятельность православных христиан»

[14] и «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви» [13]), принятые в начале февраля 2011 г.

В первом из них подчеркивается, что для общественных организаций, именуемых себя православными, недопустимо «принудительное единомыслие», но при этом их деятельность «должна осуществляться в согласии со Священным Писанием и Преданием, с позицией священноначалия», прежде всего правящего архиерея, а в необходимых случаях — общецерковных структур [14].

Более подробно организационная структура социального служения РПЦ прописана во втором документе [13]. В нем указываются пять уровней координации церковной социальной работы: 1) общецерковный (его курирует Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению); 2) епархиальный (контролируется правящими архиереями и епархиальными подразделениями, работающими в области социального служения и благотворительности); 3) благочиннический (под руководством благочинного, а непосредственное осуществление этой работы должно быть возложено на штатного благочиннического социального работника); 4) приходской (находится в компетенции настоятеля, а непосредственное администрирование и выполнение этой работы должен осуществлять штатный приходской социальный работник); 5) монастырский (устройство при обителях церковных богаделен, приютов, благотворительных трапезных для неимущих и т. п.).

Православным христианам в области организованной социальной работы предписываются следующие статусно-ролевые позиции: 1) координатор социальной деятельности — клирик или мирянин, являющийся штатным сотрудником церковного института, получающий зарплату; 2) штатный сотрудник церковного социального учреждения (детского дома, приюта, богадельни, благотворительной столовой и т. д.), для которого церковная социальная работа является основным родом профессиональной деятельности; 3) сестра милосердия — член сестричества, т. е. руководимого духовником объединения женщин, желающих посвятить себя служению милосердию либо в свободное от основной (светской или церковной) работы время, либо в штате церковного социального или медицинского учреждения; 4) доброволец (волонтер) — человек, в свободное время принимающий на безвозмездной основе личное участие в социальной церковной деятельности; 5) жертвователь — священнослужитель или мирянин, материально участвующий в обеспечении церковного социального служения; 6) член попечительского совета при социальном учреждении (церковном, государственном и иных). Женщины, таким образом, могут занимать все указанные позиции.

В делах милосердия и благотворительности РПЦ выступает за сотрудничество с центральными, региональными и местными органами власти, благотворительными и иными общественными организациями и объединениями граждан, представителями традиционных религий и конфессий, политическими партиями, профсоюзами, деловым сообществом. Из числа потенциальных социальных партнеров церкви в документе Архиерейского собора исключаются: псевдорелигиозные и оккультные группы; преступные, экстремистские или дискредитировавшие себя организации; те религиозные сообщества, которые

стремятся использовать социальную работу совместно с православными в целях прозелитизма.

Церковная социальная деятельность должна ориентироваться «не только на своих членов, но и на тех, кто к ней не принадлежит», т. е. на любые депривированные слои населения страны. В то же время она «не может порождать иждивенчество»: «Нуждающемуся необходимо не только выделять материальные средства, но и помогать в поиске правильного жизненного пути, в преодолении греховных пристрастий, а также в налаживании связей с профильными государственными службами, ибо социальное служение Церкви не должно подменять собой ответственность государства в социальной сфере» [13]. В результате на основании анализа соборных документов выстраивается следующая схема социального партнерства церкви и государства: РПЦ тесно сотрудничает с государством по социальным вопросам, использует его ресурсы, при этом государственные социальные учреждения становятся объектами церковной помощи (в том числе особого пастырского внимания со стороны клириков).

Жесткие организационные рамки накладывают отпечаток на реализацию женскими православными организациями базовой функции общественного движения по преобразованию потребностей населения в политические требования (законодательные инициативы) и их публичной актуализации [21, с. 17]. Например, «Предложения Союза православных женщин в защиту семьи, материнства и детства» являются конкретизацией и развитием аналогичных предложений патриарха Кирилла, о которых уже говорилось. Среди новых моментов следует отметить предложения по запрещению ввоза в Россию медикаментозных абортивных препаратов, ограничению процессов искусственного оплодотворения и суррогатного материнства исходя из нравственных норм и необходимости защиты прав матери и ребенка, а также требование об обязательном информированном согласии отца ребенка на искусственное прерывание беременности [16].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Женское православное общественное движение в современной России имеет ярко выраженный социальный характер и ориентацию прежде всего на обсуждение и решение специфических женских проблем (в первую очередь проблем материнства и детства).

2. Оно относится к числу носителей российского традиционализма, который «выполняет одновременно и функцию торможения адаптационных процессов, и функцию сдерживания социальной напряженности» [21, с. 294], вызванной модернизационными изменениями общества.

3. Его институционализация происходит в рамках гендерных контрактов социально активной домохозяйки и работающей матери [7, с. 227, 230]. Вопросы гендерного равенства, изменения гендерного контракта в сторону «равного статуса» [7, с. 228], которые определяют один из важнейших глобализационных процессов современности [3, с. 29], остаются вне поля интересов и деятельности женских православных общественных организаций, т. к. выходят за пределы конфессиональных принципов.

Библиографический список

1. В Москве прошел учредительный съезд Союза православных женщин. URL: <http://www.sedmitza.ru/news/1268745.html> (дата обращения: 27.06.2010).
2. В Союзе православных женщин предлагают сделать обязательными предабортные беседы-консультации. URL: <http://www.sedmitza.ru/news/1887701.html> (дата обращения: 24.02.2011).
3. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
4. *Гуманова О.* Женское, но дерзновенное. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=146> (дата обращения: 10.07.2010).
5. Декларация I Форума православных женщин. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/956972.html> (дата обращения: 09.01.2010).
6. Для освоения просторов России нужен сильный, здоровый народ — патриарх Кирилл. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=dujour&div=383> (дата обращения: 04.05.2010).
7. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О. А. Воронина. М.: МЦГИ, 2001. С. 225—234.
8. Ивановская «Колыбель». URL: <http://www.pravmir.ru/ivanovskaya-kolybel/> (дата обращения: 25.02.2011).
9. *Ипатов Л.* Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004. С. 153—189.
10. *Колымагин Б.* Гендерная мобилизация православных. URL: <http://www.ej.ru/?a=pote&id=10235> (дата обращения: 07.02.2011).
11. *Кураев Андрей, о.* В Русской православной церкви на глазах происходит феминистская революция. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=17013> (дата обращения: 09.03.2007).
12. Марфо-Мариинская обитель милосердия. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/320500.html> (дата обращения: 09.01.2010).
13. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 05.02.2011).
14. Общественная деятельность православных христиан. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400931.html> (дата обращения: 03.02.2011).
15. Предложения по совершенствованию национальной политики в сфере заботы о семье и детстве. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1386377.html> (дата обращения: 17.01.2011).
16. Предложения Союза православных женщин в защиту семьи, материнства и детства. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1108> (дата обращения: 14.04.2011).
17. *Ракша М.* Консолидация православного сообщества — женское дело. URL: <http://www.rus-obr.ru/opinions/7064> (дата обращения: 07.02.2011).
18. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.
19. Святейший Патриарх Кирилл выступил на открытии I Форума православных женщин. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/956632.html> (дата обращения: 09.01.2010).
20. *Синелина Ю. Ю.* Возвращение русских к православию // Русский вопрос / под ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Б. Орловой. М.: Экономика, 2007. С. 183—191.

21. *Халий И. А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М. : Ин-т социологии РАН, 2007. 300 с.

РЕЦЕНЗИИ

К. Эконен

ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Рец. на кн.: Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 539 с.

В то время как российская исследовательница Наталья Пушкарева на основе многочисленных примеров приходит к выводу, что в вузовских учебниках по истории отсутствует гендерный анализ (см. № 1 журнала «Женщина в российском обществе» за 2008 г.), на другом берегу океана, в США, идут разговоры о маргинальном положении женщин среди авторов «Wikipedia» и, следовательно, о маргинальном положении женщин в самой энциклопедии. Как учебники, так и «Wikipedia» являются мощными средствами оформления общего знания, поэтому и «отсутствие» женщин, и недопонимание концепции гендера здесь имеют серьезные последствия для общества. Несмотря на активность исследовательской работы в области женской истории в течение уже нескольких десятилетий, академическое и культурное сообщество в целом еще не готово к признанию роли женщин и значения гендера для истории и общества. В наше время существование большого исследовательского материала вовсе не означает достаточного желания или умения включить его в общий дискурс. В таком контексте мне и хотелось бы рассмотреть книгу Ирины Юкиной «Русский феминизм как вызов современности».

Книга охватывает период от Великих реформ 1860-х гг. до начала советской власти. В центре внимания автора — женское движение, которое рассматривается как открытая система. Подход автора является междисциплинарным: история русского феминизма изучается сквозь призму социологии, а точнее, с точки зрения социологии общественных движений. Из социологии автор заимствовала методы и понятия, которые применяет при рассмотрении интеллектуальной истории. История идей и ее связь с конкретной деятельностью женщин становятся очевидными в работе И. Юкиной. Тем самым работу нельзя считать только историей русского феминизма, она также является исследованием одного из важных аспектов истории русской интеллигенции.

Чрезвычайно богато представлены эмпирические материалы, например характеристики деятельности отдельных активисток и организаций. Работа ав-

тора в архивах и с другими историческими документами отражена на страницах книги. Подробное и информативное оглавление помогает читателю ориентироваться в тексте. Для меня работа служит настольной книгой по истории женского движения. Можно сожалеть только о том, что в ней нет именного и предметного указателей. Было бы также приятно, если бы страницы в книге не отрывались. Но за этот недостаток несет ответственность, естественно, не автор, а издатель. Местами работа Юкиной напоминает «Encyclopedia of Russian Women's Movements», но отличается тем, что автор, кроме материалов, предлагает также анализ и интерпретацию хода истории.

Интерпретация выявляет собственную позицию автора: Юкина уделяет много внимания женскому движению либеральной интеллигенции и так называемому «буржуазному феминизму» и соответственно гораздо меньше внимания — радикальным и левым представительницам женского движения. Это вполне понятно, т. к. и советская историография, и западные исследования, для которых именно левый феминизм 1970-х гг. зачастую являлся идеологической основой, прежде всего обращали внимание на более радикальные группы, что отчетливо видно, например, из названия книги Р. Стайтса «Женское освободительное движение России: феминизм, нигилизм, большевизм». Особенно отчетливо различия в позициях историков проявляются в обсуждении роли А. Коллонтай. Для западных феминистов 1970-х гг. Коллонтай была своеобразным образцом, примером для подражания и как таковая привлекала к себе внимание исследователей. Юкина, напротив, оценивает деятельность Коллонтай (например, на женском съезде 1908 г.) весьма отрицательно. Позиция автора проявляется также в том, что Юкина работает с такими источниками и документами, которые являются ценными в силу своей новизны.

С удовольствием читаю я слово «феминизм» в заглавии книги. Несмотря на то что оно, возможно, звучит слишком резко для уха непосвященного читателя, на мой взгляд, очень хорошо, что это слово употребляется и постепенно нормализуется. Хотя слово «феминизм» мы видим в названии книги, автор разделяет рассмотренный период на два этапа: 1858—1905 гг. и 1905—1918 гг. Именно последний период она называет феминистским, основываясь на том, что в эти годы женщины определили цели и задачи своей деятельности.

Огромная заслуга Юкиной заключается в том выводе, который обозначен уже в названии книги: феминизм — не только «добавочный материал» к истории, а явление, без которого понимание русской истории и общественного развития и, следовательно, современности было бы ограниченным. Юкина убедительно показывает, что женщины, требовавшие равноправия в семье и обществе, включая право на работу и учебу, а затем и избирательное право, бросили с помощью этих требований вызов обществу, который стал мощным толчком для его последующего развития.

Автор утверждает, что социальные движения меняют не только общество, но и культуру. Соглашаясь с этим утверждением, хотелось добавить, что процесс влияния не является односторонним, т. к. именно культура (например, художественная литература) нередко предшествует выражению общественных идей; художественные образы часто предшествуют формулировке идей, например, в теории общества. Следующий шаг изучения истории русского фе-

минизма заключается, на мой взгляд, в анализе взаимовлияния истории культуры, языка и общественных движений. Приведу пример: автор рассматривает отдельно дискурсы демократической прессы, консервативной прессы, беллетристики и женской прессы 1850—1860-х гг. В данной книге такое решение является обоснованным, т. к. Юкина предлагает читателям информацию о том, где и как шли дискуссии о правах женщин. Однако в дальнейшем, на мой взгляд, следует рассматривать и то, как пересекаются эти дискурсы. То же самое касается и изучения отдельных женских организаций.

Не будучи русской или российской читательницей, я считаю важным, что сейчас у нас, наряду с работой «классика» Ричарда Стайтса, появилась современная история русского феминизма, написанная российским автором, который, естественно, смотрит на историю с другой точки зрения и пишет в рамках «отечественного» дискурса. В целом огромная работа Юкиной содержит много материала, который уже известен специалистам, он предложен в таком виде, что — хотелось бы верить — его можно легко заимствовать, использовать и включать, например, в учебники по российской истории. Поэтому работа Юкиной является вызовом современным историкам.

Аннотации

Базуева Е. В. Власть как предмет исследования гендерной экономики

Обоснована необходимость и показана возможность гендерного исследования властных отношений в экономической системе с учетом достижений институциональной экономики, и прежде всего такого ее направления, как экономика власти. С этой целью использован инструментарий поведенческой модели теории власти В. Дементьева. На этой методологической основе были определены основные причины возникновения гендерной власти из взаимодействия между мужчинами и женщинами, дана сущностная характеристика видов гендерной власти, показан механизм ее воспроизводства с помощью соответствующих институтов гендерной экономики и обозначены антиэффекты действующего в современной России института гендерной власти на микро- и макроуровнях экономики, значительно снижающих эффективность ее функционирования.

Ключевые слова: власть, гендерная власть, издержки подчинения, издержки отказа, институциональная среда, экстерналии власти.

Дронов Д. С. Особенности престижного потребления у российских женщин

Выявляются особенности престижного потребления у современных российских женщин. Обобщены статистические сведения о возникновении мотивации демонстрационного поведения. Разбираются особенности формирования потребительских предпочтений ювелирных украшений.

Ключевые слова: ювелирные украшения, престижное поведение, зависть, ювелирные магазины, покупка.

Рябов О. В. «Советский враг» в американском кинематографе Холодной войны: гендерное измерение

Исследуются гендерные аспекты репрезентаций СССР в американском кинематографе Холодной войны (1946—1963), анализируются способы создания образа врага при помощи гендерного дискурса. Автор показывает, что образы советских и американских мужественности, женственности, семьи, любви выступали в качестве оружия идеологической конфронтации с СССР, а также представляли собой часть дискурса «мистики женственности», направленного на установление определенного гендерного порядка в самих США.

Ключевые слова: Холодная война, кинематограф, гендерный дискурс, фемининность, маскулинность, семья, образ врага.

Цалко Е. О. Образ русской женщины в структуре национальной идентичности русских (По материалам интервью)

Автор, используя материалы индивидуального интервью, анализирует роль образа женщины в формировании национальной идентичности русских, а также функцию этого образа как символического пограничника между русскими и другими национальностями.

Ключевые слова: национальная идентичность, гендерные идентификаторы, образ русской женщины.

Королева Т. В. Первая мировая война и женское движение во Франции

Прослеживается развитие женского движения во Франции под влиянием Первой мировой войны, выявляются характерные черты различных направлений движения до и во время войны, трансформация их целей и задач, оценивается результативность движения в целом.

Ключевые слова: Первая мировая война, женское движение, феминизм, социальный феминизм, суфражизм, социалистическое женское движение.

Лошакова Ю. П. Защита прав женщин в контексте гендерного равноправия (На материалах законодательства Швеции)

Статья посвящена анализу гендерного равноправия в шведском обществе — с акцентом на положение женщин — через призму национального законодательства. Рассматривается дело Дж. Ассанджа как злоупотребление шведским либерализмом.

Ключевые слова: гендерное равенство, положение женщин, шведское законодательство, Ассандж.

Штылева Л. В. Гендерный и квазигендерный подход в современных исследованиях по педагогике

На примере диссертационных работ (1998—2008 гг.) рассматриваются методологические проблемы использования гендерного подхода в современных исследованиях по педагогике, характеризуются различия между квалифицированным и квазигендерным подходами.

Ключевые слова: гендерный подход в педагогических исследованиях, квазигендерный подход, «вопрос пола», эссенциализм, биодетерминизм, гендерная методология.

Макарова С. Н. Гендерные особенности профессиональной подготовки студентов к трудовой деятельности

Представлены научно-методические подходы и механизмы эффективного функционирования системы профессиональной подготовки выпускников управленческих и экономических специальностей высших учебных заведений с учетом гендерных особенностей.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, гендер, управленческая деятельность.

Радина Н. К., Никитина А. А. Возможное влияние женщин как гендерной группы на трансформации мужской идентичности

Дискутируется вопрос о возможностях женщин нести ответственность за «гендерные перемены», влиять на трансформации мужской идентичности. Утверждается, что женщины являются не источниками гендерных преобразований общества, а социальными акторами, которые стремятся к «полезному использованию» общественных

преобразований из-за экономической и политической депривации их прежней социальной позиции.

Ключевые слова: гендерные отношения, гендерная социализация, мужская идентичность.

Пастухова М. В. Психологические аспекты проблематики девиантного отцовства

Рассматриваются теоретические аспекты проблематики девиантного отцовства, формы и причины отклоняющегося отцовского поведения, отражены взгляды исследователей на данный вопрос. Представлена разработанная автором модель развития отцовства (норма и девиация).

Ключевые слова: отцовство, девиантное отцовство, отклоняющееся отцовство, патерналистская депривация, ненадлежащее родительство, модель развития отцовства.

Федотов А. А. Расширение сферы деятельности женщин в Русской Православной Церкви в XX — начале XXI в.

Рассматривается расширение сферы деятельности женщин в Русской Православной Церкви в XX — начале XXI в., в том числе появление возможности получения женщинами высшего богословского образования, защиты диссертаций по богословию, занятия административных должностей.

Ключевые слова: женщина, Русская Православная Церковь, высшее образование, ученая степень, административная работа.

Белова Т. П. Женское православное общественное движение в современной России

Анализируется процесс институционализации женского православного общественного движения в современной России, раскрываются его главные цели и задачи, характеризуются основные направления и формы деятельности женских православных общественных организаций.

Ключевые слова: институционализация женского православного общественного движения, пути воцерковления, феминизация церковной жизни, гендерный контракт, социальные проблемы, социальное служение.

Summaries

Bazueva E. V. Power as the subject of gender economics research

The necessity of researching power relations in the sphere of gender economics has been justified in the article. The possibility of gender research of power relations in economic system with the usage of the achievements of institutional economics as well as its part known as economics of power has been pointed out in the article. The behavioural model of the theory of power developed by V. Dementyev was used as a tool in order to achieve the stated goal. Taking into the account the methodological basis, the main reasons for growth of gender economics out of interaction between men and women have been determined. The characteristic of types of gender power has been also studied in the article. The mechanism of its reproduction has been shown with the help of the relevant gender economics institutions. The diseconomies of the gender economics institution now functioning in Russia have been determined concerning the micro — and macro levels of economy which considerably lower the efficiency of its operating.

Key words: power, gender power, costs of submission, abandonment cost, institutional environment, externalities of power.

Dronov D. S. Peculiarities of prestigious consumption among Russian women

In article features the prestigious consumption among modern Russian women. Statistical data on occurrence of motivation of demonstration behavior are generalized. Features of formation of consumer preferences to jewelry are discovered.

Key words: jewelry, prestigious behavior, envy, jewelry stores, purchase.

Riabov O. V. Gendering the «Soviet enemy» in American cinema during the Cold war

The article is devoted to the gendering the image of the USSR in American cinema during the Cold war (1946—1963). The author points out that Hollywood's images of Soviet and American masculinity, femininity, family and love served as a weapon of international ideological confrontation as well as a part of the «Feminine Mystique» discourse which aimed to support a certain gender order in the US.

Key words: The Cold war, cinema, gender discourse, femininity, masculinity, family, image of the enemy

Tsalko E. O. Image of Russian woman in Russian national identity (Based on interviews' materials)

Based on individual interviews the author examines a role of a Russian woman's image in the national identity of Russians, this image's function as a borderguard between Russians and other nations.

Key words: national identity, gender identifiers, image of Russian woman.

Koroleva T. V. First World War and Women's movement in France

The article analyzes the development of French women's movement under the influence of the First World War, characteristic features of various directions of movement before war have come to light, transformation of their purposes and tasks. Productivity of movement as a whole is estimated.

Key words: First World War, Women's movement, feminism, «social feminism», women's suffrage, socialist women's movement.

Loshakova Yu. P. Protecting women's rights in the scope of gender equality (Based on Swedish legislation)

This article analyzes gender equality in Swedish society through legislative aspect and focuses on women's status. J. Assange's case is regarded as misapplication of Swedish liberalism.

Key words: gender equality, women's status, Swedish legislation, Assange.

Shtylyova L. V. Gender and quasi-gender approach in contemporary studies in pedagogics

In the article, based on the dissertations of 1998—2008, the methodological problems of using the gender approach in contemporary studies in pedagogics are considered. The author gives characteristics of differences between qualified and quasi-gender approach.

Key words: gender approach in pedagogical studies, quasi-gender approach, «gender problem», essentialism, biological determinism (indeterminism), gender methodology.

Makarova S. N. Gender features of vocational training of students to labour activity

In the given article scientific-methodical approaches and mechanisms of effective functioning of the vocational training system of graduates of administrative and economic specialties of higher educational institutions taking into account the gender features are presented.

Key words: vocational training, gender, administrative activity.

Radina N. K., Nikitina A. A. Probable influence of women as a social group on the transformation of men's identity

In the article the possibilities of women to bear responsibility for «gender changes» and to influence transformations of man's identity are discussed. The fact that women are not sources of gender transformations of a society, but the social actors who aspire to benefit from public transformations because of economic and political deprivation of their former social position is studied.

Key words: gender relations, gender socialisation, man's identity.

Pastuhova M. V. Psychological aspects of the problem of deviant paternity

The theoretical aspects of the problem of deviant paternity, forms and reasons of irregular paternal behavior are considered in this article. The article represents the opinions of researchers concerning this issue. The model of development of paternity developed by the author (norm and deviation) is also represented.

Key words: paternity, deviant paternity, irregular paternal, paternal deprivation, improper parenthood, model of development of paternity.

Fedotov A. A. Expansion of women's activities within Russian Orthodox Church in the 20th — early 21st centuries

The growing of women's activity is observed within Russian Orthodox Church in the 20th — early 21st centuries. It includes the emergence of opportunities for women to obtain higher education in theology, receive theological degrees and take administrative positions within the Church.

Key words: woman, Russian Orthodox Church, higher education, degree in theology, administration.

Belova T. P. Orthodox women's social movement in modern Russia

Process of an institutionalization of orthodox women's social movement in modern Russia is analyzed. Principal objectives and problems of this process reveal. The basic directions and forms of activity of women's orthodox public organizations are characterized.

Key words: institutionalization of orthodox women's social movement, routes to the Church, feminization of church life, the gender contract, social problems, social service.

Авторы номера

- БАЗУЕВА**
Елена Валерьевна кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической теории и отраслевых рынков,
Пермский государственный университет.
bazueva.l@mail.ru
- БЕЛОВА**
Татьяна Павловна кандидат философских наук,
доцент кафедры общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
tpb_ivgu@mail.ru
- ДРОНОВ**
Дмитрий Сергеевич кандидат педагогических наук,
зав. кафедрой ювелирного искусства,
Высшая школа народных искусств (г. Санкт-Петербург),
член Союза художников России.
dronovanona@mail.ru
- КОРОЛЕВА**
Татьяна Валерьевна кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории и культуры,
Ивановский государственный
энергетический университет.
kor_tv@mail.ru
- ЛОШАКОВА**
Юлия Павловна аспирантка кафедры социологии политических
и социальных процессов, Санкт-Петербургский
государственный университет.
Yloshakova@mail.ru
- МАКАРОВА**
Светлана Николаевна кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, Пензенский государ-
ственный университет архитектуры и строительства.
sveta150473@yandex.ru
- НИКИТИНА**
Александра Александровна аспирантка кафедры возрастной психологии,
Нижегородский государственный педагогический
университет.
aleksa-nik08@mail.ru
- ПАСТУХОВА**
Марина Владимировна преподаватель кафедры общей психологии,
Институт психологии, педагогики и социальной работы
Рязанского государственного университета
им. С. А. Есенина.
m.v.pastuhova@yandex.ru

РАДИНА Надежда Константиновна	доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии, Нижегородский государственный педагогический университет; профессор кафедры социальной психологии, Нижегородский институт менеджмента и бизнеса. rasv@yandex.ru
РЯБОВ Олег Вячеславович	доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. Riabov1@inbox.ru
ФЕДОТОВ Алексей Александрович	доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор кафедры гуманитарных и общественных дисциплин, Ивановский филиал Института управления (г. Архангельск). AAlFedotov@yandex.ru
ЦАЛКО Екатерина Олеговна	аспирантка кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет. vorontsova_kate@mail.ru
ШТЫЛЕВА Любовь Васильевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики, дошкольного и начального образования, Мурманский государственный гуманитарный университет. many-ny@rambler.ru
ЭКОНЕН Кирсти	доктор философии, Университет Хельсинки. kirsti.econen@helsinki.fi

Содержание

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ

- Базуева Е. В.** Власть как предмет исследования гендерной экономики 3
Дронов Д. С. Особенности престижного потребления у российских женщин 14

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

- Рябов О. В.** «Советский враг» в американском кинематографе Холодной войны:
гендерное измерение 20
Цалко Е. О. Образ русской женщины в структуре национальной идентичности
русских (По материалам интервью) 31

ПРАВА ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Королева Т. В.** Первая мировая война и женское движение во Франции 42
Лошакова Ю. П. Защита прав женщин в контексте гендерного равноправия
(На материалах законодательства Швеции) 53

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Штылева Л. В.** Гендерный и квазигендерный подход в современных исследова-
ниях по педагогике 62
Макарова С. Н. Гендерные особенности профессиональной подготовки студен-
тов к трудовой деятельности 69

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Радина Н. К., Никитина А. А.** Возможное влияние женщин как гендерной груп-
пы на трансформации мужской идентичности 78
Пастухова М. В. Психологические аспекты проблематики девиантного отцовства 87

ГЕНДЕР И РЕЛИГИЯ

- Федотов А. А.** Расширение сферы деятельности женщин в Русской Православной
Церкви в XX — начале XXI в. 93
Белова Т. П. Женское православное общественное движение в современной Рос-
сии 100

РЕЦЕНЗИИ

- Эконен К.** Вызов современности. Рец. на кн.: Юкина И. Русский феминизм как
вызов современности 108

- Аннотации* 111
Авторы номера 117

Contents

GENDER ASPECTS OF ECONOMICS

- Bazueva E. V.** Power as the subject of gender economics research 3
Dronov D. S. Peculiarities of prestigious consumption among Russian women 14

GENDER ASPECTS OF IDENTITY

- Riabov O. V.** Gendering the «Soviet enemy» in American cinema during
the Cold war 20
Tsalko E. O. Image of Russian woman in Russian national identity
(Based on interviews' materials) 31

WOMEN'S RIGHTS: HISTORY AND MODERNITY

- Koroleva T. V.** First World War and Women's movement in France 42
Loshakova Yu. P. Protecting women's rights in the scope of gender equality
(Based on Swedish legislation) 53

GENDER EDUCATION

- Shtylyova L. V.** Gender and quasi-gender approach in contemporary studies in peda-
gogics 62
Makarova S. N. Gender features of vocational training of students to labour activity 69

GENDER PSYCHOLOGY

- Radina N. K., Nikitina A. A.** Probable influence of women as a social group
on the transformation of men's identity 78
Pastuhova M. V. Psychological aspects of the problem of deviant paternity 87

GENDER AND RELIGION

- Fedotov A. A.** Expansion of women's activities within Russian Orthodox Church
in the 20th — early 21st centuries 93
Belova T. P. Orthodox women's social movement in modern Russia 100

REVIEWS

- Ekonen K.** Challenges of modernity. Book review: Yukina I. Russian feminism as the
modern challenge 108
Summaries 114
Authors of the issue 117

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (59) — 2011

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 20.05.2011 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47